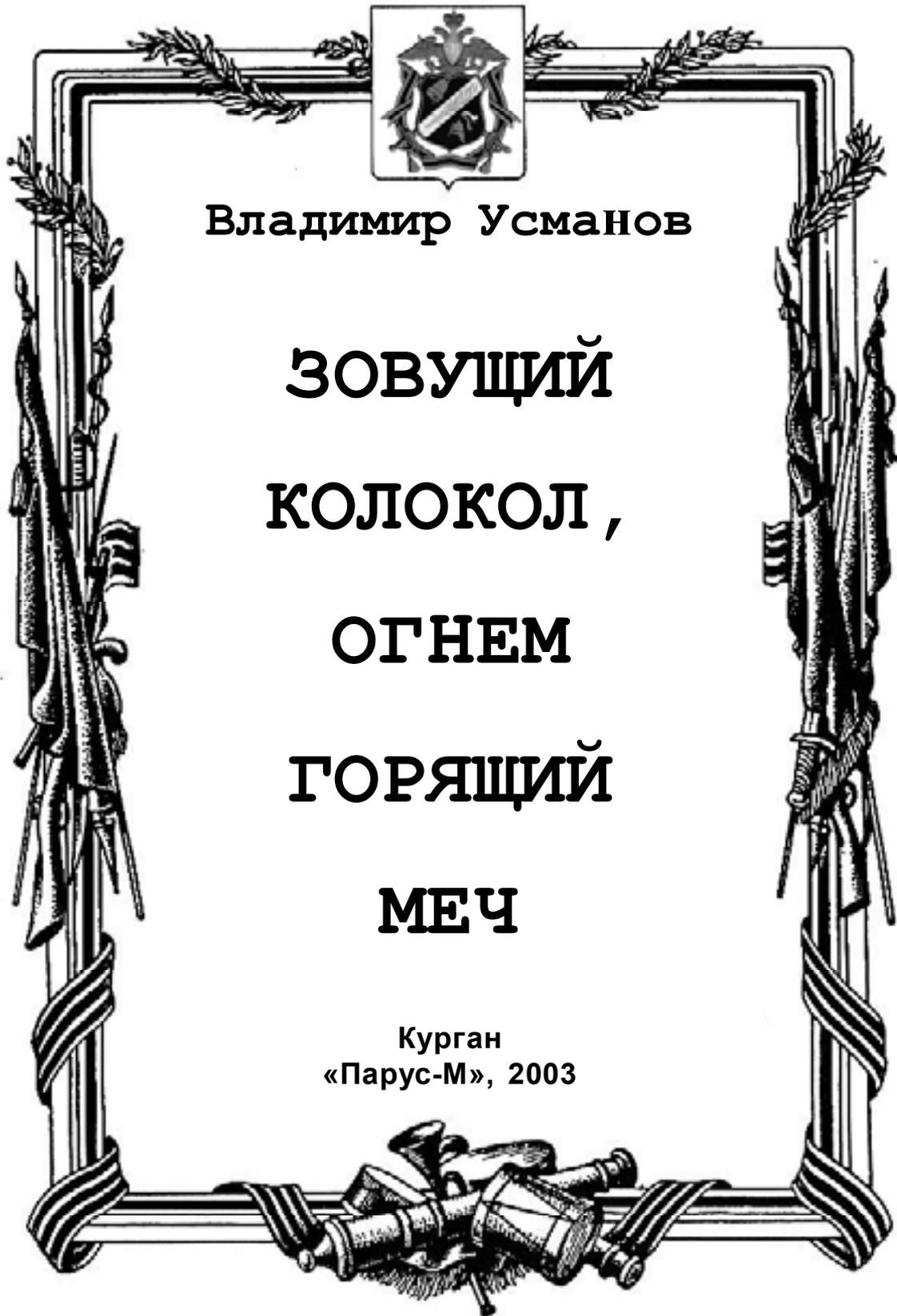

Владимир Усманов

**ЗОВУЩИЙ
КОЛОКОЛ,
ОГНЕМ
ГОРЯЩИЙ
МЕЧ**

Курган
«Парус-М», 2003

К03 (07)

Владимир Викторович Усманов,
военный комиссар Курганской области,
генерал-майор, кандидат педагогических наук

Зовущий колокол, огнем горящий меч

(том второй)

60-летию Сталинградской битвы и образования
Курганской области посвящается

Редакционная комиссия:

Г.П. Устюжанин (председатель), В.Н. Лаухтин, В.Ф. Васильев,
В.П. Бражнов, Б.Б. Болотин, М.С. Иштанов,
В.П. Могутнов, В.Т. Серков, С.П. Суханов

Научный редактор:

В.В. Пундани, доктор исторических наук,
профессор, действительный член Академии военных наук.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность редакционной комиссии, военным комиссарам городов и районов области, сотрудникам военных комиссариатов, областных и районных архивов, областного краеведческого музея, библиотек имени А.К. Югова и Н.А. Островского, активистам-краеведам, ветеранам органов местного военного управления, оказавшим помощь в сборе материалов и документов для написания книги. Спасибо Военно-мемориальной компании, Военно-страховой компании, Фонду социальной поддержки «Линия жизни», руководителям коллективов, простым добрым людям за пожертвованные средства для того, чтобы появилась эта книга.

Книга «Зовущий колокол, огнем горящий меч» рекомендована Главным управлением образования Курганской области учебным учреждениям всех уровней, как дополнительное пособие при изучении курса общей истории страны и родного края.

ISBN 5 - 86047 - 152 - 1.

© «Парус-М», 2003.

НЕЗЫБЛЕМОСТЬ РОССИИ КАК ДЕРЖАВЫ – В ПАТРИОТИЗМЕ НАРОДА

Курганской области в современном административном устройстве 60 лет. Что такое 60 лет? Это средняя продолжительность жизни человека, а для истории - один миг. В какие только губернии и области России ни входил Зауральский край, но всегда люди, его населявшие, честно и достойно исполняли свой гражданский и воинский долг. Где только ни сражались за свою Родину наши земляки, везде гремела слава о их мужестве, стойкости, героизме.

В годы Великой Отечественной войны 200 тысяч курганцев в рядах сибирских дивизий грудью заслонили дорогу фашистским полчищам, не отдали на поругание столицу Родины - город Москву, чем заслужили бессмертную память. Жителям столицы давно пора уральским и сибирским дивизиям, которые погибли под Москвой, установить достойный их подвига монумент, да и дата близится достойная – 60 лет Великой Победы.

Работая над книгой, не переставал восхищаться судьбами людей, вынесших на

своих плечах всю тяжесть войны, от Героя Сталинграда командарма Шумилова до рядового Захарова, кавалера пяти медалей “За отвагу”. А как не восхищаться нашими женщинами, которые и на фронте, и в тылу проявили чудеса жизнестойкости и веры в победу.

Чтобы показать всю многотрудную и многогранную работу каждого гражданина нашей области в лихую годину – мало будет многотомной книги и, наверное, человеческой жизни. Но делать это необходимо, так как будущие поколения должны знать, какой ценой была достигнута победа в Великой Отечественной войне.

Раскрывая работу военных комиссариатов в годы войны и в послевоенное время видно, каким напряжением наших людей, отечественной науки, сельскохозяйственного и промышленного производства, деятельности власти достигалось равновесие в мире. За словами “паритет”, “разрядка международной напряженности” стоит труд десятков миллионов людей, высочайшая боеготовность Вооруженных Сил. Международный авторитет Советского Союза был не пустым звуком, это была гарантия мира на всей планете. Многие страны видели в СССР друга и защитника. И еще не известно, как нам отзовется потеря международного авторитета, который действительно был всегда весомо подкреплен, а не просто декларирован, как сегодня.

Наша страна имеет такую многострадальную историю, столько в ней было всего, что уроков предостаточно. И поэтому, прислушиваясь к поборникам “общечеловеческих ценностей”, нам никогда нельзя забывать о собственных национальных интересах.

В книге, уважаемый читатель, много ярких фактов из жизни зауральцев военных и послевоенных лет, и они, наверное, будут схожи с судьбами жителей других областей, краев и республик нашей Великой Родины, что еще раз доказывает: страна жила единым организмом, едиными целями и задачами, а не интересами “субъектов”. Мы помним и Киевскую Русь, и Смуты на землях русских – все они заканчивались трагедией для народов России. Выходит, мы плохие ученики или, может, нам мало прошлых потрясений?

И пусть каждый, прочитавший эту книгу, об этом задумается, и это уже будет хорошо. Автор не стремится понравиться всем, да так и не бывает, каждый имеет право на свой взгляд на историю, на свое суждение о ней. И только сама ИСТОРИЯ имеет право быть ТОЛЬКО ТАКОЙ, КАКОЙ ОНА БЫЛА.

Читая и размышляя о военных деятелях и простых людях, их поступках в различных условиях, оценки и выводы, наверняка, у всех будут разные: одни поратуют за “сильную руку”, другие будут ее проклинать, третьи – предлагать свое. Но я бы хотел обратить внимание на одно: какие результаты и какие последствия это имело для укрепления общества и страны, в этом, наверное, главный итог деятельности любого руководства. Как много и красиво ни говорить о реформах и преобразованиях, критерием истины, в любом случае, будут практические результаты.

Помня об этом, не снимая с себя и не перекладывая ответственности на других, не подстраиваясь под многоголосый хор советников – только так можно решать вопросы войны и мира. Ибо за этим – жизни миллионов людей, их чаяния, надежды и уверенность в справедливости и могуществе государства, в котором мы все с вами живем.

В. Усманов, генерал-майор,
военный комиссар Курганской области,
кандидат педагогических наук

Часть первая

РОЖДЕННАЯ В ОГНЕ

Снова смотрю на название вступительной главы второго тома книги “Зовущий колокол, огнем горящий меч”, а разум и сердце заставляют руку еще раз твердо вывести на бумаге – **наша Ордена Ленина Курганская область родилась в огне Великой Отечественной войны**. Да, мне возражали, говорили, что в огне – это слишком громко, даже гиперболично. Мол, по земле курганской не гулял смерч Отечественной войны, на нее не ступал кованый фашистский сапог, дома и села наши не полыхали в военных пожарищах, их не бомбили гитлеровские стервятники...

Да, все это так и не так. Действительно, бомбы немецких фашистов здесь не рвали на куски нашу землю. Не рвали. Потому что деды, отцы и братья многих курганцев в составе Уральских и Сибирских батальонов, полков и дивизий заступили гитлеровцам дорогу, заслонили собой сердце Советского Союза – Москву, встали насмерть под Ленинградом, беспримерным мужеством, стойкостью и героизмом в боях за Сталинград изумили человечество. Именно здесь, на берегах великой русской реки Волги, где противоборство вероломства и зла с силами правды и справедливости достигло величайшего напряжения, слова “Сибиряк”, “Уралец” приобрели ореол сверхчеловека, способного к неодолимости в обороне, неудержимости в атаке и наступлении.

На Курганской земле не снаряды и бомбы, а похоронки обжигали сверх всякой боли материнские и детские сердца: 117 тысяч бойцов и командиров Красной Армии из городов, сел и деревень наших положили свои жизни на алтарь Великой Победы. В 17-и объемистых томах Книги Памяти Курганской области вписаны их имена и фамилии. Я с великим волнением и сердечной болью вчитывался в героические и трагические строки этих бесценных книг. Мне кажется, да не кажется, а так оно и есть, что от самой Москвы-матушки и по всей Европе нет дорог и высот, которые бы героически не преодолевали и не брали с боями деды, отцы и братья людей, живущих сегодня на земле Курганской.

Защитники Брестской крепости. С картины П. А. Кривоногова.

ВСЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ РОДИНЫ

Вернемся же к первым дням Великой Отечественной. 23 июня 1941 года на центральной площади Кургана, как улей, гудел многотысячный митинг. В тот день курганцы поклялись самоотверженно, ударному трудиться на своих рабочих местах. По первому зову партии и правительства влиться в ряды фронтовиков, защитников Родины, не жалеть крови, а если понадобится, и самой жизни в Отечественной войне против фашистских варваров. Об этом писала газета «Красный Курган» в номере за 24 июня 1941 года. И в эти же дни, часы и минуты наши земляки в боевых порядках Западного фронта, после ураганных артобстрелов и бомбовых ударов гитлеровских агрессоров героически отражали бесчисленные атаки отобилизованной солдатни 46-й немецкой дивизии, штурмовавшей пограничную Брестскую крепость. Среди ее героических защитников были Николай Патраков из Кургана, Иван Глухих из Мокроусово, Василий Антропов и Алексей Григорьев из Катайского района, Константин Гилев из Шадринска и другие наши земляки. Они не дрогнули, не посрамили чести советского солдата.

В первый же день войны в жестоких боях столкнулись лицом к лицу с фашистской сворой курганец Иван Михайлович Аистов, Григорий Тимофеевич Александров из Белозерки, учитель из Каширино Дмитрий Андрианович Белоусов, Михаил Данилович Воробьев из Шумихи, командир саперного взвода Виктор Ефимович Куфтин из Усть-Уйки, командир стрелковой роты Константин Николаевич Коротков из села Неонилино Шадринского района, Георгий Матвеевич Спирев из села

*Куфтин
Виктор Ефимович*

Введенское Кетовского района, генерал Михаил Степанович Шумилов вместе с бойцами своего стрелкового корпуса... Да разве всех назовешь, перечислишь, если их тысячи и тысячи наших земляков, кто принял на себя первые вероломные, наглые, а потому и наиболее тяжелые и губительные удары гитлеровских полчищ. Сконцентрировав огромные силы, враг внезапно атаковал наши воинские части, находящиеся в летних лагерях, на широчайшем фронте от Белого моря до Черно-го, по суше, морем и с воздуха. Его моторизованные армады, используя эти преимущества, захватывали села и города. Но медленнее и с большими потерями, чем они рассчитывали по плану “Барбаросса”.

С 23 июня в стране развернулась массовая мобилизация военнообязанных, начиная с 1905 по 1918 год рождения включительно. Призыву в армию подлежало большинство самого трудоспособного населения. Нередко случалось, что на фронт уходило все мужское поколение семьи, а то и рода. Уже в начале второго месяца войны Куртамышская районная газета “Путь колхоза” сообщала, что в боях с гитлеровцами сражаются пять братьев Болдиных. Парасковья Петровна Васильева из села Казак-Кочердык проводила на фронт пятерых сыновей. Из семьи Трофима Тимофеевича и Пелагеи Осиповны Саютиных, живших в Усть-Уйском районе, ушли защищать Родину сыновья Александр, Алексей, Василий, Константин, Николай, Павел, Федор и внуки Александр и Иван. Шесть братьев Дружковых ушли на фронт из села Кушма Шумихинского района, шесть сыновей проводила на войну колхозница Александра Теплоухова из деревни Усольцевой Мехонского района.

Одновременно с мобилизацией и отправкой на фронт резервистов в городах и деревнях, на предприятиях, в колхозах и совхозах развернулась работа по организации добровольных дружин народного ополчения. Челябинский обком партии уже 5 июля 1941 года принял по этому вопросу специальное постановление, в нем было сказано: “1) В соответствии с постановлением Военного Совета Уральского Военного Округа от 4 июля 1941 года обязать секретарей горкомов и райкомов ВКП(б), совместно с горрайвоенкомами организовать добровольные дружины народного ополчения и начать военное обучение их членов без отрыва от производства.

2) Комплектование отделений, взводов и рот произвести из трудящихся, подавших заявление о добровольном вступлении в народное ополчение по военно-учетным специальностям: стрелки, пулеметчики, артиллеристы, связисты и так далее. Для женщин организовать краткосрочные курсы медицинских сестер и сандружинниц.

3) Привлечь для обучения народного ополчения командиров, политработников запаса и инструкторов Осоавиахима. К занятиям приступить с 7 июля 1941 года, ежедневно по 4 часа.

4) Обязать председателя областного совета Осоавиахима товарища Шугурова обеспечить подразделения народного ополчения необходимым учебным оружием и материальной частью.

5) Возложить руководство над подразделениями народного ополчения области на облвоенкома товарища Ракишина и военный отдел Обкома ВКП(б), а в городах и районах на горрайвоенкомов и заведующих военными отдела-

ми горкомов и райкомов ВКП(б).

б) *Обязать секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) раз в декаду представлять отчеты о комплектовании дружин и о ходе обучения народного ополчения в военный отдел обкома ВКП(б)*". (ГАЧО ф.228. Особая папка, л. 216)

И следом за постановлением шла организаторская и практическая работа. Вот строки из отчета Каргапольского района: "С первых дней войны образовано 19 дружин народного ополчения. Военный отдел райкома ВКП(б), райвоенкомат, райсовет Осоавиахима и физкультуры создали 15 рот, в них 58 взводов, в которых состоит 1479 бойцов. Они изучают военное дело по установленной программе. В двух специальных взводах готовим 50 пулеметчиков, в двух других обучаем 20 связистов, 25 истребителей танков. Готовим также стрелков и автоматчиков. Работу возглавляет районный штаб. Комсомольские и Осоавиахимовские организации на местах проводят обучение по противоздушной и химической обороне. Обучением охвачено 12804 человека.

В колхозах и на предприятиях работают группы самозащиты. Общество Красного Креста, райздравотдел и райком ВЛКСМ организовали 4 санитарных дружины, в которых занимались 76 человек. После окончания занятий 50 дружинниц сдали нормы на значок "ГТО I ступени" и 14 – на значок "ГТО II ступени". Комсомол, райсовет физкультуры и Осоавиахим организовали обучение и сдачу норм на значок "ГТО" и "Ворошиловский стрелок".

Такая же работа была развернута и в других районах.

К концу осени 1941 года в селах и деревнях земли Курганской все основные дела в городах и селах вершили женщины да подростки.

Гитлеровское нашествие поставило перед нашим народом и руководством страны задачи невероятной сложности по организации отпора врагу, срочной мобилизации и отправке на многочисленные фронты сотен тысяч военнообязанных граждан и одновременно найти силы, средства и возможности по перемещению на Урал и в восточные районы страны огромных производственных, материальных и культурных ценностей. Было необходимо в сжатые сроки, под бомбежками и обстрелами демонтировать, погрузить и вывезти тысячи предприятий, спасти от порабощения врагом многие миллионы советских людей.

ЦК ВКП (б) и Совет Народных Комиссаров СССР уже 27 июня 1941 года отправили на места директиву "О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества". В ней партийным и советским органам предписывалось организовать работу по размещению и монтажу эвакуированных заводов и фабрик, сделать все, чтобы они в кратчайшие сроки смогли производить продукцию, в первую очередь, военную.

Курганский горисполком уже 29 июня 1941 года принял решение "О предоставлении квартир и обеспечении питанием граждан Советского Союза, прибывающих из районов военных действий". И это было не просто решение, за ним следовала организаторская, практическая работа.

Поезда увозили на фронт из зауральских городов и селений переодетых в солдатскую форму рабочих заводов и фабрик, хлебопашцев, а с полыхающих в огне

войны западных районов: из Прибалтики, Белоруссии, Украины, Москвы, Ленинграда в Зауралье прибывали эшелоны эвакуированных людей. Население Кургана уже в 1941 году увеличилось почти на 20 тысяч человек, 16 тысяч эвакуированных принял Шадринск, более пяти тысяч Петуховский, по четыре тысячи человек Каргапольский, Катайский, Курганский, Макушинский районы. В Зауралье не было села, где бы не размещались беженцы от войны. Им предоставлялись кров, помощь продовольствием, трудоустройство.

На станцию Курган 13 июля 1941 года прибыло оборудование Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения. Его разместили на базе Курганского машиностроительного завода. Объединенное предприятие стало называться “Завод Уралсельмаш”. В августе прибыло в Курган оборудование Мозырьской электростанции. Его пришлось разместить на территории стройки завода тяжелых кранов. Для прибывшего 25 сентября оборудования Кременчугского завода бензозаправочных средств были отведены здания драмтеатра и бывшей “Турбинки”. Прибывший одновременно с ним завод “Продмаш” из Черкасс был размещен в корпусах демонтированной музыкальной фабрики. Оборудование цехов с трех заводов: московских – имени Орджоникидзе и “Манометр” и Харьковского металлостамповочного, было разгружено, быстро смонтировано и на их основе организован Курганский механический завод. Одесскую трикотажную фабрику имени Крупской, прибывшую в сентябре 1941 года, разместили в складских помещениях на базарной площади, в зданиях городской типографии и редакции газеты “Красный Курган”.

Для размещения инструментального, арматурного и деревообрабатывающего цехов Московского автомобильного завода отвели корпуса Шадринской прядельно-ткацкой фабрики “Красный Октябрь” и помещения городского клуба, типографии, школы механизации сельского хозяйства. На базе этого оборудования и филиалов МАЗа – карбюраторного и вспомогательного оборудования был создан Шадринский автоагрегатный завод. В Шадринске из оборудования Московского завода имени Калинина и Прилуцкого завода ППО создан завод “Полиграфмаш”, из Московского радиозавода – телефонный завод. В цехах ликероводочного завода разместилась Московская табачная фабрика.

Эвакуированные предприятия размещали и в районных центрах. Петуховский стрелочный завод принял оборудование цехов Московского завода имени Войтовича. В помещениях машинно-тракторных мастерских в Катайске разместился Мелитопольский насосно-компрессорный завод. В Варгашах и Щучьем основались Торжокский и Брянский заводы противопожарного оборудования. В Шумихинском районном Доме культуры обосновался цех Московского подшипникового завода, а в помещении МТС – Запорожский машиностроительный завод имени Войкова.

В Зауралье были эвакуированы Полтавский сельскохозяйственный, Московские полиграфический и технологический институты. Они были размещены в Кургане, Шадринске и селе Чаши.

Круглосуточно, в жару, холод и непогоду зауральцы разгружали десятки и сотни вагонов с оборудованием, вели его монтаж. В считанные недели возникали новые заводы, налаживалось производство военной продукции.

Понятия “невозможно”, “трудно” перечеркивались коротким – “необходимо”.

Очень зримо рисуют обстановку той военной поры воспоминания бывшей Курганской школьницы Галины Киселевой: “Началось все серым октябрьским днем 1941 года, когда созвали нас, старшекласников, на линейку и объявили, что необходимо помочь фронту. Зачитали список школьников старших классов, кого направляют на различные предприятия города Кургана. В списке были те, кто годился не только по возрасту, но и по росту.

Я, хоть и годами не вышла, но была высокой рослой девочкой. Назвали и меня. Всех направили на “Уралсельмаш”.

Утром я встала пораньше и начала собираться на работу. Дом наш стоял на Некрасовой. У нас была одна комната с кухней, и то половину комнаты отдали эвакуированной семье, а сами – мама, две сестры, младший брат и я остались в другой половине, отгородившись лишь легкой ширмой. Жили хоть тесно, но дружно. Мама возила сено на быках со скотобазы и уходила рано. Собиралась я одна. Стою и думаю, что бы надеть? “Учебное” все, легкое ...

Заходят трое военных, в шинелях. Все молодые, среднего роста, в чинах. Вежливо поздоровались и спрашивают: “У вас тут есть рабочие, из старших?” “Мама работает на быках, а меня школа перевела на “Уралсельмаш”. Офицеры переглянулись и сказали: “Хорошо. Пойдете тогда с нами. Приехал завод и размещен рядом, вам не надо будет далеко ходить”. Я надела на себя юбку поплотнее, куртку, ботинки и пошла за военными. Привели сразу к рабочим.

Оказалось, что завод только-только прибыл. От железной дороги оборудование довели до старого элеватора (что у современного Некрасовского рынка). Там возвели небольшой заборчик с будочкой-проходной, за которой громоздились деревянные ящики – от маленьких с деталями, до огромных со станками. Вокруг уже стояли рабочие, исключительно женщины, и расколачивали доски. Им в помощь и привели нас 7 девчонок и 5 мальчиков.

Поразило то, что уже 5 станков стояли распакованные и установленные на расчищенной площадке. Не было ни крыши, ни стен, а за ними уже работали! Прямо под открытым небом. Мы, девочки, стали помогать раскрывать ящики, разносить детали. Нам говорили, куда нести, а мы старались всюю. Работы было много. Так, бывало, устанем, что сил нет, 4-5 девчонок присядем за большими ящиками, обнимемся и плачем. Проревемя и опять работать. Но плакали так, чтобы никто не видел, особенно рябковские мальчишки, которых уже поставили за станки. Они уже делали продукцию для фронта, стоя на подложенных ящиках. Уставали тоже смертельно, но трудились изо всех сил. Понимали: Все для фронта! Все для победы! Завод работал прямо на голой земле, под открытым небом, стремясь как можно скорее выдать необходимую продукцию. Погода еще позволяла. Три офицера, приехавшие с заводом, отправились решать проблему с бараками. Из “Копая”, славившегося своими “землянушками”, военные привели мало-мальски “могутных” старичков, которые помогли до ноябрьской слякоти и снега сделать барак и покрыть его крышей. В это строение поместили часть еще не распакованных станков, повесили замок и стали пускать только некоторых рабочих. Объект считался секретным.

Этот завод приехал из Смоленска. Впрочем, название “завод” звучит слишком громко для одного эшелона из 4-5 вагонов с оборудованием и двух десятков рабо-

чих. Вероятнее всего, это был лишь вспомогательный цех какого-то крупного предприятия, который вырвался из объятаго огнем города в самый последний момент. Поезд уходил уже под бомбами немецких самолетов.

Помимо трех военных, с цехом приехали два мастера и 8-10 работниц с семьями. Они работали в закрытом бараке – цехе, а дети спали и играли в раздевалке, которая заменила детский садик.

Вскоре меня поставили работать на циркулярную пилу. Военные договорились брать пиломатериалы на мясокомбинате и привозили их в достаточном количестве. Мне поручили распиливать квадратные чурочки на 4 части.

Первую неделю работала, боясь отпилить себе пальцы или ладонь. Мне помог мастер Николай Абрамович, который приходил и постоянно напоминал: “Сучковатые чурки откладывай”. Мне ведь 14 лет, и сил не хватало пропилить плотное дерево. Я откладывала чурки с сучками в сторону, а Николай Абрамович придет и за две – три минуты их распилит на циркулярке. Я уставала так, что многое делала механически. И вот один раз работаю, а потом – провал в памяти.

Открываю глаза, а я дома лежу. Рядом сидят две медички в белых халатах. Увидели, что я глаза открыла, и одновременно вздохнули: “Живая!”. Оказывается, я положила в пилу сучковатую чурку, распилить ее не смогла, и чурку выкинуло обратно. Со всего размаху она ударила мне в грудь и ушибла сердце. Я потеряла сознание. С завода меня отнесли домой на носилках, а опомнилась я только через сутки. Восемь дней лежала. Военные приходили каждый день проведовать. Приятно, что обо мне так заботились. На девятый день меня осмотрел врач. Послушал, а затем попросил: “Встаньте, походите по комнате”. Потом сказал: “Завтра на работу”.

Сегодня проще простого читается в книге – “прибыло оборудование завода, его разместили...”, а давайте представим, как это было на самом деле, например, в Катайске, где на железнодорожной станции не существовало специальной разгрузочной платформы, ни кранов, ни техники для перевозки станков, что все это делалось гурьбой людей вручную, с помощью ломов, бревен и лаг, под команду – раз, два, разом – взяли! Все здесь случалось: и сбитые козонки пальцев, ушибы и вывихи рук и ног, надсада, пот и кровь. Только все это называлось: “производственные травмы”, хотя нам их нужно сегодня расценивать, как раны в бою. Ведь эта кровь, эти увечья и потеря здоровья случились в борьбе за Победу. И все последующие поколения должны знать, четко понимать, что ковалась она всенародно на передовой многочисленных фронтов и здесь, в тылу, сотнями тысяч наших бабушек и матерей. Только такое личное понимание своей значимости каждым советским человеком и позволило там, в прифронтовой полосе, под огнем врага демонтировать заводы и предприятия, а здесь – в кратчайшие сроки давать им новую жизнь, работать на Победу.

Правду об этом мы должны знать и ни под какими бурями и штормами не расплескать беспримерный подвиг наших предков в горькие и героические военные годы. Уходят ветераны войны и ветераны труда военных лет, а вместе с ними уходит живая Правда о беспримерном подвиге наших дедов и бабушек, великих

тружеников и поборников справедливости, великой любви к Отечеству. Но их героическое прошлое продолжает питать и крепить нас в эту пору безвременья, нравственного предательства и опустошения.

Опыт отцов учит любить и ценить жизнь, уметь за нее бороться в условиях, какими бы безвыходными они ни казались. Отвоеванная в жесточайшей схватке с гитлеризмом жизнь – это бесценное наше наследие.

Вспомните, прямо с колес станки и оборудование эвакуированных предприятий устанавливались в приспособленных помещениях, а порой и прямо на открытых площадках образованного завода “Уралсельмаш”, стены цехов возводились следом. Тут же разрабатывались и изготовлялись чертежи для выполнения оборонных заказов, разрабатывались технологические процессы, изготовлялась оснастка. Многие сотни незнакомых, впервые встретившихся здесь людей, должны были дружно вершить великие дела. А ведь у каждого человека была своя судьба, свои привычки, свои болести и горести, умение или только желание хорошо работать. И их надо было объединить, сплотить воедино, вдохновить и повести на трудовой фронт борьбы за Победу.

Обстановка требовала ускоренных темпов и методов подготовки кадров. Работали кружки техминимума, курсы, школы передового опыта. Старые кадровые рабочие обучали молодежь непосредственно у станков. В короткий срок было обучено самым различным профессиям более двух тысяч человек.

В то суровое время коллектив жил одной мыслью, одним стремлением – сделать все для фронта. *“Каждый из нас ни на минуту не забывает, что фронт не только там, где гремят орудия, что фронт сейчас в каждом цехе, за каждым станком. У нас стало законом – не уходить с завода до тех пор, пока не выполнено задание”*, – писали уралсельмашевцы в газете “Красный Курган”.

Уже 26 августа 1941 года завод “Уралсельмаш” отправил на фронт первую партию боеприпасов. В сентябре завод приступил к выпуску минометов. Одно за другим стали выдавать боевую продукцию и другие эвакуированные предприятия. Снаряды, мины, ручные и противотанковые гранаты поступали от зауральских заводов. Последним в строй действующих 15 марта 1942 года вступил Шадринский автоагрегатный завод. Наряду с производством боеприпасов он стал снабжать автомобильные заводы страны радиаторами, карбюраторами, бензонасосами, домкратами и другой продукцией.

И все это проходило в условиях, когда наиболее квалифицированные мужские кадры ушли на фронт, когда в армию было отвлечено большое количество техники, транспортных средств. Когда в Зауралье, как и по всей стране, на производство пришли женщины, подростки, пенсионеры. Только в Кургане в 1941 году на заводы пришли около трех тысяч женщин-домохозяек. В паровозном депо более двухсот девушек и женщин стали кочегарами, мотористами, помощниками машинистов, слесарями. Становились к станкам на места своих отцов и братьев 15-17-летние мальчишки и девушки. Так первыми паровозными кочегарами стали Лида Веселова, Зоя Кутенина, Галя Федорова, Маша Макарова, Катя Коротких. Не все у них получалось сразу и гладко, но они преодолели трудности. Работали по-фронтовому.

В это суровое время приказом по Уральскому окружному военно-строительному управлению Главвоенстроя при СНК СССР за № 707 в Кургане была организована хозрасчетная подрядная строительная организация – участок военно-строительных работ № 299 (УВСП-299), который строил в городе помещения для жилья, военных складов, цеха на механическом заводе № 603 и заводе “Уралсельмаш”, в других местах.

Большой вклад в создание первой строительной организации в городе Кургане внес начальник УВСП-299, интендант 3 ранга Денис Варламович Богданов. Это был хороший организатор производства, чуткий, ответственный и отзывчивый человек. Он постоянно находился среди людей, жил с ними в одних условиях. Ежедневно обходил пешком все строительные объекты, вечерами – обязательно посещал 2-3 квартиры строителей, интересовался их бытом, семейным положением, помогал преодолевать трудности.

В первое время организации участка многие рабочие жили в палатках, пока строили жилье. Преобладал ручной труд, основными орудиями были тачки, носилки, лопаты. Лошадь была основной транспортной силой. Коллектив участка жил и работал по режиму военного времени, без выходных дней и отпусков, рабочий день продолжался с 8 часов утра до 8 часов вечера, с часовым перерывом на обед. “Чтобы врага победить на войне – план выполняй вдвойне и втройне”, “В труде, как в бою, – защищаешь Родину свою”! “Драться за выполнение плана так, как дерутся товарищи на фронте!” – такими были лозунги дня военных строителей той поры.

УВСП-299 имел четыре строительные площадки. Их возглавляли старшие прорабы Виктор Николаевич Девяткин, Михаил Петрович Шилькрот, Михаил Евсеевич Крылов, Михаил Наумович Рейтвурд, начальником гужевого транспорта был Макс Абрамович Нахман. Имелось 15 бригад: две – печников-каменщиков, три – землекопов, две – лесорубов, по одной – рыбаков, грузчиков и три – разнорабочих. Участок имел свой отдел рабочего снабжения, цех питания, медсанчасть, свои общежития, клуб, лесозаготовительные пункты, шлакоблочный цех и другие вспомогательные службы. Эта организация делала все, чтобы ускорить пуск эвакуированных предприятий. А сама работала в автономном режиме, то есть сама создавала и организовывала условия для решения жилищных вопросов, организации питания, медицинского и культурного обслуживания своих работников. Своими силами заготавливали продукты питания для работающих, корм для лошадей, дрова для отопления, лес для изготовления пиломатериалов и деревоизделий, стеновые материалы – кирпич и шлакоблоки.

Трудная задача обучения новых кадров решалась на ходу, по-военному. На предприятиях организовали курсы производственного обучения. Большое место в подготовке кадров заняли школы и училища трудовых резервов. В Кургане были организованы два ремесленных училища и четыре школы, которые подготовили предприятиям несколько тысяч рабочих. Они же готовили плотников, столяров, каменщиков для военной строительной организации, которая, к ее чести, стала впоследствии первой в Кургане специализированной строительной организацией, праматерью строительных трестов 74 и “Курганжилстрой”.

Перестраивая свою работу на военный лад, предприятия вели борьбу за увели-

чение производства оборонной продукции. Трудовой героизм был массовым. Каждый осознавал, что без его самоотверженного труда не будет победы на фронте, и потому работал зачастую на пределах человеческих сил и возможностей. В то время не приходилось спрашивать, выполнено ли задание тем или иным цехом или бригадой, а спрашивали, насколько оно перевыполнено, потому что ни один рабочий не ограничивался только выполнением нормы. Уже к концу первого месяца войны на промышленных предприятиях и железной дороге развернулось патриотическое движение за выполнение сменного задания на 200 и более процентов.

О том, в каких условиях работали тогда люди, вспоминает ветеран труда Дмитрий Артемьев: “Мне было 16 лет, когда я приехал в Курган из Ленинграда. Участвовал в организации механического завода. Цех наш разместился в бывших складах элеватора. Старшие спешно учили нас и уходили на фронт, а мы, 15-18-летние парни и девчата, вставали за станки, чтобы выдавать детали для снарядов. Мне, семнадцатилетнему юнцу, поручили возглавить бригаду в 10 человек. Единственным мужчиной в ней был я. Тонкорукые, глазастые, бледненькие девочки мужественно выстаивали по 10-12 часов за станками, у которых зимой от холода замерзала эмульсия, и ежедневно перевыполняли задания”.

Женщины и девушки заменяли уходивших на фронт мужчин. На “Уралсельмаше” работала Ефросинья Хирная. Она первой из женщин в городе освоила шлифовальное дело. Следуя ее примеру, в ноябре 1941 года десять работниц Курганского мясокомбината начали выполнять мужскую работу. Никто не роптал. “В забой, как в бой!” – эту шахтерскую заповедь взяли на вооружение многие. “Уралсельмаш” уже в октябре 1941 года выпустил продукции в восемь раз больше, чем в июле – первом военном месяце. Совершенствовалась технология, сокращался цикл прохождения обработки деталей, в кузнице усовершенствовали электросварку, в результате экономия электроэнергии была двойная, к тому же резко сократился брак.

Коллективам предприятий приходилось в кратчайшие сроки осваивать и налаживать выпуск новой продукции. Привожу документ тех дней из “особой папки” Челябинского обкома ВКП(б):

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

бюро Челябинского обкома ВКП(б)

от 28 октября 1941 года

Об организации производства 50 мм и 82 мм минометов

Во исполнение постановления ГКО №835 сс от 25 октября 1941 года бюро обкома ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать директора Шадринского завода противопожарного оборудования товарища Посвольского немедленно начать подготовку производства 50 мм минометов с тем, чтобы с января 1942 года выпускать по 800 минометов в месяц.

2. Обязать директора Курганского завода "Уралсельмаш" товарища Генкина немедленно начать производство 82 мм минометов с тем, чтобы в ноябре месяце 1941 года выпускать 25 штук, а с января 1942 года выпускать по 250 минометов в месяц.

3. Обязать секретарей горкомов ВКП(б): Шадринского – товарища Орионского и Курганского – товарища Бояршинова лично оказать необходимую помощь заводам в организации производства минометов.

Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на секретаря обкома ВКП(б) по машиностроению тов. Малиненко. *(ГАСО, оп. 42. ф. 228, д.18.)*

И это постановление было выполнено. На заводах и предприятиях Кургана, на железнодорожном узле битву за Победу чаще всего возглавляли коммунисты. Такова правда истории. Слесарь “Уралсельмаша” П.Л. Лосев, токарь И.И. Семёнов выполняли по три-пять норм ежедневно. Люди часто не уходили с завода, спали в цехах. Слесари – коммунисты с завода деревообрабатывающих станков М.М. Максименко и И.И. Каневский – выполняли за смену по пять норм.

Заметных успехов в выпуске боеприпасов уже в первом году добились многие предприятия Кургана. “Уралсельмаш” освоил литье мин без обработки в механическом цехе, а это – экономия металла и увеличение выпуска продукции в четыре раза. Комсомольцы, как и коммунисты, добровольцами рвались на фронт. А те, кто оставался в тылу, творили поистине чудеса. Токарь “Уралсельмаша” Васек Янович (так звали его сверстники) начал вырабатывать за смену не одну, а десять норм! “Это фашистским гадам, от меня закуска. Погодите, не то еще будет!” С ног валился парнишка, но не уходил от станка... Комсомолка Рая Верховская из литейного цеха выполняла по 5-6 норм. Комсомольская молодежная бригада Веры Заевой из литейного цеха ежедневно выполняла по две нормы. Ей было присвоено почетное звание – фронтовой. Такова она, правда, жизни. К концу 1941 года объем производства на заводе в 40 раз превысил довоенный уровень.

В сентябре 1941 года в Катайск прибыл состав из Мелитополя с оборудованием насосно-компрессорного завода. Его размещение, установка оборудования, наладка... это целая история. Ведь с заводом прибыло всего 178 рабочих. Станки свозили в основном в бывшие складские помещения и не просто свозили, тут же готовили площадки и сразу устанавливали. Сотни катайцев и жителей окрестных деревень были мобилизованы сюда на работу. Днем устанавливали станки, а ночью учились на них работать.

Уже в декабре была пущена силовая станция, начал работу механический цех, а в первом квартале 1942 года первая продукция завода была отправлена на фронт. А до конца года катайцы дали для обороны страны 151500 мин, 758 насосов, 29 компрессоров.

О той поре замечательные воспоминания оставил ветеран завода Иван Васильевич Полухин: “Родом я из Черемисского. Пацанами пришли мы на завод: Саша Петухов, Саша Акулов, Саша Давыдов и я. Из этой четверки, к сожалению, только я и остался. Я иногда и ночевать оставался в цехе, на сушильных печах. Ночью бежать домой далеко, да измотаешься, бывало, за смену так, что и силенок не оставалось”. Этот человек медеплавильщиком на заводе отработал более сорока лет. После своего 70-летнего юбилея продолжал работать. Здесь, на заводе, и остановилось его сердце.

Вот такие характеры закалялись в те великие военные годы. Двадцать две комсомольско-молодежные фронтовые бригады работали в дни войны на Катайс-

ком насосном заводе. Их девизом было: “Одна норма за себя, другая за товарища, ушедшего на фронт”. Эти молодые люди не покидали цеха, не выполнив двух норм. А некоторым удавалось сделать три и четыре нормы.

С тяжким трудом, страданиями и горем вращал Катайский завод в новую для него зауральскую землю, встал на ноги и сделал в те годы первые свои шаги и хорошей поступью продолжает свою жизнь сегодня.

И так было не только на Катайском новостроящемся заводе. Ветеран Шумихинского машзавода, сверловщица Александра Ивановна Барыкина вспоминает, как в 1942 году девчонкой пришла “создавать” завод. “Киркой и ломом долбила землю под площадки для станков, старалась изо всех сил перевыполнить норму. С какой радостью получала свою первую премию за ударную работу: кусок мыла и 3 коробки спичек.

Уставали на работе все, даже бык Мишка, единственный транспорт на заводской площадке, при звуке гудка на обед сам сбрасывал с шеи ярмо и отправлялся отдохнуть.

Станки установили. Работать учились тут же, подставив под ноги ящики. И, опередив план, дали мины для защитников Отечества. Научиться работать на станке, самому делать продукцию для фронта было стремлением каждого работника завода. Катя Квашнина поступила на Шумихинский машзавод истопницей. Забот у нее хватало. Но она научилась работать на станках так, что удивляла всех нас своими способностями, и вскоре была назначена мастером цеха. И каким мастером стала!”

На Шадринский автоагрегатный завод в то время пришла из села Красномылье работать комсомолка Маша Теревенина. Она освоила профессию прессовщицы и штамповала на прессе колпачки взрывателей к минам. Работать приходилось по 11-12 часов, а иногда и больше. Однажды, устав, неловко двинула рукой и лишилась указательного пальца на левой руке. Залечив руку, перешла работать в карбюраторный цех, освоила сложную и тонкую работу жиклерщицы, стала высококлассным мастером. Забегая вперед, скажу, что она и после войны удивляла всех на заводе своим трудолюбием и талантом. Выйдя замуж, стала Косинцевой Марией Александровной – Героем Социалистического Труда, гордостью ШААЗА.

И сколько таких замечательных судеб зародилось в то время великих испытаний для Отечества и его людей, научившихся ощущать себя частицей Великой Родины, частицей действующей, всепобеждающей.

ЗДЕСЬ ДОМ РОДНОЙ СИРОТЫ ОБРЕЛИ

Впервые дни войны обратилась в партийную организацию с просьбой пойти добровольцем на фронт Мария Дмитриевна Ковригина, широко известная в нашем крае активистка пионерского движения и жаркой комсомольской работы. Родилась она в селе Троицком Катайского района, была инициатором многих добрых дел, а после окончания медицинского института в Свердловске, работала заведующей сектором здравоохранения и народного образования в Челябинском об-

коме партии, а как врач – вела прием в городской больнице.

Ответ секретаря обкома был лаконичен: “Когда надо будет и куда надо будет – тогда и пошлем”. А через две недели она уже в ранге заместителя председателя Челябинского облисполкома занималась приемом и устройством населения, эвакуированного из прифронтовых районов.

– Особенно берегите детей. Это самое главное, за что вы в ответе перед партией и народом, – сказал ей, напутствуя на новую работу, секретарь обкома партии Сапрыкин.

Ковригина не умела работать вполсилы. Но более трудного периода у нее не было за всю жизнь, как потом вспоминала она сама. Возвращалась домой под утро, а телефонный звонок снова призывал отправляться на вокзал встречать очередной эшелон. Мария Дмитриевна буквально дралась за жизнь каждого ребенка, вырывала из рук смерти изголодавшихся, опухших, больных эвакуированных детей. В условиях суровейшей зимы организовывала отправку их в города и районы, расселение, питание, медицинскую помощь, обслуживание взрослых и детишек, подбирала на эту работу беспокойных и заботливых людей. Ковригина делала все, чтобы дети обрели здесь свой второй дом, были обогреты сердечным теплом зауральцев.

Успешно решать многие кадровые и организационные вопросы Марии Дмитриевне помогало то, что в тридцатые годы через работу в пионерских и комсомольских организациях прошли сотни тысяч ребят, где была широкая возможность проявить организаторские и деловые качества. Вчерашние вожаки и организаторы пионерского движения и комсомольской работы становились надежными руководителями и воспитателями коллективов детских домов, вожаками ударных фронтовых бригад, инструкторами военного обучения в многочисленных организациях ОСОАВИАХИМа.

Эшелоны с эвакуированными детьми начали прибывать уже в конце лета, осенью и шли всю зиму. К январю 1942 года на Курганской земле уже действовало 56 детских домов: 20 из Москвы и Подмосковья, 9 из Тульской области, остальные из других мест. Более 7 тысяч детей было эвакуировано к нам только из Ленинграда.

Зинаида Алексеевна Игумнова, воспитанница Максимковского детского дома вспоминает о той поре: “Осенью 1941 года станцию Большово, что находится в Московской области, начали часто бомбить. В парке, где находился наш детский дом, выкопали траншеи в виде буквы “Г”. Мы клеили бумагой стекла в окнах нашего дома, потому что они дрожали от выстрелов зениток. Днем, после каждой бомбежки, собирали в парке осколки снарядов. Каждую ночь, взяв с собой одеяла, мы сидели в траншеях до 2-3 часов ночи, до отбоя воздушной тревоги, а потом шли в спальни досыпать. А враг все зверел и рвался к Москве.

Конечно, такое долго продолжаться не могло, и Правительство приняло реше-

*Ковригина
Мария Дмитриевна*

ние – вывезти всех детей детских домов из Москвы и Подмосковья.

Хорошо помню, это было 21 октября 1941 года, мы в последний раз завтракали в своей столовой и поехали в Москву. Там пробыли целый день, видимо, решался вопрос, в каком направлении мы поедem. Были разговоры, что поедem в Чебоксары, потом в Ташкент, но в этот вечер фашисты сильно бомбили Москву, в основном вокзалы и железнодорожные пути. Город был в полной темноте, только небо багрово-красное, у метро большое скопление людей, а самолеты все летали и продолжали свое черное дело.

В эту ночь от Москвы были отрезаны все железнодорожные пути, кроме одного – на Урал. И чуть забрезжил рассвет 24 октября, мы пошли к вагонам. Это были грузовые вагоны, как их еще называли “теплушки”. По одну и другую сторонам вагона были сделаны сплошные в два яруса нары, а в середине – печка “буржуйка”. Вот в таком вагоне, мы – дети, 120 человек, ехали две недели. Во втором вагоне, который был дан нам, ехали продукты и обслуживающий персонал детского дома.

Когда мы подъезжали к Рязани, появились немецкие самолеты и стали бомбить наш состав. Люди выскакивали из вагонов и прятались в кустах. Заработали зенитки и через некоторое время самолеты были отбиты. К счастью, состав не пострадал. Мы поехали дальше.

8 ноября 1941 года, вечером, уже было темно, мы приехали в село Житниково Каргапольского района. Нас уже ждали, встретили, накормили и уложили спать. С этого дня началась жизнь Житниковского детского дома. Я считаю Житниковский детский дом вторым дыханием Максимковского детского дома. Житниковцы приняли нас, как родных детей, и сделали все, чтобы мы выросли полноценными людьми. Находясь уже много лет на заслуженном отдыхе, я и сейчас с благодарностью кланяюсь житниковцам за их добрые сердца и материнскую заботу к обездоленным войной детям”.

Когда началась война, Лене Виноградовой было десять лет, семь из которых она воспитывалась в Епифановском, Рудневском детских домах Тульской области. В начале октября 1941 года Рудневский детдом был эвакуирован в наши края.

Вот рассказ Елены Николаевны Виноградовой о той жестокой поре: “Начало октября 1941 года. Небо серо-черное. Вой сирен. И голос Левитана: “Наши войска отбили отчаянную атаку гитлеровцев, рвущихся к Москве...”. Мелкий, морозящий осенний дождь. Он как будто оплакивал наше прощание с родными местами. Кто знал: надолго ли это? Думала ли я тогда, что Ольховка станет моей второй родиной, а Ольховский детский дом – моим отчим домом.

*Игумнова
Зинаида Алексеевна*

Почти месяц мы были в дороге: зеленый свет – для эшелонов с ранеными. Всё, что нужно было спасти, двигалось на Восток: раненые, дети, беженцы, заводское оборудование.

4-ый месяц войны, а раненых эшелоны. Иногда наши составы останавливались рядом. И мы, желая хоть как-то облегчить страдания тех, кто уже лицом к лицу встретился с войной, шли в их вагоны, помогали санитарам и сестрам. Дети военного времени выросли быстро. Мы понимали, что этим раненым тяжело вдвойне. Они страдали от физической боли, но ещё больше от сознания того, что враг топчет землю нашей Родины.

Эшелоны с ранеными уходили, а мы оставались, иногда на 2-3 суток. Налет... Бомбежка... Обстрел... Это было очень страшно... Хотя наш эшелон и замаскирован деревьями, он был хорошей мишенью для вражеских стервятников. А мы с рюкзаками (пока не проехали прифронтовую полосу, вещмешки были наготове, у каждого, даже у дошколят) бегали в лес, прятались на капустном поле, скатывались под насыпь. После отбоя воспитатели, медработники, старшеклассники помогали тем, кого не миновала пуля или осколок. Тяжелораненых отправляли с санитарными эшелонами, другим оказывалась медицинская помощь прямо в вагонах.

Беженцы... Жутко вспоминать: тяжелая, тоскливая картина... Целые вереницы людей живым потоком шли и шли на Восток. Море людского горя... Мы уезжали, а они оставались.

Никогда не забуду детских лиц, которые с завистью смотрели на нас, сидящих в вагонах. А они, худые, бледные, с измученными глазами, прошагали, наверное, не один десяток километров. Кто-то из наших старшеклассников предложил: отдать свой хлеб и сахар (тогда мы были на сухом пайке, который хранился у каждого в рюкзаке) этим детям-беженцам. Несколько рюкзаков наполнилось сразу. Некоторые отдали весь 3-хдневный паек (на 3 дня выдавали продукты). Отдавали, хотя сами очень хотели есть. Сейчас нам, сытым, не кажется это великим делом. А тогда... Но каждый из нас понимал, что мы голод утолить можем сном на вагонной полке, а им шагать и шагать.

Все города “опасной зоны” были похожи один на другой: безмолвные, скорбные, темные, с окнами, заклеенными крест-накрест полосками бумаги. Это только нам казались они безмолвными. Люди жили, боролись, умирали, побеждали.

Сколько радости было у всех, когда объявили, что проехали “опасную зону”. И вот мы в Кургане. Нас, несколько человек, у которых в вагоне началось загноение ран, оставили в больнице. В середине ноября 1941 года я была отправлена в Топорищевский детский дом, а в 1943 году переведена в Ольховский. Трудные это были годы. Но о нас, детях, постоянно заботились. Только став взрослой, я смогла понять и оценить, как много человеческого, душевного тепла и сострадания нужно

*Виноградова
Елена Николаевна*

было иметь в сердце, чтобы согреть обездоленных, эвакуированных детей!

Какое огромное материнское сердце должно быть у человека, перешагнувшего порог детского дома! Много было таких людей, которые в моей памяти остались навсегда. Это директор детского дома Сазонова Ольга Васильевна, сейчас она живет в Волгограде. Помню поваров Орлову тетю Марусю, Аликину тетю Пашу. Для меня они навсегда остались тетей Марусей и тетей Пашей. Удивительные женщины, добрые, чуткие! Ни из чего могли сварить такой вкусный суп (из крапивы и мороженой картошки). Я так благодарна всем тем людям, которые в суровые годы войны согревали нас своей заботой. Когда я встречаюсь с ними, мне хочется им низко поклониться за то, что они отогрели заледеневшие сердца маленьких голодных “заморышей”. Особенно вспоминаются всегда святые слова той поры – “обед”, “пайка” хлеба. Не стоит говорить, что это был за хлеб. Но это был хлеб! Мы, дети войны, знали ему цену. Меня всегда приводит в ярость, когда я вижу брошенный кусочек хлеба. И тогда снова болью в сердце отзываются те страшные годы, а хлеб для меня всегда является символом святости.

Кончилась война. В детском доме я окончила 10 классов. Живу в Ольховке. Для меня Ольховский детский дом – Отчий дом. Свыше 50 лет длится наше педагогическое содружество”.

Елена Николаевна начала свою трудовую деятельность в 1947 году воспитателем Ольховского детского дома, а с 1950 года – учитель немецкого, затем русского языка и литературы. И все в Ольховке.

Она Заслуженный учитель школы России, была депутатом областного Совета народных депутатов трех созывов, делегатом XVI съезда профсоюзов СССР, Почетный гражданин своего родного села Ольховка.

*Миргородская
Майя Александровна*

Вот воспоминания Майи Миргородской:
“1941 год. Земля задыхается от пожаров войны, развязанной фашистской Германией. День и ночь с запада на восток идут эшелоны. Эвакуируют заводы, оборудование, людей.

С одним из них я и приехала с семьей с Украины в Белозерский район, тогда Челябинской области. Эпидемия сыпняка унесла мать. Погиб на фронте отец. Меня с братишкой взяла на воспитание семья Медведевых, у которых своих-то было пятеро ребятишек. Взяли и всех вырастили, выучили. Я окончила пединститут, брат стал инженером авиационного института. Замечательные это были люди Павел Григорьевич и Агриппина Ильинична. На всех нас, детей, хватило заботы и ласки. И мы, принятые в семью, воспитывались “под крылом” доброты Агриппины Ильинична. Это ей, неутомимой труженице, активистке, просто чуткой и душевной женщине за её тепло, доброту и ласку я посвятила эти стихи:

МОЕЙ МАТЕРИ

*Не она, наклонясь над моею кроватью,
В детстве чутко ночами мой сон берегла;
Не она любовалась заветной тетрадкой,
Той, что в школу с собой я впервые брала.
Не она, а другая... Не зная невзгоды,
Может, с ней бы не встретилась я никогда.
Но суровой порой сорок первого года
В край родной, в дом родной мой ворвалась беда.
Детство в дыме военных дорог затерялось,
Потеряла я дом и родную семью.
В это трудное время я с ней повстречалась
В незнакомом мне прежде сибирском крае.
Разве можно забыть, как, не зная покоя,
В те суровые годы, в тревожные дни,
У меня она теплой своею рукою
Вынимала из сердца осколки войны.
И от ласки её бережливой и нежной,
От тепла её рук, от заботы такой
Ожила я и вновь засмеялась, как прежде,
Расцвела, как под солнцем цветок полевой.
Дом родной и семью я нашла в этом крае,
Все, что дорого ей, стало мне дорогим.
Вот за это я мамой её называю -
Самым ласковым именем, самым родным.*

Анна Григорьевна Шапиро, заведующая Курганским районным отделом народного образования военных лет, которой пришлось встречать и устраивать эвакуированных детей, а затем по-матерински заботиться о них всю войну, с болью вспоминала об этом трагическом времени: “До сих пор комок подступает к горлу, когда вспоминаю рассказ приехавших воспитателей детских домов о том, как матери в последний раз кормили грудью своих малышек. Уже отходит эшелон, а мать никак не может оторвать от груди малыша и уже на ходу поезда передает ребенка в руки отъезжавшего воспитателя, как отчаянно плакали дети, оторванные от своих матерей”.

Обездоленных войной детей разместили в Далматовском, Каргапольском, Петуховском, Глядянском, Курганском и других районах. С первого дня пребывания на зауральской земле они были окружены теплом и заботой, им отдавали все самое лучшее. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и воспоминания учителей, воспитателей, комсомольских вожаков, работавших с этими детьми. Постановление Петуховского райкома партии от 29 сентября 1941 года обязывало директоров Петуховского зерносовхоза и Утчанской школы обеспечить помещениями для жилья и учебы 300 маленьких москвичей. В постановлении строго подчеркивалось, что первоочередной задачей директоров является организация

высококачественного питания.

Об этом же говорится и в воспоминаниях Анны Григорьевны Шапиро: “С чистой совестью могу сказать, что кормили мы ленинградских детей хорошо, хотя не обошлось и без супов из крапивы. А у жителей окрестных сел было какое-то особенное материнское внимание к этим ребятам. Они делились с ними последним, что было в доме”.

А вот письмо из Кетовского района: “На территории Галишевского сельсовета находится детский интернат – бывший детсад № 12 Смольнинского района города Ленинграда. Передайте в героический город родителям, что их дети находятся в надежных руках. Они хорошо питаются, содержатся в чистоте, имеют постоянный медицинский контроль. Воспитатели интерната стараются делать все, чтобы заменить малышам их родителей”.

О радушном приеме ленинградских блокадников вспоминает заведующая Глядянским районо, заслуженный учитель школы РСФСР Варвара Степановна Иванова: “Мы привезли эвакуированных ребятешек к себе в январскую стужу 1942 года. Их было более пятисот, возраст от семи до двенадцати лет. Разместили детей в селах по Звериноголовскому тракту. Из автобусов выносили малышей на руках. Наши местные ребятешки суегились тут же, громко выражая радость от встречи с маленькими ленинградцами, и обещали им свое покровительство. Женщины украдкой смахивали слезы, порою кое-кто не выдерживал и всхлипывал, а затем бежали по домам и несли детям все самое вкусное – яички, молоко, булочки”.

Эвакуированные в Зауралье дети были окружены поистине материнской заботой. Всего за годы войны только на земле Курганской было открыто 145 детских домов. За умение четко организовать дело Мария Дмитриевна Ковригина была выдвинута в годы войны на работу в министерство здравоохранения РСФСР, там проявила себя знающим делом работником и специалистом, организатором, была назначена Наркомом здравоохранения России, а затем стала Министром здравоохранения Советского Союза. Сделала много полезного для народа и государства, пользовалась широкой известностью и уважением за рубежом.

НА РАЗНЫХ ФРОНТАХ

В грозные дни, когда полчища гитлеровцев рвались к Москве, на помощь столице спешили Сибирские и Уральские воинские части.

Среди них была 369 стрелковая дивизия, в которую вошли 1223-й, 1225-й, 1227-й стрелковые полки, сформированные в Кургане. Они участвовали в кровопролитных боях под Ржевом и Великими Луками. Воины Курганского 32-го лыжного полка дрались с фашистскими захватчиками в снегах под Москвой.

А сколько наших земляков участвовало в жесточайших боях под Ленинградом. Среди них курганец Николай Ильич Терещенко, Филипп Васильевич Тимофеев из Семискуля, Степан Васильевич Абрамов из села Боровлянка, Мухтар Нурканов из Усть-Уйского района, Михаил Александрович Сидоров из деревни Убиенное Юргамышского района. Последний, студент-ополченец, вел дневник, отрывки из кото-

Сидоров
Михаил Александрович

рого предлагаю читателям, они помогут многое познать, представить и пережить:

“22 июля 1941 год. Прошел месяц войны. С завода револьверных станков-автоматов, где я проходил преддипломную практику, многие рабочие ушли на фронт. На заводе многое изменилось, люди работают день и ночь – все для фронта.

19-26 августа 1941 год. Все эти дни с 8 утра до 8 вечера – на оборонительных работах. Рыли окопы, противотанковые рвы. После работы занимались военной подготовкой.

9 сентября 1941 год. Вчера вечером после воздушной тревоги вышли с Володей Захаровым из убежища, что у кинотеатра “Ударник”. Увидели огромное зарево. Горел склад напротив нашего техникума. Одновременно горели завод имени Егорова, фабрика “Скороход”, общежитие на Тамбовской и центральные продовольственные склады имени Бадаева. Женщины и

дети бегут куда-то с вещами, слезы, рыдания. Зрелище кошмарное. Встретился сокурсник Маликов со стабилизатором от зажигалки, кричит: “Вот что осталось от нашего техникума!” Но оказалось, что техникум потушили. Склады все еще горят. Вновь объявлена тревога, дымом заволкло весь город. Мы на посту № 2. Над головами в небе рвутся снаряды зениток.

10 сентября 1941 год. На дневник не хватает времени. Вчера было 11 воздушных тревог, сегодня до обеда уже 9.

11 сентября 1941 год. Норму хлеба срезали. Получаем по 300 граммов.

12 сентября 1941 год. С сегодняшнего дня получаем только по 200 граммов хлеба по столовым карточкам. Остальные недействительны.

13 сентября 1941 год. Вступили всем комитетом ВЛКСМ техникума добровольцами в народное ополчение. Записали в секцию № 11. С 20 часов переведены на казарменное положение.

17 сентября 1941 год. Вызывали в штаб. Сообщили, что немцы взяли Лигово. Из Ленинграда эвакуируются Московский и Кировский районы. На улицах строятся баррикады.

23 сентября 1941 год. На Расстанной строили заграждения, проходили строевую подготовку, изучали гранату и винтовку.

1 октября 1941 год. Во время занятий начался обстрел. Один снаряд взорвался на Лиговской возле магазина, где стояла очередь за хлебом. Много убитых и раненых.

2 октября 1941 год. До обеда занимались, потом отряд отправился на завод, откуда возили фермы для баррикад. Вечером учились стрелять из винтовки.

6 октября 1941 год. С Сушковым ходили в театр имени Ленсовета на

“Отелло”. В конце четвертого действия объявили воздушную тревогу. Отсиживались в бомбоубежище. Когда вернулись домой, увидели, что в технике от бомбежки повывлетали все окна.

10 октября 1941 год. Вчера выпал снег. По радио передали, что немцы перешли к обороне. Идет перерегистрация карточек.

7 ноября 1941 год. Несмотря на блокаду и трудности – не унываем. Сегодня устроили праздничный обед, сэкономив вчерашний паек. Вечером дежурство.

13 ноября 1941 год. Замолкло радио, прервалась телефонная связь. Писем нет. Вновь снижены нормы на хлеб и продукты. Сегодня почувствовал общую слабость и упадок сил.

15 ноября 1941 год. Выделили 4 кусочка сахара Сушкову. Завтра из отряда выделим 50 граммов хлеба. Он потерял карточки и, если не поможем, умрет с голоду.

22 ноября 1941 год. Еще уменьшили норму хлеба. Служащие получают 125 граммов. Мы переведены на котловое питание.

24 ноября 1941 год. Сегодня во время обстрела один из снарядов упал на нашу столовую, а другой – в аудиторию, где были люди. К счастью, снаряд не взорвался.

10 декабря 1941 год. Наши войска освободили Тихвин. Положение в городе должно улучшиться. Однако нет ни воды, ни света, ни хлеба. Население питается горелой землей с Бадаевских складов. Появилась дизентерия. Возле сгоревших складов поставили охрану, но люди все равно проникают.

20 декабря 1941 год. Сегодня все отряды сняли с довольствия. Будем получать только 125 граммов хлеба. Из нашего отряда скончались от голода трое бойцов. Среди них наш командир Притчин (дядя Митя).

1 января 1942 год. Завтракать сегодня не пришлось. Вчера не ужинал. За три месяца потерял в весе 14 килограммов. Остались кожа да кости. Задача номер один – выстоять против голодной смерти и отстоять город. Это как пропасть, которую надо перейти. Учения прекратили.

4 января 1942 год. Получил на сутки увольнительную. Пошел к Фокиной Любе, давно не видел. Она до войны училась в мединституте и жила во втором общежитии. Во дворе штаба ПВО стояли подводы с мешками. Поинтересовался у возчика. Он сказал, хочешь – бери. Взял несколько горстей овса в карманы. Дошел до Марсова Поля, присел отдохнуть и подкрепиться овсом. Смотрю, подсаживаются один второй, третий... Руки протягивают. Вскоре в моих карманах ничего не осталось. Вечером узнал, что умерли еще два наших ополченца.

10 января 1942 год. Последние два дня питался землей с Бадаевских складов, а сегодня ничего не ел.

20 января 1942 год. Третий день лежу в комнате совсем один, почти без движения. Все обитатели комнаты преставились, как говорят, богу. Очередь за мной. В комнату заглянула Лиза, ахнула: “Что лежишь? Вставай немедленно!”. Разломала стул, затопила печку. Нагрела воды из снега. Сняла с меня вишивое белье, бросила в печь. Потом меня вымыла, надела чистое

белье, угостила чаем с сахаром. Сказала, чтобы больше подолгу не лежал, иначе не встану. Помогла перебраться в общую комнату отряда.

15 февраля 1942 год. Ходили вылавливать парашютистов. Во время бомбежки волной отбросило в сторону. Очнулся в комнате отряда. Не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Нас здесь 15 человек, шестеро не ходят. Вот сейчас Захаров сказал, что унесли Соловьева. Умер наш музыкант. Говорят, нас будут эвакуировать в Сибирь, но, вероятно, мы скорее угодим на Волково кладбище.

16 февраля 1942 год. Утром скончался Козлов. Еще недавно предложил подняться всем и сделать переключку, а в 10 часов его не стало. В этот же день умер Павел Сушков, а потом скончался Иванов со второго курса.

18 февраля 1942 год. Умер мой лучший друг Спирин Лёня из Рязани. Пять лет были вместе. Николай Салихов сообщил, что через неделю нас эвакуируют, и приказал всем как можно больше двигаться.

21 февраля 1942 год. Ходили в военкомат сниматься с учета. Получили эвакуационные листы, по килограмму хлеба на два дня.

25 февраля 1942 год. Три дня находимся на Финляндском вокзале. Хотели отправить 23-го, но были сильные обстрелы. За эти дни ушли из жизни бойцы нашего отряда Анохин, Жиров, Федорцев. Они умерли в один день. Сегодня отправили нас из Ленинграда... В вагоне скончались 5 человек.

26 февраля 1942 год. Утром дали мерзлого хлеба по 500 граммов и супа, а в полдень отправили на машинах через Ладогу. Ехали быстро, через два часа были на другом берегу в деревушке.

27 февраля 1942 год. В 11 часов мы выехали из Волошиной. Жихарево вчера разбомбили. Сухой паек на исходе. Воды нет. Холод. Остался один сухарь на двоих. Мы с Андреем Ловконеным заболели дизентерией. От Ленинграда отъехали на 100-120 километров. В вагоне 45 человек на нарах в два этажа. Посредине вагона-теплушки печка-буржуйка, но ее никто не топит – нет сил.

2 марта 1942 год. Доехали до Вологды. Целый день ждём отправки в Буй, в санпропускник. Студенты нашего техникума, они же ополченцы нашего бывшего отряда, всё убывают. Умерли Филипенко, Щеляев. Маслова Ивана выбросили прямо на ходу поезда, так как от него пахло мертвечиной. Его жена Паня лежала в это время без памяти. Прошло всего полгода, как они поженились... Сколько еще нашего брата останется по дороге на Урал. Всех замучил понос, а ноги совсем опухли.

6 марта 1942 год. С утра стоим в 12 километрах от Кирова. На двоих получили 1,4 кг хлеба, 100 г масла, 100 г сахара и 200 г сыра, две порции каши. Но пока я стоял за пайком, кашу кто-то съел. Я начинаю набирать силы, а Андрей совсем разболелся. Но в больницу не кладут.

7 марта 1942 год. Еще ночью Андрей что-то забормотал по-своему, по-фински. Я зажег спичку и бросился к нему, стал спрашивать, что с ним. Я положил его голову себе на колени, он тяжело вздохнул, и голова его упала с моих колен. Я вздрогнул и заревел, как рязанская баба.

На станции Зуевка Кировской области во время остановки поезда я зая-

вил в железнодорожную милицию о его смерти...

11 марта 1942 год. Сегодня целый день простояли около Свердловска. Говорят, что в Свердловске нас поместят в больницу, но, увы, поезд на несколько минут остановился в Свердловске и пошел дальше.

12 марта 1942 год. Доехали до станции Богданович, здесь нас сводили в медпункт, обследовали и пересадили в другой поезд. В медпункте над нами сквозь слезы смеялись, т.к. мы почти не походили на людей: завшивели, обросли волосами и грязью.

13 марта 1942 год. Сидим на станции Синарской. Наш эшелон расформировали. Спасайся, кто как может. Правда, нам выдали талоны на обеды. Я сегодня ходил обедать уже четыре раза и все голоден. Кроме того, в харчевне не дают долго задерживаться: виши постоянно выползают на поверхность, а как только их увидят, нас немедленно выгоняют из помещения.

14 марта 1942 год. С утра я сходил в парикмахерскую, где мне остригли бороду и побрили. Несколько раз пытался уехать в сторону Шадринска, но вагоны не открывают и нас никуда не пускают. Обратились к военному коменданту, предъявив ему свои документы, но он сказал, что без санобработки нас никто не посадит.

Часов в 8 вечера я пошел искать санитарно-пропускной пункт, еле до него дотащился. Санитарки, две пожилые тети, долго раздевали и разували. Валенки снять не могли, и голенища их разрезали ножом. Все мое имущество забросили в дезкамеру, а меня увели в банное помещение. Мне стало так хорошо, что я прилег и мгновенно уснул. Не знаю, сколько времени прошло, но сквозь сон я услышал: "Смотри-ка, девоньки, дед-то наш окочурился". А я никак проснуться не могу. Они принесли носилки и поволокли в холодильник для умерших. На улице меня обдало холодом, и я зашевелился. Санитарки бросили носилки и бежать. Потом опомнились, вернулись. Затащили меня обратно в баню и давай скорее одевать. Но валенки так и не могли надеть. Пришлось босые ноги втолкать в валенки, а сверху наверхнуть портянки. В таком виде я и явился к коменданту. Но зато справка о санобработке была, и я получил разрешение на посадку в поезд. Вагоны в проходящих поездах не открывали, и меня никто не сажал.

Сходил, еще раз поел баланды, сдал свои вещи в камеру хранения, оставив лишь один маленький саквояж с конспектами и документами. Я решил действовать самостоятельно. Как только подошел поезд, я забрался на буфер вагона и затаился. Ехал так километров десять. Потом удалось пробраться в тамбур. Но тут мне снова не повезло. В тамбур ворвались трое воров. Они быстро обшарили мои карманы, забрали саквояж, а меня затолкали в туалет.

Я застучал в дверь туалета. Открывший дверь милиционер сказал: "Ты чего здесь засиделся? Или тоже вместе с ними промышляешь? Марш за нами". Вскоре мне отдали мой саквояж и документы...

15 марта 1942 год. В четыре часа дня я был на станции Твердыш. Я был рядом с домом. Долго стоял, ждал: может, кто появится. Но людей не было видно. Начинало смеркаться. Я снял с бушлата ремень, привязал его за ручку

саквояжа и волоком потащил за собой.

Вспомнил, что отсюда в 1939 году мы уезжали с моим сельским дружкой от Ксении Петровны, его тетки. Я решил добраться до нее...

Зашел в избу, Ксении не было дома. Увидев меня, дети разбежались по углам, заревели. Пришла Ксения, долго не могла меня узнать. Оказалось, что меня считают давно погибшим. Потом Ксения позвонила в деревню Убиенное Юргамышского района, и в 10 часов за мной приехал на лошади мой дядя Корнил.

16 марта 1942 год. Почти вся деревня сбежалась смотреть на меня, воскресшего из мертвых. А я отвернулся к стене лицом и плакал...”

Человек, ознакомившись с частицей такого дневника, не может остаться равнодушным к судьбе пережившего все это.

Михаил Александрович сейчас живет в Кургане. А о поворотах жизни военных лет повествует его дневник:

“После излечения от контузии, дистрофии я был призван в армию и направлен на Западный Фронт.

Наша 413-я Краснознаменная дивизия, прорвав оборону немцев, в марте 1943 года перешла к решительному наступлению. Шли тяжелые и упорные бои на подступах к Смоленску. Несмотря на превосходство немцев в боевой технике и особенно в авиации, в то время наши части выбивали фашистов с оборонительных рубежей, освобождая деревню за деревней. После 2-дневных боев 16 марта дивизия заняла, судя по развалинам, крупную железнодорожную станцию. При отступлении немцы все разрушали и сожгли. В центре поселка возвышалась лишь церковь, но и та была заминирована. Короткая передышка – и снова вперед.

В ночь на 17 марта, мы подошли к деревне Новая Каменка и, обогнув ее полукругом, готовились к штурму. Немцы обнаружили нас, подожгли крайние хаты деревни и, осветив нас заревом пожарища, открыли ураганный огонь из минометов, автоматов и пулеметов. Особенно сдерживал наше наступление дзот над оврагом возле деревни, у крайнего дома. Медлить было нельзя, это грозило провалом наступления. Командир взвода подбежал к нам и скомандовал: “Пулеметчики, за мной, прикрывайте нас!”. А сам взял четырех бойцов и с ними по оврагу бросился к дзоту. Мы с Георгием Шабалиным, моим вторым номером и земляком, вели прицельный огонь по дзоту, не давая врагу сосредоточиться. Под прикрытием нашего огня пехотинцы добрались до дзота и забросали его гранатами. Наши части ворвались в деревню.

Лейтенант Логиков, наш командир, был ранен, но не оставил поля боя. После двух дней боев из 3 батальонов осталось в строю только 49 человек.

В ночь на 18 марта пришло подкрепление, и после артподготовки, около 10 часов утра, мы снова вели бои теперь за деревню – Большая Каменка. Одновременно шло воздушное и наземное сражение. Небо заволочло дымом, снег смешался с грязью и кровью.

Немцы были выбиты из траншей на подступах к деревне, и, отчаянно отстреливаясь, отступали. Мы короткими перебежками двигались вперед.

Нас оставалось все меньше и меньше. От нашей роты челябинцев осталось только четыре человека. В этом бою погиб мой земляк и друг по оружию Георгий Шабалин из Твердыша. Я был ранен... Стон, крики, летящие осколки и земля, перемешанная со снегом, не давали сосредоточиться. Я выбрал подходящий момент и бросился вслед за командиром роты. Но тут, словно кто-то колом ударил меня по левой ноге. Я сделал еще несколько шагов и упал. Пуля пробила левое бедро навывлет, кровь текла, словно из подколотого барана. Подбежавший сержант сказал: "Ползи, пока можешь".

Я отполз метров 20 назад, но вдруг земля дрогнула и полетела вместе со мной. Меня отбросило в сторону, новый удар еще сильнее прежнего, почувствовал я. Осколком мины перебило подколенную жилу, землей залепило глаза. Собрал последние силы, я вполз в минную воронку.

Винтовку и гранаты я положил возле себя. Кровь текла из раны, а перевязать или что-либо предпринять не было сил. Голова кружилась, глаза застилало туманом, я потерял сознание.

Ранило меня около 10 часов утра, а была уже ночь... Вроде бы сквозь сон я услышал: "Рус, сдавайся". Я машинально нажал на спуск винтовки, прозвучал выстрел, и я очнулся. Услышал строгий голос: "Кто стрелял?". Это были наши санитары. Только они положили меня и понесли, раздалась пулеметная очередь, одного санитаря ранило, а мой полушубок продырявило в нескольких местах, не задев тело. Смерть и на сей раз обошла меня стороной.

В санбате мне сделали первичную санобработку и отправили в полевой госпиталь... Побывал я в шести госпиталях. В госпитале под Калугой перенес страшный столбняк, но и здесь победила жизнь. С войны я вернулся инвалидом.

И, хотя мы, многие бойцы, и не дошли до Берлина, не водружали Знамя Победы над рейхстагом, но вместе с теми солдатами, которые пали в боях у неизвестных высот и речек или прошли с боями путь от Москвы до Смоленска, а, может, до Киева или Сandomира, кому как повезло, и с теми, кто героически трудились в тылу, все сообща, мы ковали и поднимали святое Знамя Победы для всех честных людей Земли".

В ходе боев на многочисленных фронтах настоящей метелью обрушились на притихшие от горя зауральские селения извещения-похоронки о гибели солдат и командиров курганцев. Пачками разносили их почтальоны, комсомольцы-общественники, партийные секретари и председатели сельских Советов, приходили группами в семьи погибших, чтобы разделить великое горе, частичку его принять и на свои плечи.

В первый день войны геройски пал в бою Илья Филиппович Плохов из села Каширино Кетовского района. Несколько дней спустя погиб Александр Логинович Уланов из Звериноголовского района. Роман Васильевич Быбин, политрук батальона, уроженец деревни Розломайка Глядянского района погиб в августе 1941 года, как и Виктор Трофимович Серков из деревни Сосновка Куртамышского района.

*Отбивая атаку
гитлеровцев*

Погибли в первые месяцы войны курганцы Игнатий Федорович Мазин, Борис Владимирович Маймин, Александр Терентьевич Макаревич, Зиновий Варфаламеевич Макеев и его брат Кирилл Варфаламеевич, Григорий Иванович Журавлев, Федор Михайлович Журов, Сергей Васильевич Менщиков, Николай Фотиевич Мергенев, Влас Тихонович Ястребов, Петр Петрович Муганцев... Печальный список. Все имена, отчества и фамилии погибших внесены в Книгу Памяти.

Сорок первый год. Самый тяжелый, самый трагический и самый яркий! Это были дни, когда одно желание руководило людьми, одна жажда мучила и одна дорога звала – на фронт! И люди тех дней похожи на звезды: свет от них, даже от мертвых, и сейчас приходит к нам живым. Даже теперь, после бурных пятидесяти шести лет, прошедших после войны, мы узнаем новые имена героев. В обвалившихся окопах, в пожелтевших гильзах, на

Первые бои. Снимки из фотохроники ТАСС

свернутых в трубочку, пожелтевших от времени, листках светятся едва различимые буквы: “Здесь стояли насмерть...”.

Вот и мы с вами, сегодня живущие на земле, давайте стоять насмерть, защищать державную память, наши корни, нашу суть, братство и самобытный сибирский характер.

Конечно, эти Герои, предки живущих ныне курганцев, не знали, да им даже в кошмарном сне не могло присниться, что один из руководителей спасенной ими от немецких мракобесов державы предаст их подвиг, станет “Первым немцем”, а другой президент во хмелю станет размахивать дирижерский палочкой перед оркестром, играющим “отходной марш” детям и внукам тех, кто кровью своей и жизнью своей добывал Великую Победу и поверг немецко-фашистского зверя в его собственном логове – Берлине. Да покарает предателей за святотатство небо и спасенная вами земля! Эти “вожди от демократии” в одиночку, тайком от народа, принимали предательские решения, забыв, что на защиту Родины в сорок первом, как и впрочем, во все другие тяжелые для Отечества времена и годы, поднимался весь народ. Военкоматы были переполнены заявлениями добровольцев, даже несовершеннолетние ребята тайком от матерей убегали на фронт... Рядом с мужчинами в боевых расчетах стояли женщины и девчонки.

*Степанова
Анастасия Михайловна*

В начале июня 1941 года из села Дубровное Варгашинского района комсомолка Анастасия Степанова поехала погостить к брату, который служил в погранвойсках Ленинградского военного округа. Там и застала ее Великая Отечественная война. Брат по тревоге ушел на защиту границы, а Анастасия Михайловна Степанова попросилась добровольцем на фронт.

Ее определили в снайперскую школу, которую Тася закончила с отличием. Ей присвоили воинское звание ефрейтор и назначили командиром отделения снайперов. Начались ее снайперские поединки с врагом.

На рассвете ефрейтор Степанова добиралась до переднего края, замаскировавшись, наблюдала за противником. Вот в прицеле появился силуэт врага. Выстрел... Охотились и вражеские снайперы за ефрейтором Степановой. Да, видно, она была заворожена от смерти: пуля рассекла ей губу, второй раз пуля угодила в кисть правой руки, разбила оптический прицел винтовки. Лечение в медсанбате. Там ей вручили медаль “За отвагу” и знак “Отличного снайпера”.

После излечения снова Анастасия на переднем крае. Много фашистов нашли смерть от ее метких выстрелов. Но и она была еще два раза ранена.

В “Снайперской книжке” Анастасии Михайловны на первой странице напечатано:

*За честь жены, за жизнь детей,
За счастье Родины моей,
За наши нивы, за луга – убей
Захватчика-врага!*

А на второй странице записи скрепленные печатью воинской части, что сержант Степанова Анастасия Михайловна уничтожила 60 гитлеровцев.

За свой ратный труд Степанова удостоена ордена Красной Звезды и пяти боевых медалей.

Отгремели залпы Великой Отечественной войны. Возвратилась Анастасия Михайловна на родину, работала на заводе “Промжелезобетон” с полной отдачей сил – получала благодарности.

Письмо в Курган было написано карандашом, торопливым, размашистым почерком:

“Дорогие папочка и мамочка! Весь наш народ встал на защиту Родины. И я с комсомольским билетом у сердца уезжаю на фронт, буду служить в авиации. Буду честно служить, храбро сражаться за вас, за Родину! Вы не беспокойтесь, если письма иногда запоздают – военное время, все может быть.

Крепко целую. Ваша Лиза. 23.6.41 года”.

Не верилось родителям, что их маленькая, худенькая Лиза уже получила диплом врача Ленинградского мединститута и сразу едет на фронт...

Однажды наши “ястребки” поднялись, чтобы уничтожить налетевших фашистских стервятников. Завязался яростный бой. Пулеметной очередью врага был подбит один из наших самолетов. Машина загорелась. Но у летчика были крепкими нервы. Чтобы спасти боевую машину он дал полный газ, круто развернул самолет, направил его на аэродром. Лиза увидела, как приближается дымящийся самолет. Каждый миг могли взорваться баки, и тогда... Они с санитарками кинулась к тому месту, куда он садился.

Самолет только приземлился, а Лиза была уже у объятой огнем машины, действовала смело, уверенно. Помогла летчику выбраться из кабины. Когда они были уже в безопасности, позади раздался оглушительный взрыв.

*...И снова пилот улетает на бой,
Согретый заботливой верной рукой.
И вслед ему машет, желая удач,
Курганская девушка – доблестный врач.*

Так писали во фронтовой газете о нашей землячке– Елизавете Солохиной. Многие годы после демобилизации Елизавета Яковлевна Солохина работала врачом в Курганской городской больнице. К ее трем боевым наградам добавилась еще одна – “За безупречную службу”.

*Солохина
Елизавета Яковлевна*

Антонина Дмитриевна Каштанова, уроженка города Кургана, была военным фельдшером. Как говорили в то время, штатно она не должна была самолично вступать в бои, ее дело – медсанбат. Но не таков был характер сибирячки.

Тоня Каштанова вынесла с поля боя более десятка раненых, а сама – не вышла...

Поэтесса Юлия Друнина, уходившая на фронт из соседнего с нами города Ялуторовска, написала о гибели своей подруги Зины Самсоновой такие стихи:

*Не до песен в боях пехоте,
Нам бы лучше поестъ, поспать.
Но о Зинке из третьей роты,
Стали песни в полку слагать!*

Много было в полках и дивизиях той поры девчонок, о которых слагали песни. В их число смело можно включить и многих курганских девушек, настоящих патриоток дорогого Отечества. Наша общественная память требует бережного отношения к этим нерасцветшим цветкам, к тому великому, что оставили они после своей короткой и яркой, как молния жизни – уважению к родной земле, к ее традициям. В подвигах этих девчонок, вчерашних школьниц – наша память, наша суть, от них должно идти живое дело нашей жизни. Они перенесли морозы и окопную грязь, блокады и окружения, они пожертвовали любовью, а многие и жизнью, и стали примером для подражания, вечной памятью тех жестоких и великих дней.

В заявлении инспектора Альменевского района комсомолки Магмуры Гареевны Басыровой написано: “Прошу зачислить меня в ряды РККА. Клянусь не посрамить звание комсомольца в решающих схватках с разбойничьими бандами Гитлера. С врагами моей Родины я буду драться беспощадно и храбро, не щадя своей жизни”. И она ушла на фронт и воевала наравне с мужчинами.

СОЛДАТСКИЕ МАТЕРИ

Стою у памятника солдатской матери Анне Степановне Усольцевой, что поставили ей в Мехонке земляки, жители Шатровского района. Шесть сыновей проводила колхозница деревни Усольцевой на защиту земли родной и Страны нашей Великой. И все они пали геройски в жесточайших боях с коварным и наглым врагом. Иван Васильевич Усольцев погиб в приграничном бою на третий день Отечественной войны. Александр и Кондратий Васильевичи пожертвовали собой, защищая Москву, Степан Васильевич пал в бою у деревни Бяково, защищая Ленинград, Дмитрий Васильевич сложил голову в апреле 1942 года в боях на Южном фронте, Павел Васильевич – в ноябре 1942 года, защищая беспримерную по мужеству и стойкости твердыню на Волге – Сталинград. Какая материнская трагедия! Сердце может разорваться в клочья от нестерпимой человеческой беды и боли.

Стою в глубокой печали и глубоком раздумье. И мысленно представляю, как возвеличивается простая крестьянская женщина, мать героев-братьев Усольцевых в тот святой и могучий образ Матери-Родины, что взметнулся над Волгой в легендарном Сталинграде, одухотворяя всех матерей нашей славной страны, зовущих своих сынов к бесстрашию, к умению и воле в смертельном бою заступить дорогу любому агрессору, кто попытается посягнуть на святую свободу великой Родины.

Поэт Валентин Леднев в поэтические строки облек ее святое предназначение и помыслы:

*У этой женщины одна забота –
Родную землю от врагов беречь.
На высоту орлиного полета
Она стремительно взметнула меч.
Знаменами восходы и закаты
Склоняться будут вечно над мечом:
Под ним лежат Отечества солдаты
И память, опаленная огнем...*

Матери, матери...

Бывая на своей малой родине – Сталинградской земле, я каждый раз прихожу сюда поклониться мужеству и героизму наших предков, героев солдат, горькой скорби и великой стойкости их святых матерей. Миллионы и миллионы людей со всех континентов приходят поклониться мужеству нашего великого народа. Помните всегда об этом. И будьте достойны доблести и стойкости тех бойцов и тех матерей.

В Юргамыше есть музей Материнской славы. Я бы назвал его школой человеческой стойкости и мужества. Здесь хранятся уникальные документы, которые невозможно рассматривать без сердечного содрогания, невозможно, но надо, чтобы понять, осознать, чьи мы наследники. Вот на довоенной фотографии запечатлена дружная семья Калегиных из деревни Губерля, мать Анна Ивановна и четверо ее сыновей: Николай, Лука, Александр и Виктор. Жить бы да радоваться матери с такими сыновьями-орлами. Но ни один из сыновей этой ударницы-колхозницы не уцелел в горниле боев Великой Отечественной войны против фашистских поработителей.

Такая же горькая судьба постигла Мать-Героиню Марию Григорьевну Васильеву со станции Зырянка, вырастившую 12 детей. В первые дни войны ушли защищать Родину ее сыновья: Кузьма, Василий и Никифор. А вскоре отправились на фронт ее дочери Нина и Надежда. В 1943 году семнадцатилетним пареньком-добровольцем ушел воевать ее младшенький сын Виктор. Надо представить, сколько провела бессонных ночей солдатская мать, сколько пролила слез, испытала горечи и тревог: живы ли кровинушки – сыновья и милые доченьки? Поседела мать от горькой судьбы. Но не сидела она, сложа руки, трудилась и помогала, как могла и чем могла, внукам своим и Отечеству.

Первое печальное известие пришло о трагической судьбе Кузьмы. Погиб он при бомбежке, налаживая переправу через реку, оставив сиротами четверых детей. Вскоре пришли похоронки на Василия и Никифора. А младшенький Витенька погиб при штурме Берлина 30 апреля 1945 года.

Одна за другой приходили в слезах в дом Марии Григорьевны ее дочери Варя, Дуня, Настя и Поля. Они получили похоронки на героически павших в боях мужей. У Вари и Дуни остались на руках по шестеро ребятишек...

Нет на белом свете такой меры и таких наград нет, чтобы измерить и оценить по достоинству материнский подвиг этих женщин. И не только этих.

Матери, матери...

Жестоким, беспощадным катком прошлась война по семье Ефима Андреевича и Татьяны Ивановны Юровских из деревни Юровка Далматовского района. Пятеро их сыновей Петр, Алексей, Семен, Егор и Константин были призваны на фронт. Все пятеро храбро сражались в боях за Отчизну.

Старший сын, Петр, 1911 года рождения, успел повоевать и до Великой Отечественной, на Финской войне. Был фронтовым шофером, на своей любимой полуторке “дошел” да самого рейхстага. Правда, расписываться на его поверженных стенах не стал из-за религиозного чувства. Потом был Дальний Восток. Бои с японцами. Три войны за плечами – и ни одной царапины. Какое это счастье – вернулся домой живым! Вернулся к родному очагу и Алексей – геройский защитник Сталинграда.

За праздничным столом в день праздника Победы Петр Ефимович всегда пел свою любимую песню:

*Эх, путь дорожка, фронтовая,
Не страшна нам бомбежка любая.
Эх, помирать нам рановато:
Есть у нас еще дома дела!*

Обнимутся Петр с Алексеем и заплачут: их братьям – Семену, Егору и Константину не суждено было больше увидеть отчий дом, буйную черемуху, которая десятки лет без них осыпает, как слезы, свой белый цвет. Семен прислал последнее письмо после Корсунь-Шевченковской операции. В нем писал брату: “Если бы ты, Петро, видел, как я кошу из своего пулемета проклятую фашистскую нечисть!...” Сложил голову Семен на чужой земле. Где похоронен, родные не ведают.

Егор, танкист, пропал без вести в огне на Курской дуге.

Константин служил во фронтовой разведке. Геройский был парень. Умер от ран. Его медаль “За отвагу” через 52 года после победы была вручена родным.

И сам глава семьи Ефим Андреевич Юровских – Георгиевский кавалер Первой мировой войны по возрасту не подлежал призыву в действующую армию, скончался от голода и непосильной работы в трудармии, выпуская оружие для сыновей-фронтовиков.

А дома от горя и нужды покинула белый свет мать семьи Татьяна Ивановна. Опустело когда-то шумное гнездовье Ефима и Татьяны Юровских. Осталось только двое “желторотых птенцов” – 13-летний Вася и 11-летняя Аня. Сколько лиха пришлось хлебнуть этим круглым сиротам – сиротам войны, чтобы просто физически выжить в те суровые, голодные и холодные годы!

“Осмысливая все это, еще и еще раз убеждаюсь, какой неизмеримо дорогой ценой заплатила наша страна и наша семья за Победу, – пишет дочь Петра Ефимовича Валентина Петровна Заярная. – А сколько их, таких гнезд, было разорено проклятой войной?! Когда я слышу берущие за сердце слова песни: “Этот день мы приближали, как могли... этот день Победы!” – Это о моих родных, это о миллионах соотечественников, положивших свои жизни на святой алтарь Победы”.

Но бог не без милости. Чтобы оттаяло сердце фронтовика, судьба подарила Петру Ефимовичу в 1950 году двух девочек-близняшек, в которых он души не

Братья Юровских

из деревни
Юровка

Петр Ефимович

Алексей Ефимович

Семен Ефимович

Егор Ефимович

Константин Ефимович

чаял. Ведь двое “довоенных” детей уже успели подрасти без отца, в войну выросли не по годам, рано становились маленькими мудрецами.

Беззаветно преданный шоферской профессии, Петр Ефимович Юровских, вплоть до выхода на пенсию, работал на Далматовском маслозаводе, возил на переработку молоко из деревень всего района. Его фотография постоянно висела на Доске Почета завода. Родные вспоминают до сей поры его слова, любимые пожелания окружающим – жить да радоваться! Под мирным небом благодать да доброту творить.

Недаром поется в песне: “ничто на земле не проходит бесследно”. Традиции Петра Ефимовича продолжают внуки, неся их дальше по жизни. Внук Петра Ефимовича Олег Заярный, окончив школу № 32 города Кургана, выбрал для жизни гордую профессию защитника Отечества, окончил Пермское высшее Краснознаменное командно-инженерное училище ракетных войск имени Маршала Василия Ивановича Чуйкова. Сейчас майор Олег Заярный, военный инженер по электронике, заместитель командира ракетного дивизиона по вооружению. Наследники фрон-

товиков с гордостью докладывают: “Патриотические традиции рода Юровских с честью и достоинством защищать Отечество продолжают их внуки”.

Сколько таких семейных историй и традиций по деревням и селам только нашей Курганской области. Помню, когда мы готовили книгу “Солдаты победы” о фронтовиках-мокроусовцах, в ней был помещен очерк о солдатской матери Марии Трофимовне Черниковой, колхознице из села Михайловка. Она рано похоронила мужа, одна воспитывала четверых сыновей. И каких! Работящих, красивых, мужественных. Первым ушел на фронт старший сын Филипп, а следом Иван и Михаил. Младший из сыновей Тимофей не стал дожидаться повестки из военкомата, добрался до станции Варгаши, сел в эшелон с бойцами, едущими на фронт, и уехал воевать с врагом. Уже с фронта пришло от него письмо: “Дорогая мамочка, прости, что я так поступил. Я знал, что тебе будет трудно одной, но и сидеть, сложа руки, больше не мог, когда идет такое сражение за Родину. Нахожусь на фронте. Твой сын Тимофей”. Похоронки получила мать на Ивана, Михаила и Тимофея. Тяжело раненым в боях вернулся Филипп инвалидом. Чем измерить беду этой матери? Скажите – чем?

Но сыновья всегда были и будут заступниками за родную мать и родную землю. И где-то в глубинах моей души сами собой воскресают набатные слова 1941 год – **Родина-Мать завет на бой с врагом!** Тогда миллионы советских людей восприняли этот призыв как личное обращение к нему. Плечом к плечу вставали в воинский строй сотни тысяч добровольцев. И матери благословляли их своими помыслами и сердцем, святыми молитвами на священный, праведный бой с разбойничьей ордой фашистов.

На алтарь спасения Родины-Матери были положены миллионы жизней. К Великой Победе солдаты шли через кровь и смерть, через великие тяготы, лишения и страдания, шли, чтобы победить или умереть, заслонить собой мать и Родину. Пуля врага, сразившая бойца на фронте, безжалостно била и в материнское сердце, била за тысячи километров, нанося неизлечимую, незаживающую боль.

ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ НА ЗЕМЛЕ ЗАУРАЛЬЯ

С сердечными ранами матерей и жестокими ранами солдат-фронтовиков курганцам пришлось быть знакомыми не понаслышке. Война плеснула на Курганскую землю кровью и болью 17-ти солдатских госпиталей. На фронт железнодорожные эшелоны уходили с курганцами бойцами, защитниками Отечества, а в обратный путь возвращались со станками, спешно эвакуированных заводов и предприятий, с вагонами, переполненными беженцами от войны и осиротевшей ребятней, ранеными защитниками страны.

Первым, уже 1 июля 1941 года, в здании партийной школы Кургана открылся госпиталь № 1729. Следом за ним, неделю спустя, начал работу в доме потребсоюза госпиталь № 1728, а 26 июля, в здании 28-й железнодорожной школы, был развернут госпиталь № 444.

С 4 июля 1941 года начал работу госпиталь № 1726 в городе Шадринске, развернутый в зданиях школы № 9 и детского сада, затем госпиталь № 3108, обособившийся в здании городской больницы.

Госпиталь № 2131 был развернут в помещениях курорта на озере Горьком Щучанского района, госпиталь № 3882 открыт на Курорте озера Медвежье Петуховского района, госпиталь № 1131 – в Далматово, госпиталь № 3757 – в Шумихе, госпиталь № 3122 – в Чумляке, госпиталь № 3879 – в Макушино, госпиталь № 3761 – в Лебяжье и еще госпитали и госпитали.

Первых раненых воинов курганские госпитали приняли уже в середине июля 1941 года. И с этого времени прибытие на станцию Курган санитарных поездов стало частым явлением. Вот так об этом вспоминала поездной диспетчер Зинаида Трофимовна Чурикова: “Дежурили по 12 часов, а то и сутками. Голодно. Холодно. Устанешь, сама не своя. Только и думаешь, как бы смену хорошо закончить. Окончишь дежурство, можно бы идти отдыхать, а тут санитарный поезд пришел. Бежишь помогать, организовывать выгрузку раненых. Сама берешься за носилки. Стоны, окровавленные бинты... сердце сжимается от волнения и боли, тревоги за их жизнь”. (*“Книга Памяти”, т.1, с.15*).

Шли с запада санитарные поезда – эшелоны раненых бойцов. Ни на час не гасили свет в госпиталях и больницах. Здесь, в тылу, начинала усиливаться боль, воспалялись пулевые и осколочные прострелы, подскакивала температура... Стонали, плакали, метались в тяжелом бреде изувеченные войной люди. Хирургические кабинеты – бастионы борьбы за жизнь – не закрывались ни днем, ни ночью. Шли операции, перевязки...

В Кургане было размещено пять крупных эвакуогоспиталей: № 1130, на 250 коек, располагался в школе № 11, на улице Куйбышева, 44, в двухэтажном каменном здании школы № 65 работал госпиталь № 3976. Самым трудным по организации, приема раненых было сортировочное отделение госпиталя № 1729, расположенного на станции. Здесь были размещены 320 коек в школьных классах. Из отчетов начальника госпиталя того времени Самуила Исааковича Тульчинского можно узнать некоторые детали жизни этого учреждения: “...имеется водопровод, вода хлорированная, канализации нет, вывозятся погребя, имеется электроток, паровое отопление на 70 процентов, печное – на 30”. В этом госпитале находились наиболее тяжело раненые бойцы. Его сортировочное отделение проводило распределение раненых из поездов на станции по госпиталям и принимало на себя наиболее страдающих.

А как работали нянечки, медсестры, фельдшера и врачи того военного времени! “Что с тобой, миленький?” – и слезы на глазах, и улыбка, и руки, готовые сделать невозможное. Они, часто бывало, сутками не уходили из госпиталя... Так было. Да, не уходили. Не могли уйти...

О буднях госпиталя №1729 вспоминает Климова Клавдия Александровна – операционная сестра: “*Эвакогоспиталь №1729 располагался в пределах городского сада в зданиях нынешней администрации области, школы – сегодня территория Дома юных техников и в двух строениях по улице Карла Маркса. Первым его начальником был Тульчинский Самуил Исаакович. Его сменила Красильникова Зоя Ивановна, а после них долгое время возглавлял госпиталь Фельдман Георгий Израилевич.*

*Климова
Клавдия Александровна*

В период крупных военных операций на фронтах десятки санитарных поездов и “летучек” (товарные составы, экстренно приспособленные для транспортировки раненых) спешили на Восток. Часть из них принимал Курган и его эвакогоспитали. Бывало, что поезда шли один за другим. И нам приходилось сутками выгружать раненых, перевозить их на телегах или санях, запряженных лошадьми или быками, до госпиталя и здесь быстро осмотреть, помыть, накормить, напоить, прооперировать. Всем этим и занимался медицинский персонал нашего госпиталя.

Сама я, после окончания медицинского училища в городе Златоусте, работала в Щучье. 28 июня 1941 года по направлению военного комиссариата прибыла в госпиталь №1729. Врачи здесь были замечательные. Хирург Красильникова Зоя Ивановна прекрасно оперировала. Ее отличали мастерство, смелость, решительность, быстрая реакция на меняющуюся ситуацию. Ей доверяли и коллеги и больные. Как человек она была проста и доступна. И эти качества великолепно сказывались на окружавших ее людях. Не одну сотню часов я провела с Зоей Ивановной за одним операционным столом, а затем помогала ей в выхаживании и восстановлении здоровья раненых бойцов.

Под стать ей была и ее коллега – хирург Баранова Александра Яковлевна. С большим уважением относились в госпитале к врачам Аркатову Василию Никитичу, Фельдману Георгию Израиловичу”.

Как создавался и работал госпиталь в Мишкино, подробно рассказывает Татьяна Ивановна Назарова, бывшая в нем работницей кухни в годы войны:

“Уже в августе 1941 года в Мишкино был подготовлен к приему раненых, контуженых и больных фронтовиков эвакогоспиталь № 3760 на 250 коек.

Время тяжелейшее, но под госпиталь выделены самые лучшие помещения. Он разместился в шести зданиях: двухэтажная средняя школа № 4, родильный дом, здание райвоенкомата на улице Павших Борцов (штаб госпиталя), здание парткабинета, дом № 60 по улице Рабоче-Крестьянской, специально построенный домик во дворе госпиталя – санпропускник.

Оснащали и, если можно так сказать, оборудовали госпиталь всем мишкинским миром. Под руководством завхоза Мишкинской средней школы Трофима Ефремовича Милюкова, кавалера Георгиевских крестов за храбрость и отвагу в Первой мировой войне, так же освобожденных от призыва по возрасту и здоровью учителей Мирона Ивановича Латковского, Евгения Александровича Фомина и учителя немецкого языка Н.З. Риша, учащиеся вынесли парты, побелили и помыли помещения.

К 1 сентября старшеклассниками и родителями учащихся младших классов были напилены, расколоты и сложены в поленицы дрова, прочищены и побелены

печи. Ученики, переведенные в другие школы райцентра, в свободное от занятий время прибегали в госпиталь, расставляли столы, кровати, тумбочки и другое госпитальное оборудование. Их никто не заставлял, все понимали – так нужно.

У населения района собрали 70 пожертвованных железных кроватей, да 5 купили в райпо. Не хватало мебели, но выручили столяры-умельцы промартелей из Мишкино, Островного, Щучье и Иванковского лесоучастка. Они сделали 180 деревянных кроватей, 50 обеденных столов, 60 скамеек, 200 табуреток и столько же тумбочек. С ремонта сладкокарасинских колхозных ферм срочно была возвращена в райцентр бригада плотников Мишкинской райстройконторы. Ею в госпитальном отделении № 1 (школа № 4) была оборудована комната для грязе-солевых ванн и на уровне второго этажа надстроена комната для теплых туалетов. Особо тщательно ремонтировал пол в будущей операционной 17-летний плотник В.А. Банников.

Начальником эвакогоспиталя был назначен 50-летний военврач 1-го ранга Иван Иванович Сопов. Беспартийный, выпускник I Московского медицинского института, он все силы отдавал своему делу. Вместе с ним приехали из Москвы 36-летняя женщина-хирург 1-го Московского Коммунистического госпиталя Татьяна Владимировна Гончарова, врачи-ординаторы Любовь Моисеевна Волович, Анастасия Николаевна Давыдова, Мария Ефимовна Макеева и Анна Ильинична Макаркина.

Приказом № 127 от 30.08.1941 года по Мишкинской районной больнице были переведены на работу в госпиталь медсестры Румако, Маркова, Пономарева, Первушина, Толоконникова, санитарки Ионина, Савельева, Иванцова. В октябре 1941 года дополнительно из райбольницы переведены в госпиталь медсестра Антонина Константиновна Пчелина и санитарка Анна Владимировна Мокина. С осени 1941 по сентябрь 1944 года в госпитале работали санитарки Харитиния Петровна Давыдова, Анна Ниловна Юртина, с января 1942 года – Евдокия Евстафьевна Морозова, Евдокия Андреевна Падерина, Агапия Ивановна Сажина, Галина Ивановна Мандрыгина, Дарья Калистратовна Яровая и другие.

Первым шеф-поваром в госпитале, до ухода в армию работал опытный мишкинский повар Дмитрий Федорович Семейкин. Его сменил пожилой эвакуированный ленинградец Иван Иванович Ливанов. Он тяжело перенес суровую уральскую зиму, напряженную работу и умер в апреле 1942 года. После него шеф-поваром госпиталя трудилась Наталья Савельева, проживавшая на улице Свободы. Младшими поварами работали Наталья Дмитриевна Шавалдина и Александра Михайловна Агеева. Кухонными рабочими трудились: Раиса Коннова, Вера Филичкина и я, юная Таня Назарова. 2 сентября 1941 года меня, 16-летнюю девчонку, только что получившую паспорт, приняли на работу кухонной рабочей. В мои обязанности входило три раза в день взвесить хлеб всем раненым, утром и вечером взвесить по 10 граммов масла и три раза в день раздать пищу. Я ездила получать хлеб в железнодорожной пекарне и молочные продукты на Мишкинском маслозаводе (он был тогда на Горушке). Другие продукты получала на госпитальном продскладе – кирпичное здание магазина через дорогу от церкви, тогда недействующей. Еще я возила обеды на 2-е отделение госпиталя (бывший роддом), но там их не раздавала.

Работать приходилось по 18 и более часов в сутки, без всяких выходных. Оклад у меня был 170 рублей. Но я в течение четырех лет не получала ни копейки:

высчитывали за питание, за заем на танковую и другие колонны. Я только ходила в штаб госпиталя, расписывалась, и все. Так поступали многие. Но никто не жаловался, что трудно.

Зато наш пищеблок был на первом месте в Уральском военном округе. У нас, кроме наркомовской нормы для эвакогоспиталей, были дополнительно шефские продукты – мясо и овощи. Питание играло важную роль в выздоровлении раненых бойцов. Когда была прорвана блокада Ленинграда, к нам в госпиталь поступали бойцы с острой дистрофией. Они были ужасно истощены – скелеты, обтянутые кожей. А у нас они быстро поправлялись и уезжали снова на фронт.

Одной из первых сдала свою кровь раненым воинам сандружинница Мария Константиновна Павлова из села Масли. Эта передовая колхозница-животновод была в 1935 году делегатом от Мишкинского района на 7-м Съезде Советов в Москве. В 1941 году, вскоре после начала войны, она уехала работать санитаром в один из подмосковных эвакупунктов.

Не только раненым фронтовикам нами оказывалась медпомощь. Уже с 20 июля в Мишкинский и Кировский районы стали прибывать семьи эвакуированных горожан: евреев, русских, украинцев, а также семьи военнослужащих, преимущественно из Московского военного округа. Среди них – семьи известных боевых генералов, Героев Советского Союза, а также ведущих преподавателей Военно-Политической академии РККА. Спасенные от бомбежек эвакуированные жены, дети, матери военачальников могли рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь, хотя ей почти не пользовались.

Единственная заметка в районной газете о работе эвакогоспиталя в военные годы появилась 28 февраля 1943 года. Раненые бойцы Маслаков, Шеленков, Ханжин писали о заслуженно пользовавшейся уважением и любовью раненых и больных врачевателе Татьяне Владимировне Гончаровой. “Отличный хирург, она посвящает все свои знания и умение делу излечения больных и раненых, возвращения их в строй. Отзывчивость, забота о нуждах больных и раненых, готовность в любое время дня и ночи прийти на помощь – вот стиль работы Татьяны Владимировны”, писали бойцы в газете. Гончарова спасла жизнь многим жителям района, делая сложные операции. Мать двоих детей, она не только обслуживала госпиталь, но и в районной больнице делала операции. Когда был операционный день, в госпитале была полнейшая тишина. Татьяна Владимировна на этот счет была строга. Если после операции были тяжелые больные, она не уходила сутками от них. Позовет меня и попросит: “Таня, сходи ко мне домой, покорми ребят и скажи – пусть меня не ждут. У меня сегодня был операционный день”.

С начала и до конца функционирования госпиталя в Зауралье и на Западной Украине им было излечено 5050 воинов. Они были со всех фронтов, разных воинских специальностей, разных наций и народностей. Русские Григорьев Василий Павлович (Ленинградская область) и Карасев Николай Иванович (Рязанская область), украинцы из-под Одессы – Семибратченко Николай и Юрченко Михаил, узбеки из Андижана – Сатканбаев Ибат и Тухлубаев Сайдан...

Уроженец деревни Такташи, студент Мишкинского педучилища Георгий Павлович Тузов был призван в армию в феврале 1942 года. Год спустя, в бою был ранен тремя вражескими пулями. 4-я пуля угодила бойцу в медаль “За отвагу”.

Тузов Георгий Павлович

Боевая награда на этот раз спасла парню жизнь. На долечивание его повезли в один из сибирских госпиталей, но он во время 40-минутной остановки санитарного поезда на станции Мишкино, с разрешения начальника поезда, сходил в наш госпиталь и принес разрешение на долечивание в Мишкино. После 2-х месяцев лечения Тузов снова уехал на фронт. Имел еще два ранения, которые лечил в санбате и прифронтовом госпитале, был награжден орденом Славы. После войны он учительствовал, заочно окончил Мишкинское педучилище и Харьковский университет.

Одним из первых комиссованных по ранению был пограничник Николай Тихонович Арапов. Служил в 5-м Краснознаменном пограничном отряде. Был ранен в бою 22 сентября 1941 года. Выписан из госпиталя в декабре 1941 года инвалидом 2-й группы. Ему помогли трудоустроиться.

Работал счетоводом колхоза “Колос”, а затем председателем колхоза имени Молотова в селе Введенское. Женился на девушке Александре. В 1950 года у них родилась дочь Люба.

И таких судеб многие десятки, что после излечения раненые бойцы остались жить на зауральской земле.

4 февраля 1944 года в Мишкинском госпитале умер двадцатилетний старшина Григорий Федорович Беляев, уроженец деревни Володарское Рогачевского района Гомельской области. 28 июля 1944 года умер рядовой стрелок Калым Кушкамбаев. До войны он жил в Шулаевском сельсовете Любинского района Омской области. Его, казаха, в госпитале звали просто: “Коля”. Они умерли от ран в конечности, голову и от сильных ожогов. Их могилы – “первая аллея налево от входа”. Так написано в особой райвоенкоматовской папке под грифом: “Хранить вечно!” По праздникам, правда не каждый год, офицер военкомата возлагает на эти могилки венок или полевые цветы”.

А вот так о той поре рассказывает Анастасия Ивановна Гусева: “В санатории “Озеро Горькое” в годы Великой Отечественной войны находился эвакогоспиталь, где лечили раненых бойцов. Там я проработала медсестрой 3 года и 1 месяц. Кое-что уже стерлось в памяти, но многое еще живо.

В начале лета 1942 года, получив диплом акушерки, я приехала в город Щучье. Мест в роддоме не было, и я устроилась работать в отделение терапии. Бывало, отдежурю сутки и пешком домой, в село Медведское, которое в 20 километрах от города, а к следующей смене бегу обратно. А что делать? Домой очень хотелось. Мой отец в это время был в трудармии. Прошло 3 месяца, и вдруг я получаю повестку из военкомата. На комиссии присутствовал Бенькович – начальник госпиталя. По его просьбе меня и направили медсестрой в госпиталь. Собрав вещи, я отправилась в госпиталь. Добиралась пешком. Помню, стоял прекрасный день, и

*Гусева
Анастасия Ивановна*

не верилось, что где-то идет второй год страшной войны. Госпиталь тоже поразил своей тишиной и ухоженностью: всюду были цветочные клумбы, красивые кустарники, аллеи.

Направили меня работать дежурной медицинской сестрой во второй корпус. Впервые я увидела раненых. Сколько их здесь было!.. И каких!... Кто в гипсе, кто с “культей” – обрубком руки или ноги. Они вроде бы и привыкли к своему виду, к своей новой жизни, кто себя чувствовал получше, занимались своими делами, а у меня дрожали коленки и колотилось сердце. Весь день я лишь наблюдала за работой врачей и медсестёр, а уже на второй день вышла в смену.

Работы было много, но уставали не от неё, а от морального напряжения, глядя на чужую боль. Чего только и сколько, бывало, насмотришься за одну перевязку!.. Помню, делали их больше всего из грязевого раствора, раны заживали быстрее. Ватой же служила зелёная высушенная тина с озера. Но для операций, конечно же, была настоящая вата. Бинтов не хватало, их приходилось стирать.

Вообще, надо сказать, жизнь госпиталя была отлаженной. Имелось, например, даже подсобное хозяйство, что было неплохим подспорьем, особенно зимой. Кормили раненых неплохо. Обеды приносили им прямо в корпус, а нас, сотрудников, кормили в столовой, меню у нас было похуже. Хлеба давали по 400 граммов в день, чаще всего он был овсяным. Ели и похлёбку из крапивы.

Была в госпитале своя аптека, где готовили лекарства, грязелечебница, которая работала с большой нагрузкой. Там же принимали у нас поступающих раненых. Привозили их отовсюду сначала на станцию Алакуль, где был заезжий дом санатория-госпиталя, а затем на лошадях, а зимой на тракторе с прицепленными большими санями доставляли в госпиталь. Кто мог, шёл пешком эти 9 километров.

День дежурства всегда был занят до предела, работы хватало всем. А ещё приходилось писать немало писем по просьбам раненых. Ведь многие из них не могли этого делать сами. Но как бы трудно всем нам ни было, относились друг к другу мы с душевной теплотой. Раненые звали нас “сестричками” или по именам, а санитарок – ласково “нянечками”. Привыкали и они к нам, и мы к ним: расставаясь, плакали. Не помню ни одного конфликта между больными и обслуживающим персоналом. И я, любящая шутку и юмор, всегда со всеми ладила. Среди раненых были и русские, и татары, и башкиры, и только один армянин – красавец Коля Степанян.

Дружно, стараясь помочь друг другу, работали медсестры. Как сейчас помню Олю Злобину, Аню Елисееву, Катю Воронину, Аню Ушакову. Надеюсь, живут до сих пор в Щучье бывшие медсестры госпиталя Зоя Кудряшова, Шура Люблище-

ва, Аня Пястолова, Лиза Хафизова, Шура Добрынина, у которой мы жили на квартире. Из хирургов особенно запомнился Павел Маркович Ефременко. Худенький, небольшого роста, был он инвалидом с детства: одна нога была короче другой, и ходил, приседая на короткую ногу. Трудно ему приходилось во время операций: он стоял на одной ноге.

Однажды произошёл такой случай: у больного из моего отделения на ноге был гнойный свищ, и рана не заживала. Надо было почистить повреждённую кость. Больной лежал на столе без наркоза, я стояла рядом. Операционной сестрой тогда работала Аллочка (все её так называли), она подавала инструменты. Вдруг она побледнела, повалилась набок и прямо на хирурга, да так, что оба упали на пол. Больной, подняв голову, спрашивает: “Что это у вас все попадали?” Аллочку вынесли в предоперационную, вывели из обморока, и они с Павлом Марковичем пошли заканчивать операцию.

Работа работой, но были и минуты отдыха: устраивались танцы в клубе под баян, а зимой разрешалось по субботам танцевать в первом корпусе под звуки патефона. Иногда своими силами ставили концерты для раненых.

Раны заживали, и молодость брала своё: некоторые выздоравливающие убежали в самоволку. Правда, комендант госпиталя Иван Лямко с такими “расправлялся” по-своему: после отбоя сам ходил по палатам, проверял больных; бывало, что и “на губу” сажал.

Однажды проштрафилась и я. Три молоденьких лейтенанта направлялись после излечения в город Свердловск на учебу. Одного из них я пошла проводить до станции Алакуль. Поезд приходил ночью, и мы все пошли туда с вечера. Был февраль 1943 года. Помню, мела метель. Ребята шли впереди, а мы с другом немного отстали. Вдруг возле них останавливается лошадь, запряженная в кошевку, а затем подъехали и к нам. Человек откидывает воротник тулупа – ба! Сам Бенькович оказался перед нами. Сказал только одно слово и тут же уехал. Ночью обратно со станции шла одна, а наутро вышел приказ по госпиталю. За нарушение режима меня перевели на три месяца в санитарки. Неделью я помогала дезинфектору. Потом нашего Беньковича куда-то перевели, и его сменил Николай Самсонович Олейников. Он определил меня в штаб, секретарем. Работать там было очень тяжело, но я выдержала.

Однажды наш госпиталь чуть было не перевели в Каменец-Подольский. Рассортировали раненых, всё необходимое уже свезли в Алакуль. На сборы ушло дней десять. Сидим и ждём эшелона... И вдруг телеграмма из Москвы: “Госпиталь оставить на месте как курортную единицу”. Мы в слезы: нам так хотелось ехать. А главврач ласково, по-отцовски говорит нам: “Соплюхи, надо радоваться, а вы ревёте”. Начались обратные перевозки и подготовка госпиталя к приёму новых раненых.

Я работала в третьем корпусе, когда к нам поступила партия эстонцев. Не раненых, а больных, после концлагерей. Все лежали, ходил только один, Романом его звали. На них страшно было смотреть: это были скелеты, обтянутые кожей. От недоедания, однообразной пищи у них была болезнь, название которой я сейчас не

помню. Лечение было длительным. Был с ними переводчик Ося, который помогал нам общаться. Среди эстонцев был Ваня Нымсолу. Подойду к нему, возьму за руку, а она как восковая. Он только и вымолвит: “Ася, Ася”. А у самого слезы на глазах и улыбается. Были и другие “тяжелые”, но все держались молодцами. Некоторые из этих больных остались навсегда на Чистовском кладбище. Помню умершего Альберта Пецора. Накануне вечером он показал нам фотографии родных и любимой девушки, а когда я пришла на следующую смену, его уже не было в живых.

Вот так и работала без отпусков, каждый день соприкасаясь с болью и страданиями, стараясь выходить каждого раненого.

Очень ждали мы победу. Когда пришла она, долгожданная, радовались до слез. Я как раз работала в день. Прибежал посыльный из штаба и сказал, что война закончилась. Что тут было! Обнимались, целовались, плакали и смеялись. Сидели до утра, не соблюдая на этот раз режим. Война закончилась, но раненых надо было долечивать.

И лишь в октябре 1945 года я была переведена работать в Щучанский роддом. И получила первый за три года отпуск – на целый месяц...

На этом моя история с эвакогоспиталем не закончилась. В 1988 году, когда мне было уже 65 лет, к годовщине Великой Победы я сделала музыкальную заявку на московскую радиопередачу “В рабочий полдень”. Написала о годах работы в эвакогоспитале и назвала некоторые фамилии, попросила исполнить для всех, лечившихся и работавших там “Полонез Огинского”. “Пусть эта мелодия напомнит об ушедшей, искалеченной войной нашей молодости”, – писала я. Заявка была выполнена.

И какие же сюрпризы преподносит порой жизнь! Через два месяца я получила письмо из далекого Новороссийска. И от кого думаете? От майора в отставке Анатолия Яковлевича Миронова – того самого младшего лейтенанта, кого я проводила в 1943 году, в метель, до станции Алакуль на учебу в город Свердловск. Он услышал передачу, но не запомнил адрес мой и, начав поиски с Москвы, закончил Щучанским паспортным столом. И нашел! Потом были письма-исповеди о жизни, семье, детях, внуках, обмен фотографиями. Вот так и получилось, что почти через 45 лет я встретилась со своей юностью!

Второй раз я ступила на территорию госпиталя только через 50 лет – нас пригласили туда на празднование Дня Победы. Было много воспоминаний, счастливых минут... До сих пор помню тех, кто лечился в госпитале, навсегда в моей памяти они остались молодыми, добрыми и красивыми – это Ваня Калинин, Коля Васильев, Гриша Лященко, Миша Худышкин, Вася Федечкин, Вадим Серов, Вася Сидоров, Петя Глабов, сибиряк Саша Чапленко, доброволец, наш любимчик Женечка Ставинский и многие другие. Я преклоняюсь перед их мужеством, стойкостью и терпением. Может быть, и сейчас кто-то из них вспоминает этот далекий тихий уголок – озеро Горькое.

Тысячи раненых прошли через наши руки, нам памятен каждый из них, каждый день той страшной поры. Каждой клеточкой тела, души и сердца мы ждали самый светлый день. И он пришел – 9 Мая 1945 года!”

Екатерина Медведева из поселка Березовка Красноярского края вспоминает: “В годы войны, неизгладимые в памяти, мне довелось работать в эвакогоспитале, даже сейчас помню его номер 3757, который находился на окраине станции Шумиха. Видимо, многие шумихинцы старшего поколения помнят его. У нас лечились раненые бойцы с фронта.

Однако прошло немного времени и госпиталь получил неожиданное для нас назначение, стал госпиталем для военнопленных: немцев, румын, венгров, итальянцев. Мы, работники госпиталя, оказались в сложнейшем положении. К тому времени война уже была в полном разгаре, шли ожесточенные бои по всему фронту, и у многих сотрудников госпиталя были уже погибшие близкие люди: сыновья, мужья, отцы, дочери. Очень трудно было настроиться на лечение врагов и уход за ними. Но мы – люди самой гуманной профессии должны были перешагнуть через это, выполнять свой долг как положено. Как это было непросто.

А работы было много. Заведовала эвакогоспиталем врач Анастасия Афанасьевна Корытова. Глядя на неё, мы задавали друг другу вопрос: когда она отдыхает? Все мы знали, что на фронте у неё погибли близкие люди. И вот теперь те, кто искалечил всем нам жизнь, были в глубоком тылу, в госпитале 3757, где те, кого они шли делать рабами, к кому они пришли с мечом и огнем, должны были быть к ним милосердными. И многие из них это понимали. Смотрели они на нас, русских женщин, страдающими глазами и ждали помощи. И они её получали. А как же еще? Был приказ свыше... И еще наше русское человеческое сердце.

Анастасия Афанасьевна научила и нас, молодых, быть гуманными, добросовестно выполнять свои обязанности, вежливо относиться к раненым.

Дел у нас было, что называется, предостаточно, в том числе и хозяйственных. Наша заведующая устроила огород около здания, и мы регулярно снимали хороший урожай капусты, помидоров, огурцов, картофеля, моркови. В условиях военного времени это было хорошим подспорьем в рационе медперсонала и, конечно, раненых. Для последних держали даже несколько коров.

Так мы и жили, работали, ожидая известий с фронта, в душе, может быть, ненавидя наших пациентов, но достойно выполняя свой людской и профессиональный долг.

Когда я думаю, в чем сила нашего народа, почему именно мы сломали хребет фашизму, то в числе мужества, стойкости, героизма и других качеств называю нашу моральную и душевную щедрость, важная часть которой – милосердие.

Ну, а День Победы стал праздником для всех: и для медицинского персонала госпиталя, и для его пациентов. Все радовались окончанию войны, хотя, понятно, по-разному: к нашим чувствам примешивалась скорбь по погибшим.

Выздоровевших военнопленных стали отправлять из госпиталя на родину. Многие из них выучили русский язык и хорошо говорили на нем. И прощались с нами эти люди по-человечески сердечно, со слезами на глазах”.

Школьница Маша Дейцова на снимке четвертая слева во втором ряду сверху (ныне Мария Яковлевна Брусянцева), о госпитале села Каргаполье вспоминает так: “Шел 1943 год. Нам, десятилетним девчонкам и мальчишкам из деревеньки Черепаново, непонятно было: грозный он или обыкновенный этот год. Что война идет, знали. Но что она калечит людей, солдаты в бою погибают, до нас доходило только по слухам да похоронкам. Явью было то, что мать

*Брусянцева
Мария Яковлевна*

весь день на работе, а младшие сестренки на твоих руках, и вся остальная работа по дому тоже ждет тебя. Копали картошку, управлялись с коровой, носили воду, дрова, помогали друг другу.

Учеба в школе была святой обязанностью. Боже упаси, пропустить урок.

А тут весть пришла: в Каргаполье открылся госпиталь для раненых фронтовиков. Собрала нас учительница после уроков. Вопрос один: чем помочь раненым. Решили подготовить концерт и выступить в госпитале. Это должно облегчить раненым боль, отвлечет от мрачных мыслей, поможет выздороветь. Начали готовиться.

От нашего селения до Каргаполья километров десять. Но мы, счастливые и довольные тем, что

идем помогать фронту, отправились с учительницей в путь. Дошли. Усталости как не бывало. Приготовились к концерту.

Честно признаюсь, творческой одаренности у меня никакой. Как в народе говорят: “На ухо медведь наступил”, ноги плясать не умеют. Но я старалась. Очень старалась. Такие песенные рулады выводила, что себе удивлялась. А втайне все равно знала, что у меня неважно получается.

Закончился концерт. Раненые хлопают в ладоши, расхваливают нас. В палате веселый говор.

Вдруг меня подзывает к себе один лежачий больной. Я подошла. Смотрю, а там, где у него ноги должны быть, пустота простынкой прикрыта. Страшно стало. Жаль дяденьку. А он улыбается, – “Не бойся, дочка, – говорит, – я немцу тоже задал, неповадно будет нашу русскую землю топтать”. И продолжает: “Ты очень хорошая девочка. И пела, и плясала лучше всех. Возьми мой подарок. Носи на здоровье. Они правда велики тебе, но портяночек побольше навернешь, впору будут”. И достает из-под подушки ботинки. Боль – ши – е. Солдатские.

Я оробела. Не знаю, что делать. А раненый свое: “Бери, бери, дочка. Пригодятся”.

Взяла я подарок фронтовика. Поблагодарила. Домой бережно несла. Путь долгий. Ночь. Боялась выронить и потерять.

Когда пришла домой, мама ахнула. Ботинки в то время действительно очень нужной вещью были. Примеривать их стала – ногам что-то мешает. Посмотрела, а там два маленьких кусочка сахара. Вот так через всю жизнь я с памятью о том бойце и иду. Такими были отцы наши. О нас больше думали и заботились, чем о себе. Даже в таком положении сильными оставались”.

Вера Петровна Плотницкая о госпитале в Юргамыше рассказывает так: “Во время войны очень многие дети страдали из-за плохого питания, многие, особенно в больших семьях, были истощены. В Юргамышском районе по селам и деревням ездила медкомиссия во главе с детским врачом Ревеккой Наумовной Кобринской. Из нашей семьи троих детей положили в районную больницу на поддержание. Мне было восемь лет, я должна была идти в первый класс.

Здесь, в Юргамыше, мы, дети, воочию встретились с войной. Да, да – с настоящей войной. Мы увидели много раненых бойцов. Больничные бараки стояли по улице Ленина и выходили на улицу Культуры (ныне улица Соседовой). В средней школе, что находилась рядом, располагался госпиталь. Школа в то время была как раз в два раза меньше нынешнего здания – это западное крыло. Первый этаж – кирпичный, второй – деревянный. С западной стороны деревянной части была дверь, выходящая на небольшой балкон, а

*Плотницкая
Вера Петровна*

затем на крыльцо. Вот на этом самом крыльце утром на второй день, как мы попали в больницу, я увидела стоявших раненых бойцов. От ребятишек узнала, что в школе военный госпиталь. Территорию больницы отделял от госпиталя забор в две жердинки, у нас в деревне его называют пряслон. Погода была теплая, июнь. Дети ходили босиком. Мы подходили к пряслу с одной стороны, а раненые с другой. Помню, как солдаты смотрели на нас. Они были ранены в руки и ноги. Это было видно по бинтам, гипсу. Кто на костылях, кто с подвешенной рукой. Одни гладили нас по головам, а иной и поцелует. Солдаты брали маленьких ребятишек на руки, прижимали к груди. При этом мы видели слезы на их глазах. Тогда мы еще не понимали, почему солдаты плачут.

В июле за нами пришла мама. В огороде стали поспевать овощи, кормить нас уже было чем”.

Душевное тепло и ласковые руки заменяли иногда и слабую медицинскую оснащенность, и нехватку лекарств. Именно благодаря самоотверженности медицинского персонала тысячи излеченных больных вновь вставали в строй.

Материнской заботой и любовью окружали зауральцы раненых бойцов. Коллективы колхозов, предприятий, школ считали высшей честью для себя стать шефами госпиталя. Из протокола заседания бюро Варгашинского райкома ВКП(б) от 18 апреля 1942 года: “Слушали: Решение бюро обкома ВКП(б) о шефстве сельхозрайонов над госпиталями, размещенными в городах области. Постановили: 1) Принять шефство над госпиталем № 1728. 2) Для оказания практической помощи подшефному госпиталю в бесперебойном снабжении находящихся в нем на излечении бойцов, командиров и политработников РККА провести дополнительный посев сельхозкультур по колхозам с тем, чтобы полученный с этих площадей урожай передать госпиталю: картофеля 10 гектаров, моркови 0,8 гектара, свеклы столовой 0,8 гектара, луку 0,8 гектара, капусты 2,1 гектара, огурцов 1 гектар, помидоров 0,5 гектара.

Кроме того, собрать дикорастущих ягод 4500 килограммов, откормить и передать в госпиталь 8 коров, 20 свиней. 100 кур. Для снабжения скота кормами засеять и передать госпиталю урожай с 15 гектаров овса и накосить 400 центнеров сена... Секретарь райкома ВКП(б) Бабин” (ГАОПДКО, ф. 166, д. 160, л. 5.)

Люди отрывали от себя последнее, чтобы раненые ни в чем не испытывали нужды. Об этом проникновенно писали после выздоровления многие из раненых бойцов. Вот одно из писем коллективу Лебяжьевского госпиталя № 3761: “Личный состав вашего госпиталя – золотые люди. Мы, раненые, были окружены поистине материнской заботой. Мы были сыты, как бывает сыт любимый сын у матери. Мы были чисты, как бывает чист муж у верной жены...”.

А вот воспоминания Алевтины Максимовны Серебровой, учительницы, пропагандиста при госпитале в городе Шадринске: “ В эвакуогоспитале № 3108 я фактически выполняла – функции политрука. Эвакогоспиталь располагался на территории Советской больницы. Каждый день старалась побывать во всех пяти отделениях, поговорить с людьми. В палату заходила лишь только в том случае, если в ней был порядок: прибранные постели, ухоженные раненые. Если, зайдя в палату,

замечала непорядок, то только здоровалась и тут же покидала ее.

Однажды едва успела появиться на территории госпиталя, как мне уже передают: “Метелева вызывает” (она была начальником медчасти госпиталя).

– Ну, укротительница, – говорит, – иди в палату. И называет номер. Ночью было поступление, так один раненый обидел медсестру. Парень красавец, шевелюра пышная, а одной ноги нет. Сестра к нему, что, мол, надо полностью обрабатывать раненых при поступлении в госпиталь, а он ее матом (при поступлении в госпиталь раненых полагалось обязательно стричь). “Ну, что же, – думаю, – будем работать”. – Зашла в палату, а в ней 8 человек, подсаживаюсь к каждому на кровать, разговариваем. У всех порядок, а этот, новенький, замечаю, лежит небрежно, постель не прибрана. Поговорила с ранеными и направилась к выходу. А он ко мне с вопросом:

– Вы что же, товарищ политрук, со всеми поговорили, а со мной не хотите? Присаживайтесь, у меня места много (это намек на то, что у него нет ноги).

– А кто это у нас появился такой неприбранный? Новенький, что ли? – спрашиваю.

А ему все: “Мы тебе говорили, мы тебе говорили”. Так состоялось наше знакомство. Где шуткой, где острым словом удалось разговорить парня. Родом он оказался из Гомеля. Невесту его фашисты угнали в Германию, отца повесили, мать, не выдержав горя, умерла. “Для чего мне жить, к тому же без ноги – никакая девушка не полюбит меня”, – заключил парень.

В то время мы с семьей жили по улице Уральской, 9. На уплотнение к нам поселили семью эвакуированных евреев из Ленинграда. Один сын у них погиб, а второй, Саша, был без ноги. Уже в Шадринске он познакомился с девушкой Зиной, она работала в фотографии. Поженились. Позже они все уехали в Ленинград. Вечером я провела с Сашей беседу, договорились, что я похлопочу в артели “Кооператор”, чтобы его отпустили на некоторое время в госпиталь, поговорить с гомельским парнем. В назначенный день я намеренно пришла в госпиталь попозже, чтобы молодые люди смогли поговорить без свидетеля. Меня он (гомельский парень) встретил с большим нетерпением и радостью: “Товарищ политрук, ко мне человек приходил! Он тоже без ноги, как и я, а женился!”

В общем, договорились мы с ним, что перед медсестрой Надей, которой он нахамил, извинится, и позволит сделать с собой все, что работникам госпиталя необходимо исполнить.

А с медсестрой я тоже поговорила, и дала ей наказ – поухаживать за парнем.

Как-то он с радостью сообщил мне, что Надя пригласила его в кино. А я специально только что договорилась о кинопередвижке для госпиталя, чтобы раненые могли посмотреть фильм. И Наде наказала, чтобы в кино сидела с ним рядом. Сама же я намеренно будто этого не замечала. После кино гомельчанин встретил меня возле госпиталя:

– Товарищ политрук, я в кино ходил и вместе с Надей сидел!

– Ну, что, полюбят тебя девушки? – Он засмутился, скромно заулыбался. К парню вернулась вера в жизнь...”

ВОЙНА ПРОШЛАСЬ СУРОВО ПО СЕЛУ

Непомерную тяжесть войны с первых ее дней несли жители зауральских сел и деревень. На фронт ушло самое трудоспособное население, почти все механизаторы, руководители бригад, председатели колхозов. Положение усугублялось тем, что помимо мобилизации мужчин на войну, зауральская деревня отдала для нужд армии 20 процентов тракторов и автомашин, большое количество лошадей, повозок и саней. Отдавали то, что было получше, понадежнее.

В воспоминаниях “Из памяти не стереть” Лидия Лазаревна Кузеванова, жительница Частоозерского района пишет: “За всю свою жизнь я не припомню столько людского горя и слез, сколько их было в день первых проводов на фронт. Из глухой небольшой деревеньки Бутырино сразу провожали двадцать человек на машине-полупортке, тоже мобилизованной на войну. Нас, ребятишек, усадили около отцов в кузове автомашины. Проехав километра два, настала минута прощания отцов и детей. Словами я не могу передать это. В машине находилась медсестра для оказания экстренной помощи. Вместе с отцами мы проводили под огонь и наше детство. Голод, холод и непосильный труд пережили вместе с теми, кто воевал и кто трудился в тылу”.

Тысячи женщин, девушек и подростков пошли учиться механизаторским профессиям. Каргапольский райком комсомола, например, уже 25 июля 1941 года сообщил в обком, что “при Каргапольской и Долговской МТС, в Каргапольском зерносовхозе на курсах трактористов учатся 128 женщин, а на комбайнерских курсах – 44”.

*Шестопалова
Варвара Захаровна*

Вот как вспоминает о той же поре Варвара Захаровна Шестопалова из Варгашинского района: “Великая война оставила свои кровавые отметины, наверное, в каждой семье нашей огромной страны. Мой старший брат, Иван Колташев, едва вернувшись с финской войны, снова ушел на защиту Родины. Почти из каждого дома нашего села уходили на фронт мужчины. Осиротела деревня в самый разгар полевых работ в сорок первом году, замолчала колхозная техника.

Настала наша пора впрягаться в мужскую работу. Колхозу нужны были механизаторы и мы, молодые, стали учиться этому. Каждый день от Сычево до Варгашей, по двенадцать километров в одну сторону, ходили мы пешком в районную МТС учиться на курсах трактористов. С наступлением осенних холодов, слякоть и бездорожье изматывали до предела, маломальская одежонка плохо укрывала от пронизывающего ветра, поношенная обувь не выдерживала такого ежедневного мара-

фона. Но холод и голод только подстегивали, заставляли преодолевать дорогу с мечтой о теплом доме и горячей печеной картошке.

После курсов работала на тракторе. Было очень трудно, иногда от бессилья выступали слезы, но техника не останавливалась.

Вскоре подошло и наше время помогать фронту не в тылу, а на передовой. Помню, как мама положила мне в котомку последний котелок картошки и заплакала оттого, что дать больше нечего было. Как они, голодные, пережили это время, не знаю”.

Уже в первую военную страду на полях колхозов и совхозов Зауралья работали сотни женских тракторных бригад. В Митинской МТС Глядянского района первой такую бригаду возглавила Валентина Скобелева. В бригаду вошли Анисья Демешкина, Фуза Литвина, сменившие за рулем тракторов своих мужей, ушедших на фронт. Они приняли обязательство: “Не выполнив задание – не уходить с поля”. Уже в первый год войны родилась поговорка “Муж воюет танкистом, а жена – трактористом”.

По две нормы ежедневно выполняла на полевых работах трактористка-стахановка Коровинской МТС Мишкинского района Мария Ивановна Ломова. Ульяна Никифоровна Саунина из этой же МТС, отец и брат которой сражались на фронте, встала за штурвал комбайна, на котором раньше работал брат, и в первую же страду убрала урожай с 460 гектаров зерновых, а в 1942 году обмолотила колосовые с площади в 600 гектаров. В войну она стала членом партии, бригадиром, орденосцем. Ее имя занесено в памятный биографический сборник “Урал ковал победу”.

В Катайском районе доблестной труженицей показала себя дочь генерала Иосифа Ослоповского Таисья Иосифовна Разноглядова. Она ежедневно выполняла на комбайне по полторы-две нормы. Однажды произошел несчастный случай: комбайн загорелся. Женщины потушили пожар, а Таисья Иосифовна, хотя и получила сильнейшие ожоги, продолжала работать.

Анна Афанасьевна Грехова в 1941 году села за руль автомашины полуторки и шоферила не хуже мужчин. Зимой 1942 года она поехала в город Челябинск за запчастями для ремонта техники. Попала в сильнейшую метель. Голодная, холодная она трое суток пробивалась из снежного плена, но запчасти в МТС доставила.

Военное лихолетье Стешу Калинину, работавшую после войны на Курганском элеваторе, застало в родной деревне. В своих воспоминаниях она рассказывает: “Окончила я пять классов и работала в колхозе. С девчонками пололи поля, чистили скотные и конные дворы, вывозили на поля навоз, сваливали его с неподатливых телег и саней. В 1941 году комсомольской бригадой, наравне со взрослыми, жали серпами рожь, вязали и возили снопы. Пожилые деды складывали их в скирды. Зимой снопы обмолачивали на сложной молотилке. Потом нашу бригаду направили на снегозадержание. Парни на лошадях со снегопахами, мы, девчонки, с лопатами делали снежные валы. Весна настала – снова на поля, навоз разбрасывать.

В 1942 году нас из колхоза направили в железнодорожное депо разгружать из вагонов уголь. Возили на тачках к бункеру, из которого он засыпался в тендер паровоза. Работали круглосуточно по 4 человека в смену. Ночью мороз под 40 градусов. Есть хочется, слезы на глазах, а шли и работали. Знали, что так нужно,

что это необходимо для победы на фронте. Весной боронили пашню на коровах. Осенью, после уборки урожая с полей, нас направили в лес заготавливать дрова для колхозных ферм, конторы, детских яслей и клуба. Заготовили около 70 кубометров. Пилили, таскали и складывали дрова в штабеля. Одна беда, пилы точить не умели. Эту работу делала пожилая женщина, которую выделили нам, комсомолкам, в помощь”.

В условиях военного времени особенно сложной была работа городских и сельских органов партийной и государственной власти. Нужно было не растеряться, суметь обеспечить выполнение множества задач в условиях острой нехватки рабочих рук, техники, средств транспорта и связи. При работе над книгой “Солдаты победы” Мокроусовского района я, прочитав воспоминания ветерана Михаила Щелудкова о начале войны, был просто поражен его рассказом, приведу частицу дословно: “День был по-летнему теплым. Солнце весело блистало в небе и бодрило работающий люд. Ну а мы, мальчишки, беззаботно гоняли на лугу выструганный из корневища молодой березы шарик, то и дело ударяя по его полированным бокам увесистыми битами. От мальчишеских игр нас неожиданно отвлек стрекот железной птицы. Над нашими вихрастыми головами летел двухместный самолет – ”кукурузник”, невиданный в Шатровских глубинных краях. Разинув рты и впялив глаза в небесную даль, мы ловили каждый миг его полета. Вдруг от самолета отделился какой-то темный предмет, потом полыхнул купол парашюта. И вот на землю опустился человек. Сноровисто собрав парашютный шелк в чехол, он устремился к нам. “Здорово, пацаны! А где у вас расположена контора?” – Мы дружно показали и столь же дружно подались за незнакомцем. Побросав все дела, взрослые тоже ринулись к конторе. Здесь уполномоченный из района и поведал нам, жителям деревушки Мостовка-2, о начинающейся трагедии: “В 4 часа утра по московскому времени фашистская Германия напала на Советский Союз...”. В деревне нашей тогда ни телефона, ни радио не существовало”.

*Щелудков
Михаил Григорьевич*

Правда жизни тех дней ярко запечатлена Ниной Ивановной Красногорцевой в ее воспоминаниях “О времени, товарищах и о себе”: “Время безжалостно отсчитывает дни, недели, месяцы и годы. И вот я уже давно числюсь в пенсионерах. За плечами осталась беспокойная, трудная и увлекательная жизнь. Люди говорят о пройденной моими сверстниками житейской дороге по-разному, кто с пониманием и уважением, а кто не только доброго слова не скажет, а старается многое принизить, оболгать, как в старину говаривали: красные ворота дегтем измазать.

Захотелось с высоты прожитых лет взглянуть на пройденную жизненную доро-

гу. И не только мою, но и моих сверстников товарищей по работе, подумать о сделанном и пережитом, о радостях и горестях наших. Волнуюсь, удастся ли?

Особенно памятным для меня, да и большинства советских людей, стал грозный и горький 1941-й год. Война обрушилась на людей моего поколения жестоко. И хотя был разгар лета, и белые облака плыли по голубому небу, и лес возле моей родной деревеньки Кулаш был зеленым и полным ягод, а радость жизни в ней будто погасла или затерялась где.

Уезжали на войну парни и мужчины. Те, что были помоложе, заверяли: “Ждите. Скоро вернемся с победой!” Страна ведь в те годы прямо на глазах хорошела, набирала сил. И нам, молодым, казалось, что мы все сможем, везде победим. Мужчины постарше лишку не говорили. С тоской целовали на прощание жен и детей, садились на колхозные подводы и уезжали в районный военкомат. Уверенности вскорости вернуться домой, наверное, у многих из них не было, хотя и панических настроений я не припомню.

С войной оборвалось мое детство и детство моих подруг и товарищей. Мне шел тогда шестнадцатый год. Вчерашняя школьница, неопытная, маленького роста, я взялась заведовать сельской избой-читальней, успокаивать и просвещать людей, “ушибленных войной”, добрым словом вдохновлять их не падать духом, вместе с ними душой и сердцем, сообщая, своими руками буквально по песчинкам добывать нашу общую победу над ненавистным врагом.

Осень 1941 года выдалась дождливая, тоскливая. Уборка шла трудно. Каждый собранный килограмм хлеба был на счету. Куда ни глянешь – везде работали женщины да ребяташки. На то, что тяжело было целыми днями из грязи картошку копать или хлеб серпами жать, не сетовали. Людей давила неизвестность: что там, на войне, происходит. В деревне нашей радио не было. Газет люди почти не выписывали. Да и доставлялись они к нам в деревню нерегулярно.

В районе быстро поняли и оценили эту беду. Стали каждое утро передавать по телефону в сельский Совет сообщения Совинформбюро. Чуть свет бежала я к телефону и записывала все, что передавали. От руки, быстренько перепишу на нескольких листах полученные вести, у магазина свою “газету” приклею, у сельсовета вывешу. На ферму бегу, в бригаду, рассказываю. А в дни, когда почта газеты привезет, – с ними иду к людям, читаю. После работы, не заходя домой, многие женщины забегали ко мне узнать новости. Радовались вместе, если добрые вести к кому пришли, горевали – тоже сообщая. Доверием, вниманием друг к другу и жили, и добрые дела делали.

А война продолжалась. Стали приходиться похоронные извещения. Тревожили и терзали душу и сердце сухие строки: “Ваш сын в боях с немецко-фашистскими захватчиками героически погиб, защищая Родину...”. Сколько надо было иметь выдержки, душевного равновесия и человечности, чтобы идти с таким извещением в

*Красногорцева
Нина Ивановна*

семью, к матери или жене... Это трудно описать, и никому не пожелаю на себе почувствовать. Но мы с комсомольцами шли и с таким горем к людям. Говорили, горевали, бывало, и плакали. Потом окружали семьи погибших теплом и вниманием, насколько было тогда возможно.

Но жизнь продолжалась. Начали приезжать в деревни эвакуированные семьи, дети. Только наш советский человек мог так душевно, от чистого сердца одарить своим теплом пострадавших, делить свой очень скудный достаток с ближним и дальним, попавшим в беду человеком. Я с трепетом и сейчас вспоминаю, как на активе в те нелегкие годы зачитали Почетную грамоту Каргапольскому исполкому районного Совета, его председателю Петру Афанасьевичу Грязных за помощь в спасении ленинградских детей. В то грозное время их приютили в семьях и детских домах нашего района. Грамота пришла сразу же после прорыва фашистской блокады от Ленинградского горкома ВКП(б) и горисполкома. Тепло от нее стало на сердце, в сознании. Это было как дорогой подарок всем нам, каргапольцам, за наши труды и заботы. Для людей ведь старались!

Вспоминаю я своих сверстниц, девчонок военной поры, – строгих, озабоченных, деловых, в военных гимнастерках и стеганых фуфайках, но не утративших душевности, сердечности и доброты. До всего нам было тогда дело, за все мы брались и за все были в ответе. На фермах и в поле, на наших комсомольских “пряхах”, где мы, молодые активистки, вязали для фронтовиков варежки и носки, шили кисеты, рассказывали о делах на фронте, о передовиках-стахановцах производства, звали людей на преодоление трудностей. И люди отзывались, собирались с силами, следовали доброму примеру. Нашему опыту работы с людьми летом 1942 года посвятила передовую статью газета “Красный Курган”. И, честное слово, мы радовались. Для нас эта оценка была, как праздник.

Передо мной лежит выдавшая виды Почетная грамота военных лет. В ней говорится, что секретарь комсомольской организации колхоза “Память Пушкина” Нина Красногорцева награждается за умелое руководство работой комсомольцев и молодежи на весеннем севе. А “руководство” это складывалось и из того, что мы вместе с коровами нередко впрягались в бороны, вечерами после основной работы, вручную подсевали на решетках семена, сеяли хлеб на полях вручную. И успевали еще изучать основы агрономии, зоотехнии, познавать передовой опыт.

В те далекие военные годы начались мои первые публичные выступления с докладами. Ночи не спала, готовилась, за нужной литературой ходила и ездила в райцентр. Началось незаметное приобщение к большой политической жизни, к делу, с которым и сегодня не расстаюсь.

В 1943 году меня избрали председателем сельсовета, хотя мне тогда не исполнилось и 18 лет. Но мне верили мои земляки. И я дорожила этим. И сейчас вспоминаю то время с гордостью и сердечной теплотой. Верили потому, что в тех нелегких делах и ситуациях старалась действовать по велению совести, правды и справедливости.

Тяжелыми были новые заботы. За хозяйственные дела в колхозе – спрос с председателя Совета, за выполнение поставок молока, мяса, других продуктов из личных хозяйств селян – спрос с председателя Совета. Подписка на заем денег для нужд обороны – опять спрос с меня. А я бегу к женщинам моим и на работу, и

домой, советуюсь, прошу, убеждаю. И люди понимали, помогали, выполняли просьбы.

Много раз меня хвалили за работу на совещаниях. Председатель райисполкома Петр Афанасьевич Грязных как-то похвалил. Встаньте, говорит, Нина Ивановна, покажитесь народу. Я поднялась, глазами повела, вокруг сидят люди в годах, серьезные, а я, как пичужка”.

КОГДА РВАЛИСЬ ФАШИСТЫ К СТАЛИНГРАДУ

В конце лета 1942 года всю страну тревожила сложившаяся обстановка на подступах к Сталинграду. Гитлеровские полчища рвались к берегам Волги. Армия и тыл жили едиными тревогами и заботами – отстоять Сталинград. Многие комсомольско-молодежные бригады предприятий Кургана, Шадринска, Катайска, Петухово, Шумихи, сельских районов объявили себя фронтовыми бригадами. Не менее двух норм в смену – стало их обязательством. Лозунги: **“Помни – Линия фронта проходит у твоего станка! Только вперед! Все силы для победы!”**, **“Твоя ударная работа громит гитлеровцев у стен Сталинграда!”**. Они не призывали – обязывали. Сухие сводки Совинфробюро сами были мощными агитаторами и организаторами людей, заставляли мобилизовать в себе все силы и крепость духа, работать и работать, несмотря ни на что.

В это время на заводе “Уралсельмаш” одну из фронтовых бригад возглавила комсомолка Соня Половина, семья которой была расстреляна гитлеровцами на Белорусской земле. Она вначале добилась, чтобы комсомольцы бригады освоили работу каждый на двух станках. А затем предложила не выключать станки без необходимости по работе, обедать поочередно, подменяя у станков друг друга.

Технолог этого же завода, талантливый рационализатор Иосиф Левковский, разработал и внедрил в производство технологический процесс по отливке корпусов безобработочных мин, доведя их число в опоке с двух до девяти. Производительность труда выросла в четыре раза.

В это время тракторист комсомолец Анфилофий Дубровин из Мокроусовского района разработал приспособление по экономии горючего, его бригада десятки гектаров пашни вспахивала на сэкономленном топливе.

Победа в войне зависела не только от ратных дел на фронте, но и в не меньшей степени от прочности тыла, самоотверженной работы рабочих и колхозников, всего населения. **“В крепкой спайке фронта и тыла – неборимая сила”**, – родились поговорка в те грозные дни.

Комсомольцы Каргопольского района, выступившие вместе с комсомольцами и молодежью Челябинского абразивного завода с инициативой по сбору средств на строительство танковой колонны имени Челябинского комсомола усилили сбор средств, проводили воскресники, мобилизовали школьников на работы по уборке картофеля, чтобы заработанные деньги использовать на эти цели. Почин широко распространился на земле Зауралья.

Вот строки из отчета Куртамышского райкома от 23 января 1942 года: “Во всех

селах, деревнях и учреждениях района широко развернут сбор средств на постройку танковой колонны имени Челябинского комсомола.

Молодежь, большинство населения, отчисляло на создание танковой колонны свой однодневный и двухдневный заработок, организуют воскресники. Комсомольская организация колхоза “Уральский рабочий” внесла 1595 рублей, в Закомалдинском сельсовете собрали 870 рублей, комсомольцы Куртамышской РКШ – 740 рублей, комсомольцы колхоза “Гигант” – 430 рублей, рабочие и служащие Красноярской МТС -670 рублей и так далее.

В сборе средств на танковую колонну участвуют пионеры и школьники. Ученики Куртамышской НСШ собрали 500 рублей, ученики второго класса Куртамышской школы внесли 140 рублей.

Колхозники колхоза имени Красина в выходной день вышли на воскресник под лозунгом “Все для фронта!” и заработанные 276 рублей внесли на танковую колонну.

В результате проведенной массово-политической и разъяснительной работы задание на строительство танковой колонны имени Челябинского комсомола перевыполнено в четыре раза. Всего собрано к 20 января 1942 года 101081 рубль. Секретарь райкома Василий Куликов”. *(ГАОПДКО, ф. 92, оп. 2, д. 354, л. 41)*

А вот строки из отчета Щучанского райкома ВЛКСМ от 2 августа 1942 года:

“...Комсомольцы нашего района собрали на танковую колонну имени Челябинского комсомола – 71668 рублей. Хорошо провели разъяснительную работу и активно участвовали в проведении этого мероприятия комсомольские организации Каясановского совхоза – 2842 рубля, колхозов “Челябинский рабочий” – 1188 рублей, “Энергия труда” – 750 рублей, “Новая деревня” – 1567 рублей, Каясановской неполной средней школы – 1206 рублей и другие.

Активное участие принимали комсомольцы в сборе средств на постройку эскадрильи истребителей. Всего на эскадрилью истребителей собрано 105721 рубль.

Учащиеся наших школ собрали на постройку танковой колонны “Таня” в честь героини Зои Космодемьянской 5286 рублей.

Учителями района собрано на постройку танковой колонны “Народный учитель” 5320 рублей.

На обмундирование казачьей кавалерийской дивизии по инициативе комсомольцев собрано 3100 рублей.

На постройку танковой колонны “Годовщина войны” по инициативе агитколлектива Белоярского сельсовета, большинство которого составляют комсомольцы, собрано 11375 рублей.

Комсомольцы организовали теплые встречи детям эвакуированных детских домов и интернатов. Сами готовили для них помещения, собрали более 700 штук посуды, 23 подушки, 29 платьев, 12 полотенец, 66 пар чулок и носок, 55 шапок, 32 метра мануфактуры, 2400 рублей деньгами.

Кроме того собрали продуктов: картофеля – 235 центнеров, мяса – 254 килограмма, молока – 594 литра, яиц – 160 штук, меда – 8 килограммов и так далее. Секретарь райкома комсомола М. Ваганова”. *(ГАОПДКО, ф. 126, оп. 2, д. 44, л. 16)*

ТАК ТАНКОГРАД РОДИЛСЯ И МУЖАЛ

В короткий срок было собрано 12 миллионов рублей. Эти деньги были срочно перечислены на счет Челябинского тракторного завода, куда в это время была эвакуирована часть станков, оборудования и специалистов из Харькова, а в октябре 1941 года из Ленинграда эвакуирован танкостроительный Кировский завод с частью инженерного состава и рабочих. ЧТЗ переживал в это время крупнейшую и сложнейшую реконструкцию производства, выпускал танки, здесь же в научных и технических бюро, лабораториях под руководством талантливейших конструкторов Жозефа Яковлевича Котина и Николая Леонидовича Духовенко и ночью не останавливалась, не затухала ни на минуту, живо пульсировала творческая мысль, велись расчеты, шли испытания новых боевых машин. Здесь же, в Челябинске, с начала войны находился и действовал наркомат танковой промышленности во главе с наркомом Вячеславом Александровичем Малышевым. Перевод из столицы сюда наркомата был сделан для того, чтобы постоянно ощущать пульс работы танкостроительных заводов Урала, своевременно реагировать на каждое замедление или рождение новых замыслов и открытий ученых и практиков, вплоть до рацпредложений инженеров и рядовых рабочих по увеличению производительности труда и качества боевых машин. Думаю, можно и сегодня ощутить ту напряженность, тот духовный и творческий порыв и потенциал людей, если представить, что за четыре года войны здесь было создано 13 модификаций танков, налажен их массовый выпуск. Все они по техническим характеристикам и боевым качествам превосходили немецкую боевую технику равного класса. А танк

В сборочном цехе Танкограда

Сталевары Танкограда

T-34 был признан всеми военными специалистами мира как лучший танк Второй мировой войны. Военный журнал ФРГ “Солдат и техника”, посвященный полностью 40-летию появления танка T-34, писал: “Стальная лавина этих танков и сломала хребет германскому вермахту...”.

Обстановка на оборонных предприятиях Танкограда (так величали Челябинск в годы войны) была доведена до высочайшего напряжения. Здесь все плавилось и кипело. По накалу борьбы за увеличение выпуска и повышение качества боевой техники труд металлургов и танкостроителей не уступал фронтовому. Вот как вспоминает бывший танкист-фронтовик, а позднее известный писатель Даниил Гранин: *“Нас послали в Челябинск получать новые танки. Я приехал из армии заносчивый своим званием фронтовика-гвардейца. И встретил там своих земляков-кировцев. Они делали нам танки и вкалывали, как одержимые, я не представлял себе, как можно так работать. Перед их героизмом наши фронтовые заслуги выглядели более чем скромно”*.

В танках, что получали фронтовик Даниил Гранин и его боевые друзья, была вложена частица сердечного горенья и ударного труда наших зауральских людей. Передо мной протокол №158 бюро Челябинского обкома партии от 8 ноября 1941 года.

О рабочей силе Кировскому заводу

Для организации производства танковых моторов на Кировском заводе бюро обкома ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) в пятидневный срок откомандировать в распоряжение Кировского завода на постоянную работу 129 рабочих следующих профессий:

а) из города Кургана 21 токаря, 4 фрезеровщика, 4 сверловщика, 6 слесарей и 4 электрика;

б) из города Шадринска 3 токаря, 8 слесарей, фрезеровщика и электрика.

2. Учитывая напряженное положение на Кировском заводе с жилой площадью, обязать секретарей горкомов ВКП(б): Курганского – товарища Бояршинова, Шадринского – товарища Оринского оставить временно на месте членов семей командированных рабочих.

3. Обязать директора Кировского завода товарища Зальцмана подготовить для командированных рабочих жилищно-бытовые условия. Одновременно организовать правильное использование этих рабочих на производстве.

Кроме этих специалистов в Танкоград из наших городов и сел были направлены многие сотни разнорабочих трудармейцев. (ГАЧО, ф.228, Особая папка, л. 216).

А теперь представьте, что танки на собранные комсомольцами деньги были построены еще и в сверхурочное время. 23 мая 1942 года комсомольский заказ танкостроителями Челябинска был выполнен, хотя молодые патриоты Зауралья заработали и собрали пожертвований еще 7 миллионов рублей.

Заказ комсомольцев Челябинской области за № 3001 на постройку 29-ти тяжелых танков “КВ” был не только выполнен полностью, но и укомплектован запасными частями и инструментом для походных мастерских, обеспечивающих танковую колонну. Комсомольская организация области подготовила экипажи для всех боевых машин танковой бригады из 125 лучших комсомольцев, экипировала их полностью оружием, боезапасом, обмундированием и продовольствием. Проводя ее на фронт, комсомольцы вручили знамя областного комитета ВЛКСМ и комсомольский Наказ. Приказом Наркома обороны от 27 мая 1942 года ей было дано наименование 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола. Бригада участвовала в Сталинградской битве, в освобождении Белгорода и Харькова. Освобождала Венгрию и Болгарию. Свой боевой путь завершила в Софии.

В составе танковой бригады имени Челябинского комсомола громили врага многие наши земляки. Слава о их боевых делах вызывала большой интерес Курганской молодежи. Велась переписка с бойцами бригады в дни войны, а к 30-летию Победы в Курганском технологическом колледже был открыт музей 96-й танковой бригады. В нем собрано более тысячи экспонатов. Одним из шефов музея был политрук одной из танковых рот бригады Николай Константинович Жиров.

Сбор пожертвований и формирование комсомольской танковой бригады положило начало массовому движению народной помощи Красной Армии. Еще продолжался сбор средств на танковую колонну имени Челябинского комсомола, хотя танкисты этой бригады уже вели бои с врагом, а уже появилась новая инициатива по сбору средств и созданию танковой колонны “Челябинские колхозники”.

В 2002-м году я побывал на Челябинском тракторном заводе, посетил музей, где развернута экспозиция военных лет Танкограда. В ней показаны документы, что движение по сбору средств было поистине всенародным. Инициативу наших земляков подхватили в Казахстане и на их средства была построена колонна танков имени комсомола Казахстана, затем ушли на фронт танковые колонны “Советский Киргизстан”, “Куйбышевские колхозники”, “Советские танкостроители”, “25 лет ВЛКСМ”, “Ленинград”, “Советский полярник”, “Победа”. И это только с одного танкостроительного завода! Замечательно и то, что в память о формировании ряда танковых колонн заводом были выпущены памятные знаки. Думаю, читателям да и всем людям, кому дорога история родного края и Отечества, будет интересно познакомиться с некоторыми из них:

Знак “Танкоград 1941 год”.

Посвящен выпуску танка КВ-2 (Клим Ворошилов-2). КВ-1 был спроектирован и выпущен на Ленинградском Кировском заводе, который был эвакуирован на ЧТЗ. Приказ Государственного Комитета Обороны от 6.10.1941 года “О выпуске танков КВ-1”.

Знак “Танкоград 1942 год”.

Почвящен выпуску танка КВ-1С (Клим Ворошилов, скоростной).

Знак “Танкоград 1943 год”.

Посвящен выпуску танка Т-34-85. Основная модель разработана не на ЧТЗ. С 4.7.1942 года Государственный Комитет Обороны поручил ЧТЗ выпуск танков Т-34. После Сталинградской битвы Сталинградский танковый завод был эвакуирован на Урал: ЧТЗ, Уралмаш, Нижний Тагил.

Знак “Танкоград 1944 год”.

Посвящен выпуску ИСУ-152 (Иосиф Сталин – самоходная установка калибром 152 мм). Самоходка “Зверобой”. Испытана в первых боях на Курской Дуге в 1943 году.

Знак “Танкоград 1945 год”.

Посвящен выпуску танка ИС-3 – дедушки всех современных танков.

Памятный знак “Танкоград”.

Выпущен в честь награждения завода орденом Красной Звезды и орденом Кутузова I степени. Отдельно опытный завод и конструкторское бюро по моторам награждены орденом Ленина.

Знаки танковых колон

Знак “Танкоград 1942 год”.

Посвящен выпуску танковой колонны “Челябинский комсомолец” из танков KV-1.

Знак “Танкоград 1942 год”.

Посвящен выпуску танковой колонны “Челябинский колхозник” из танков КВ-1С.

Знак “Танкоград 1943 год”.

Посвящен выпуску танковой колонны “Ленинград” из танков КВ-85 (на заводе половина рабочих были ленинградцы).

Знак “Танкоград ноябрь 1944 год”.

Посвящен выпуску танковой колонны “Победа” из танков ИС-2М.

Знак “Танкоград 1944 год”.

Посвящен выпуску танковой колонны “Советский полярник”.

За годы войны Танкоград выпустил 13 типов танков и самоходок, 6 типов танковых двигателей, 18 тысяч танков, 48,5 тысяч танковых двигателей.

НАРОД ВРАГУ ДОРОГУ ЗАСТУПИЛ

Фронт и тыл были едины в борьбе за Победу. Тысячи и тысячи наших земляков стояли насмерть в боях за твердыню на Волге. Многие документы и рассказы очевидцев свидетельствуют об этом. Сегодня некоторые политики, новоявленные “историки” и угодники-борзописцы пытаются людской порыв, проявившийся у миллионов людей в деле защиты Отечества, расценить рабским исполнением приказов свыше, исполнением из-под палки и страха перед тоталитарным режимом. Все это потуги приспособленцев и перевертышей навести тень на ясный день. А тень эта не нужна: ни вчера, ни сегодня, тем более – завтра. Это ложь и предательство дела отцов. А ларчик открывается просто: люди умом и сердцем, всем нутром своим понимали в те тяжелейшие дни и годы, что идет битва с врагом не на жизнь, а на смерть, в битве ради спасения жизни – надо было победить смерть! И они напрягались, подымались и распрямлялись во весь рост и воевали с врагами от мала до велика. Девизом сердца, а не политическим лозунгом было осознание: “Все для фронта, все для Победы”, “Урал – опорный край державы”, “Урал – Победы арсенал”.

В своих воспоминаниях о той поре ныне широко известный в области знатный хлебороб Василий Михайлович Иванов в книге “Хлеб ангелов” пишет, как в голодном 1943-ем, весной, учительница собрала их, второклашек, и словно утят стайкой, повела собирать оброненные при уборке хлеба осенью колоски, перезимовавшие под снегом. Ходили в поле много раз школьники. Колоски в мешках приносили в школу, сушили на русской печке, шелушили в ладошках, отвеивали на ветру и чистые зерна с помощью учительницы ссыпали в мешки и отправляли на элеватор, для бойцов на фронте. И верили всем сердцем, что ими собранный хлеб приблизит Победу, что у этих зерен такая могучая сила, что она пробьет и расплавит любую броню. Фашистам от нее несдобровать. “Колосьев пучки – фашистов в клочки”, – говорили тогда люди.

Василий Михайлович признается, что, отправив хлеб на элеватор, он голодный, долго не мог заснуть и был счастлив, что собранные им зерна, как пули, страшны захватчикам. “Мы, пацаны, чувствовали себя защитниками Отечества. Чувство это светлое, чистое живет в нас и сегодня”.

И будто биение сердца мальчишки Васи Иванова, а позднее агронома, мастера – землелашца и хлебороба из деревни Кузенки Лебяжьевского района ощутил автор книги “**Хлеб имя существительное**” Михаил Алексеев, написав: “*Мне лично кажется, что о хлебе надо говорить во всю силу легких, в полный, что называется, голос и производство зерна приравнять по значимости к производству высококачественной стали*”.

Вспомните, Терентий Семенович Мальцев, наш земляк и первейший хлебороб России не для красного словца, а, по сути, говорил, что хлеб всему голова, что без

ломтя хлеба насущного ни один винтик не завернется, ни один станок не заработает.

А теперь вдумайтесь, что, производя хлеб насущный для фронта и для Победы, отрывая от себя и своих детей последние крохи, колхозники Челябинской области, в состав которой входила в первые полтора года войны территория и нашей Курганской, в лице тружеников Шадринского и Еткульского районов обратились с воззванием собрать деньги еще и на танковую колонну “Челябинские колхозники”. Сбор средств торопили и вести со Сталинградского фронта, где натиск танковых армий германского вермахта с трудом сдерживали советские воинские части. За месяц колхозниками области было собрано около 90 миллионов рублей.

В семье Жевлаковых Ефима Капитоновича и его жены Марии из Белозерского района на втором году войны погибли оба сына Николай и Михаил. Родители, мстя фашистским громилам за смерть сыновей, за свои слезы и горе, внесли сто тысяч рублей в фонд обороны. Эта весть облетела Белозерский район, всю округу. Вскоре супруги Жевлаковы получили благодарственную телеграмму от Комитета Обороны страны за свой патриотический поступок.

Кузьма Варфоломеевич Шелепов, колхозник из Мокроусовского района, внес все свои денежные сбережения на постройку боевого самолета, когда узнал, что его сын Полиэкт погиб на фронте. Самолет, построенный на деньги Кузьмы Варфоломеевича, защищал небо над Ленинградом.

Сто тысяч рублей внес на постройку танковой колонны “Челябинские колхозники” тракторист Борис Иванович Меншиков из Белозерского района и получил разрешение от Верховного главнокомандования отправиться в составе этой колонны на фронт, достойно дрался с врагом и геройски погиб в одном из боев.

Беспримерный подвиг совершила Мария Васильевна Октябрьская. В одном из жестоких боев погиб ее муж полковник Октябрьский. Верная жена продала все, что имела, а вырученные деньги передала на танк. Челябинские танкостроители изготовили на эти деньги боевую машину. Мария Васильевна написала письмо Верховному Главнокомандующему Советскими Вооруженными Силами с просьбой разрешить ей стать членом боевого экипажа танка. Ответ пришел незамедлительно:

“Уважаемая Мария Васильевна!

1. С большой благодарностью я одобряю Ваш высокий патриотический почин. Ему последуют многие сотни и тысячи женщин.

2. Ваши просьбы уже удовлетворены: Вы зачислены в состав танковой части Красной Армии. На Ваши деньги будет построен танк Т-34 и передан Вам. Членов экипажа подберите по своему усмотрению.

3. В соответствии с Вашей просьбой танку Т-34 будет присвоено название “Боевая подруга”.

С уважением И. Сталин

Отважная женщина участвовала во многих боях. За мужество и стойкость в борьбе с врагом была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. В одном из боев была смертельно ранена. Марии Васильевне Октябрьской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Сборы средств на строительство танков возросли с созданием в Челябинске

мощнейшего танкостроительного предприятия, а также в городе и вблизи его ряда танковых училищ и школ, учебных и запасных танковых полков. Зауральские хлебоборобные просторы с многими тысячами отличных трактористов в мирное время, теперь становились кузницей по быстрой подготовке водителей стальных боевых машин. Эти люди не просто хотели попасть на фронт, а именно попасть танкистами, чтобы под прикрытием надежной уральской брони громить врага. Тем более, что одно за другим сообщения с фронтов второй половины лета и осени 1942 года говорили о мощном напоре бронированных фашистских армий на Сталинград.

И это было действительно так. Вермахт на 22 июля 1942 года имел на Сталинградском фронте 250 тысяч солдат и офицеров против 187 тысяч советских бойцов, перевес в танках в два раза, в самолетах – в три с половиной. 23 июля войска 6-й немецкой армии под командованием Фридриха фон Паулюса начали наступление с задачей захватить Сталинград, Астрахань, стать твердо на берегах Волги.

26 июля танковые и моторизованные силы немцев мощными танковыми ударами прорвали оборону 62-й армии и вышли в район Каменского. Советское командование, чтобы спасти положение, бросило в контратаку еще не закончившие формирование части 1-й и 4-й танковых армий и две стрелковые дивизии. Они понесли огромные потери, задержали на время, но не смогли остановить врага. В четвертой танковой армии целыми вышли из этих смертельных схваток с фашистами лишь четыре боевых машины, что позволило бойцам потом горько шутить, называя свою четвертую танковую армию – четырехтанковая.

НИ ШАГУ НАЗАД

28 июля за подписью Сталина вышел приказ № 227, известный теперь как приказ – **“Ни шагу назад!”** Это был жестокий документ, гласивший: *“...После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории..., людей, хлеба, металла, заводов... Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла. У нас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит погубить себя и загубить нашу Родину... Пора кончать отступление. Ни шагу назад! Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого... должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования... Безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций...”*

Приказом предусматривалось создание заградительных отрядов с особыми полномочиями, которым вменялось в обязанность открывать огонь по отступающим без приказа нашим частям, подразделениям и бойцам. Формировать из отступавших штрафные батальоны и роты, ставить их на самые трудные участки фронта, чтобы дать возможность искупить кровью свою вину перед Родиной.

Умрем – но не отступим. Фотохроника ТАСС

Этот Приказ не был бумажкой и пустым звуком. За ним последовали немедленные действия. Сталин умел подкреплять слова делом. А это было исключительно важно в сложившейся обстановке.

Тяжелые бои развернулись на позициях 64-й и 1-й танковой армии, но и здесь немцам не удалось с ходу прорваться в Сталинград. Паулюс запросил подкреплений. И четвертая танковая армия генерал-полковника Гота была переброшена сюда с Кавказского направления. Она первого августа нанесла удар с Юго-Западного направления по Сталинградскому фронту, а к пятому августа вышла в район Абганерово – Плодовитое, но здесь была остановлена бойцами 64-й армии генерала Михаила Степановича Шумилова, нашего земляка-катайца. Свой штаб командарм 64-й развернул в хуторке Ильмень-Черский, чтобы сбить с его следов немецких летчиков, безнаказанно действовавших в междуречье Волги и Дона. С момента вступления в должность Михаилу Степановичу ни разу не удалось выспаться по-человечески. Срочные дела и проблемы навалились тяжелыми глыбами, не давая покоя. Не успеет решить одну, как обрушиваются другие – и все важные, срочные, неотложные, от которых зависит не только его судьба, а тысячи жизней подчиненных, судьба Сталинграда.

Особенно осложнилась обстановка, когда четвертая танковая армия Гота форсировала Дон в районе Цимлянской и устремилась вдоль железной дороги Тихорецк-Сталинград. Командарм Шумилов, склонившись над картой, смотрел на клинья синих стрел, обозначающих передвижения немцев, а мысленно видел, как безжалостно мнут степной ковыль и столбами поднимают пыль железные дивизии Гота. Сто двадцать тысяч отборных вояк, остановить которых у него не было сил и средств. Оставалось одно – глубже зарываться в землю, использовать с толком каждый снаряд и патрон, держаться любой ценой до последнего вздоха. Жесткие параграфы приказа “Ни шагу назад” требовали от каждого командира и бойца самопожертвования.

Командование фронтом бросило навстречу танкам Гота единственную, оказавшуюся у него в резерве 208 стрелковую дивизию полковника Воскобойникова. Но она опоздала с выходом на заданные рубежи. Когда батальоны дивизии высаживались из вагонов на станции Котельниково, их с ходу атаковали немецкие танки и автоматчики. Натиску сорока фашистских танков и до тысячи бойцов мотопехоты наши подразделения смогли противопоставить лишь несколько пушек “сорокапятки”, да десятка два пэтээровцев. Не успевшие окопаться, разрозненные и потрепанные немцами части 208 стрелковой дивизии начали спешно отходить на север, в район Челеково. Их расстреливали не только немецкие танки на земле, но буквально “косили” из пулеметов с воздуха гитлеровские летчики.

Немногим, даже самым сильным и выносливым, удалось пробежать более тридцати километров и достичь Челеково. Но и павшие бы не позавидовали тем, кто сюда добрался. Здесь отступивших встретили заградотрядовцы, неумолимые “к трусам”.

– Стой! Куда разбежался? Где твое оружие?

– Эй, сержант, веди сюда свое отделение! – Ваши документы, капитан!

Еще не успевших отдышаться “отступленцев” строили в колонну, давали лопаты и под конвоем отправляли рыть окопы. По составленным спискам особыты в

это время формировали из них штрафные роты и батальоны, которые кровью должны были смыть свой позор. Сталинский приказ № 227 уже выполнялся неукоснительно.

9 августа немцы оттеснили войска 62-й армии на левый берег Дона. Четыре ее дивизии попали в окружение и отчаянно сражались там больше недели, уцелевшая ее часть в середине августа прорвалась к своим. Подошедшие на помощь бойцы первой гвардейской армии нанесли сильный контрудар по гитлеровцам и остановили их. В результате тяжелых боев, продолжавшихся почти месяц, план Гитлера по захвату Сталинграда с ходу был сорван.

Немцам все время казалось, что советская оборона вот-вот рассыплется, ее лишь спасают “откуда-то” случайно появившиеся части. Это вызывало у гитлеровцев надежды на скорый перелом и победу, и напор их возрастал. Жутким для сталинградцев и защитников города был день 23 августа. Голубое небо над городом заполнили сотни летящих на разных высотах фашистских самолетов. От рева их моторов, казалось, сотрясалась земля. Косяки самолетов шли с разных направлений. Это был “звездный налет”. Люди, кто успевал это сделать, с ужасом забивались в подвалы, окопы и щели, отрытые в земле. По Директиве гитлеровского командования ОКВ №41 Сталинград должен был прекратить существование как промышленный центр, узел железнодорожных и водных коммуникаций, как административный и культурный центр.

Уже первые удары немецких бомбардировщиков нарушили городское водоснабжение. На людей с неба сыпались не только фугасные и зажигательные бом-

Поединок. Фотохроника ТАСС

бы врага, но и осколки от тысяч наших зенитных снарядов, которые поражали незащищенных людей не меньше пулеметных очередей немецких летчиков. Пылало все, что могло гореть: дома, заборы, трамваи, пароходы, груженные ранеными, военным снаряжением, горели вагоны и склады, нефть, разлившаяся по Волге. Огонь ревел и бушевал, выжигая кислород из воздуха. Люди гибли от металла, огня и удушья. Дым и пепел взметнулись над городом в высоту на несколько километров. Никто и никогда не назовет истинную цифру погибших в тот день в Сталинграде, хотя некоторые историки очень относительно называют, что погибло около сорока тысяч человек. Во второй половине дня замолчала святая святых связь – с Москвой по ВЧ, которую, как зеницу ока, оберегали сотрудники КГБ. Прекратились переговоры и советы со Ставкой. Даже выдавшим виды высоким военным чинам стало от этого жутковато. И чего греха таить, смысл части приказов, отданных тогда, трудно сегодня понять и оценить.

А над городом бушевал огненный смерч. Отбоя воздушной тревоги сталинградцы так и не дождались. Некому и не из чего было ее передать. Да и надо ли было это делать – начались ежедневные массовые налеты фашистской авиации на город, немцы производили от 500 до 1200 самолетовылетов в сутки. Фашистские летчики хвастали, что превратили Сталинград в филиал ада на земле. Наверное, это так и было.

Обеспечив четырехкратный перевес в танках, двухкратный – в самолетах и такой же – в артиллерии, гитлеровцы 24 августа мощными ударами 6-й армии Паулюса и 4-й танковой Гота прорвали фронт, а четырнадцатый танковый корпус немцев, рассекая наши части, вышел к Волге в районе Лотошкино – Рынок. 62-я армия Чуйкова оказалась отрезанной от основных частей фронта. Так началось второе наступление на Сталинград.

Учитывая исключительно сложное положение, в конце августа Сталин вызвал с Западного фронта Жукова.

– Дела на юге идут очень плохо, – сказал он. – Ставка передает Сталинградскому фронту три армии. Вам следует принять меры к нанесению там контрударов. Иначе Сталинград потеряем.

Жукову такие задачи ставились не впервой. Он принял это как должное и уже собирался уходить, но Сталин остановил его и предложил стать заместителем Верховного. Жуков отказался, уповав на свой характер. Но Сталин сказал: “Обстановка угрожает гибелью страны. Надо спасти Родину любыми средствами, любыми жертвами. А мы наши характеры подчиним интересам Отечества”. В Сталинград Жуков прилетел заместителем Верховного Главнокомандующего.

Тем временем четырнадцатый танковый корпус гитлеровцев перешел в наступление на район Сталинградского тракторного завода. Но на его пути встали рабочие дружины заводов города. Их поддержала огнем с мониторов Волжская флотилия. Враг здесь был отбит и даже отрезан от своих тылов. Несколько дней немецкие танкисты снабжались пищей, водой и боеприпасами с воздуха.

На южных подступах к Сталинграду танки Гота и немецкие летчики, не унимаясь, терзали защитников города. Враг в последний день августа, прорвав нашу оборону, вышел в район Гавриловки.

3 сентября 1942 года при отражении танковой атаки гитлеровцев в Сталингра-

де геройски погиб бывший секретарь Половинского райкома комсомола, младший политрук роты 272 полка 10-й дивизии войск НКВД Дмитрий Сергеевич Яковлев. Когда все возможности были исчерпаны, с последней связкой гранат он бросился под фашистский танк и ценой своей жизни остановил врага.

Восхищаясь мужеством нашего земляка, считаю необходимым подчеркнуть особо роль политруков в советских Вооруженных Силах военных лет. Эти люди умели не только говорить высокие, я бы сказал, святые слова о солдатском долге и Отечестве, но главное – были для бойцов примером, чаще всего первыми поднимались в атаку под пули врага. Вот и на этом снимке младший политрук Алексей Гордеевич Еременко запечатлен военным корреспондентом “Правды” Максимом Владимировичем Альпертом в мгновения, когда в полдень 12 июля 1942 года поднял в контратаку оставшихся в живых бойцов роты против фашистов, рвущихся к Волге, которые после мощного артобстрела пошли 14-й раз в атаку.

*Яковлев
Дмитрий Сергеевич*

Политрук Алексей Гордеевич Еременко поднимает бойцов в атаку.

Сотню метров всего лишь вел своих бойцов в бессмертие младший политрук Еременко, но его мужественному порыву посвятили страницы тысячи и тысячи газет и журналов всего мира. Он навечно вписан в боевую историю 4-й стрелковой дивизии, а сын младшего политрука полковник Иван Алексеевич Еременко, выросший в послевоенные годы, послужив в войсках, много лет был военным комиссаром города Запорожье, где живет и сейчас.

А вот воспоминания шадринца, политрука Виталия Федоровича Вотинцева о боях 5 сентября 1942 года под Сталинградом, в районе балок Грячевой, Большой и Малой Бирючей: *“Прибыв в назначенный район на рассвете, наша батарея стала занимать оборону. Рано утром противник открыл ожесточенный артиллерийский огонь и начал массированную бомбардировку с воздуха. А затем началась атака пехоты, поддерживаемая танками. После первой атаки, которую мы отбили, последовала вторая, потом – третья. И так в течение дня немцы бросались на наши позиции девять раз. Мы отчаянно отбивались от атакующих, уничтожали их огнем из пушек, минометов, автоматов, гранатами и в рукопашном бою. Стволы пушек приходилось обматывать мокрыми фуфайками и тряпками, так как они из-за частой стрельбы раскалились до сгорания краски.*

Из четырех орудий батареи три были повреждены. У четвертого орудия пробило сальник противооткатного устройства. При каждом выстреле орудийный расчет поливало маслом, как из пульверизатора. Но бойцы под командованием сержанта Устинова продолжали вести огонь, накатывая ствол в первоначальное положение вручную!

С наступлением сумерек подвели итоги дня. Из личного состава батареи мы потеряли восемнадцать человек. В том числе погибли четыре офицера из семи: командир батареи Мартынов, помощник комбата Щербинин, командиры огневых взводов Богородцкий и Киреев. Несмотря на гибель офицеров, руководство батареи не прекращалось. Выбывших заменяли те, кто был готов встать на их место.

Во время атак немцев на наши позиции все, кроме орудийных расчетов: разведчики, связисты, ездвые – брались за стрелковое оружие и бросались в контратаки”.

О напряженнейших боях этого периода интереснейшие и ценнейшие воспоминания оставила курганская фронтовичка Мария Петровна Глазунова: *“В сентябре 1942 года я была назначена в 437-й отдельный радиодивизион. В нем и прошла через всю войну. Было всякое. Мы, конечно, не ходили с винтовками в атаку, но немцы постоянно охотились за нашим радиодивизионом. Старались его уничтожить и артогнем, и с воздуха.*

Вотинцев
Виталий Федорович

Осенью сорок второго года мы обслуживали в Сталинграде взаимодействие Донского, Юго-Западного и Сталинградского фронтов, их армий и соединений. Наши спецмашины были замаскированы тогда на городском кладбище. Бои грохотали сутками без передыху. Бывало и такое, что из-за грохота боя, разрывов бомб и снарядов было невозможно что-либо расслышать в эфире.

В один из таких дней и появился в нашем радиоприемном пункте Георгий Константинович Жуков. Вызвано это было тем, что немцы мощными ударами вклинились в порядки 62-й армии генерала Чуйкова, и мы потеряли связь со штабом этой армии. В Ставке волновались, нужно было точно знать положение в армии Чуйкова, чтобы в соответствии с ним принимать решения. Промедление в таких случаях смерти подобно.

Жуков энергично вошел в помещение радиопункта в сопровождении нескольких офицеров и строго спросил, почему нет связи с 62-й. Все молчали. Тогда я сняла с головы наушники и подала их Георгию Константиновичу, сказав: “Послушайте сами, что здесь можно услышать?”. Жуков надел наушники и пару минут старался что-либо уловить в этом грохоте. Потом вернул наушники мне и вышел. А ночью нас перебазировали на левый берег Волги, когда для всех бойцов было законом – “За Волгой для нас земли нет!”. Связь со всеми нашими подопечными улучшилась, что и нужно было для дела”.

В этих действиях Жукова, на мой взгляд, просматривается его непоколебимая решительность, способность переступить даже самый высочайший запрет, если этого требуют интересы дела. И так он не раз поступал.

Из воспоминаний зауральцев чувствуется, как страна собирала все силы в кулак, чтобы остановить гитлеровцев под Сталинградом. Владимир Павлович Братцев, колхозник из деревни Погадайка Шадринского района, в феврале 1942 года был призван военкоматом и направлен в Еланские военные лагеря, а оттуда на учебу в город Тюмень, в эвакуированное туда Таллинское военное пехотное училище.

Саунин Герман Аникич

В конце лета 1942 года обстановка на Волге стала настолько отчаянной, что начинающих учебу курсантов сняли с занятий и перебросили в лагерь Сухой Лог Свердловской области на пополнение сформировавшейся здесь части для отправки на фронт. В сентябре 1942 года Владимир Братцев – уже бронейщик ПТР 93-й бригады 64-й армии Михаила Степановича Шумилова, стоял насмерть против фашистских танков под Бекетовкой. Раненого бронейщика товарищи доставили в полевой госпиталь. Здесь, на сталинградской земле, он оклемался от контузии и ран до степени, чтобы снова взяться за оружие, и вел бои с врагом.

На этом снимке запечатлен в Сталинграде Герман Аникич Саунин, тракторист Мишкинской МТС, призванный на войну 2 июня 1942 года. 22 августа он был уже в рядах защитников Сталинграда, вое-

вал в знаменитой 99-й стрелковой дивизии. Орденами и медалями в ту пору награждали немногих. Личной фотографии у развернутого Знамени части достаивались храбрейшие из бойцов. Приказом комдива 93-й стрелковой дивизии группа воинов за стойкость и мужество, проявленные в боях при защите Сталинграда, была удостоена чести быть сфотографированными у развернутого боевого Красного Знамени части.

Бойцов пригласили в штаб. Вот оно, овеянное славой боевое Красное Знамя. Сжались в волнении солдатские сердца у воинской святыни. И вот она та памятная фотография! Через 60 лет снова свидетельствует землякам о бесстрашии в боях за честь Отчизны рядового Германа Саунина на сталинградской земле. В блокноте, известного впоследствии зауральского журналиста Саунина, записаны строки:

<i>Открытые степному ветру,</i>	<i>Как будто он по Волге синей</i>
<i>Дома разбитые стоят,</i>	<i>В цепь развернулся, принял бой,</i>
<i>На 62 километра</i>	<i>Встал фронтом поперек России -</i>
<i>В длину раскинут Сталинград.</i>	<i>И всю её прикрыл собой.</i>

“Выстоять и победить!” – эти слова стали клятвой защитников волжской твердыни. Каждый солдат отчетливо понимал, что именно здесь, на берегах Волги, решался исход не только Отечественной, но и Второй Мировой войны.

БИЛИСЬ ЗА КАЖДЮЮ ПЯДЬ

В своих воспоминаниях полководцы Михаил Степанович Шумилов и Василий Иванович Чуйков, на чьих плечах непосредственно лежала ответственность за судьбу Сталинграда, пишут, что самым тяжелым и критическим днем обороны города было 14 сентября. Гитлеровцы бросили тогда в бой семь моторизованных дивизий и 500 танков, а наши войска еще не успели переформироваться после боев в донской излучине. Город, можно сказать, обороняли части дивизии НКВД да подразделения местных формирований чекистов, милиции, рабочих.

Самое отчаянное положение создалось в центре города. Со стороны речки Пионерки вдоль железнодорожного полотна солдаты корпуса генерала фон Зейдлица наносили удар в направлении центра города и железнодорожного вокзала. Самоуверенный Зейдлиц гнал и гнал танки и солдат вперед. Ведь за вокзалом была главная городская площадь Павших Борцов, которую немцы на своих картах именовали “Красной Площадью”. Захват вокзала и выход на площадь генерал рассценивал как овладение центром города, после которого, как он предполагал, русские должны капитулировать. Он уже придумал текст телеграммы из двух слов в Винницу, где тогда была Ставка Гитлера – “Сталинград взят”.

В этот же день из Ставки Гитлера в штаб Паулюса поступила радиogramма об утверждении Гитлером особой “Сталинградской медали”. Лейтенант вермахта Штимбауэр тогда же написал домой: “В этот прекрасный день позднего лета мес-

тность купається в сонячних лучах. Нам поставлена задача вийти в центр міста: останній штурм, останні години бою, а може бути, і війни...” Це листом пізніше знайшли в планшетці убитого гітлеровця.

Війська німців, не рахуючись з втратами, оголтело рвалися к Волзі, нанося потужні удари в районі Мамаєва Кургану і залізничного вокзалу. К існуванню дня вони прорвалися сюди.

З лівого боку, для порятунку ситуації, під потужним вогнем в цей район переправилася 13-я гвардійська дивізія Олександра Ільича Родимцева. Їй була поставлена задача – вибити німців з центру Сталінграда.

В ніч на 15 вересня одному з командирів дивізії Червякову була поставлена задача: смяти німецьких автоматчиків, просочившихся к переправі, вийти в центр міста і ціною будь-якою к ранку відбити у ворога вокзал.

Коротка команда “вперед” – і його бойці, карабкаючись по кручі боку, пішли наверх, на зустрічний густий автоматний і кулеметний вогонь ворога. Потрібно було ціною будь-якою вибити проникший в центр і к Волзі передовий загін гітлеровців з корпусу Зейдліца, поки центр не зайняли його основні сили.

Судба Сталінграда, по суті, була в ці нічні години в руках першого стрілецького батальйону капітана Червякова.

В цю ніч в Москві в Штабі Верховного Головнокомандування перед світанком тривожно замолчав телеграфний апарат на зв’язі со Сталінградом.

Берлінське радіо в середині ночі передало свідчення вермахту: **“... ударні сили 6-ї армії в Сталінграді вошли в місто, захоплено центральний вокзал, в успішному завершенні бою тепер не можна сумніватися, до його існування залишаються години. Студія не вимикає свій мікрофон, очікуючи хвилини на хвилину падіння Сталінграда...”**.

В посольствах, акредитованих в Москві, не спали. Слушали марші на берлінській хвилі. В цей день Черчилль вважав потрібним терміново повідомити Рузвельту: *“При плануванні наших операцій треба виходити з близькості повного розгрому Червоної Армії. В теперішній час я не бачу сили, яка передотвратила б падіння Сталінграда”*.

В записках англійського військового кореспондента в Москві Ральфа Паркера є цікаве свідчення про ті дні: “Кожну тиждень по середнім або четвергам для дипломатичного корпусу і іноземних журналістів, акредитованих в Москві, проводилося богослужіння. Як правило, місцем його був Московський кафедральний собор. Сюди їздили всі іноземці, які хотіли помолитися. Шануючи релігійні почуття союзників і інших іноземних підданих, радянське керівництво пунктуально надавало їм цю можливість навіть в найбільш важкі моменти на фронті.

В цей день служба була призначена на вечірній час. В сутемках к собору стали їздити машини з дипломатами, їх сім’ями. На площі перед собором було тесно від машин. Приїхали навіть ті, хто ніколи не брав участя в церковних церемоніях, – всім раптом захотілося в цей вечір бути в кафедральному соборі.

Храм був заповнений, як ніколи раніше. Молитву слухали погано. Люди, розбившись на групи, переговорювалися, знали одне одне новини. За ними-то

и приехал каждый: вдруг кому-то уже известно больше, чем другим.

Говорили о Сталинграде: продержится ли он до утра, и какая развязка последует завтра? Думается, после падения Сталинграда они ждали глобальных событий и приехали в кафедральный собор, словно на похороны коммунизма...”

А в этот час три роты первого батальона Червякова, неся потери, вскарабкались по крутому берегу. Дымили развалины, оставшиеся от городских улиц вблизи реки. Центр был рядом, но там ничего не поймешь: повсюду стрельба, временами из багровой темноты выползали люди: остатки чекистского отряда..., прорывающиеся к Волге солдаты, гражданские... Кругом автоматные очереди, взрывы.

– В атаку! – крикнул комбат.

Прошли одну улицу, другую, только на рассвете показались скульптуры фонтана на привокзальной площади.

Здесь бой разгорелся с особым ожесточением. Вдруг разнеслось:

– Санитаров сюда! Комбат ранен...

Червякова пронесли в плащ-палатке. В развалинах улицы, уходившей к вокзалу, боем батальона уже руководил старший лейтенант Федосеев.

Червяков остановил санитаров, напрягся, чтобы Федосеев услышал:

– Прости, Федя...

– Что вы, Захар Петрович? Вы скоро к нам вернетесь. До встречи!

– Не о том ты. Получается самое трудное впереди, а я вот выбыл из строя по ранению. Тебя подставляю. Кто знал, что так выйдет. Ты пробивайся к вокзалу, не мешкай. Возьми вокзал, Федя!

– Возьмем, Захар Петрович. Мы еще там с вами вместе в ресторане когда-нибудь эту ночь отметим...

Бой нарастал, и некогда было вести разговоры, куда-то в багровые блики уплыла плащ-палатка с комбатом, которому суждено было остаться в живых. У войны – свой выбор, они, ушедшие тогда к вокзалу, – теперь под общей надписью на мемориальной доске вокзального здания: ***“Здесь в сентябре 1942 года насмерть стояли воины 1-го батальона 42-го полка 13 гвардейской дивизии. Окруженные фашистами гвардейцы мужественно сражались под командованием гвардии старшего лейтенанта Ф.Г. Федосеева и погибли...”***

Из боевого охранения доложили: вышел штатский в очках, просит дать ему оружие и взять с собой.

...До нас не дошло никаких сведений об этом неизвестном сталинградце, кроме его фамилии: Стрельцов.

Это был человек, который, выбравшись из огненного центра города, уже занятого врагом, ушел от смерти и решил вернуться туда, в огонь, навстречу смерти. “Я вас проведу”. И провел часть батальона в район вокзала. Имя его растворилось среди многих имен, судьба осталась неизвестной...

Одним из свидетелей боя за вокзал был заместитель командира полка по политчасти Леонид Петрович Корень, высадившийся вместе с первым батальоном. На его глазах был ранен комбат Червяков, и командование батальоном принял старший лейтенант Федосеев. Вместе с ним он прошел с боем от берега через центр города до вокзала.

После войны, будучи уже полковником запаса, Леонид Петрович Корень рас-

сказал о некоторых совершенно неизвестных эпизодах боя за вокзал.

По его свидетельству первыми к зданию вокзала проникли двое автоматчиков – Никитенко и Ажгирей. Никитенко звали Владимиром, имени Ажгирея он не запомнил.

С полотна железной дороги бил пулемет. На площадь выскочила машина, из нее стали выпрыгивать немецкие автоматчики. Никитенко и Ажгирей, прячась за скульптурами фонтана, открыли огонь по немцам в упор. В машину полетели гранаты: двое вели отчаянный неравный бой, ожидая, пока к ним пробьется наступающая рота.

На железнодорожных путях горели пассажирские вагоны. Оттуда показался немецкий танк. Он на большой скорости рванулся к площади, к фонтану, сметая все перед собой. И вдруг со стороны фонтана наперерез танку с черными крестами метнулся кто-то из автоматчиков – на площади было уже несколько человек.

Танк развернулся в его сторону, рывок – и гусеницы подмяли солдата. Тишина – и наши, и немцы словно оцепенели. И вздрогнула жесткая земля, разверзлась, принимая героя, под немецким танком, который посреди привокзальной площади торжествовал победу, раздался мощный взрыв.

...Остановись, мгновенье! История должна запомнить этого солдата. Но кто это был? Никитенко? Ажгирей? Или кто-то еще? Не осталось никого, кто вел тот бой на площади. Никого, кто мог бы точно назвать имя. Но есть в архиве вот эти строки: “Не печальтесь, не огорчайтесь. Будьте горды тем, что дали стране, нашей Родине сына-героя, героически погибшего. Примите, мать героя, наше товарищеское соболезнование о великой утрате” (Из письма командования матери рядового Владимира Никитенко).

Что известно о нем? Почти ничего. Девятнадцать лет... До фронта работал слесарем в Кургане... Из родного края солдату пришло письмо, когда его уже не

Фотохроника ТАСС

было: “Послала тебе посылку, шерстяные носки и немного табаку. Мое письмо летит к тебе с любовью и приветом... Поля”.

“15 сентября. Утром занял вокзал. Противник предпринимает ожесточенные атаки с целью отбить здание, не считаясь с потерями, Немцы идут в атаку пьяные. Вокзал продолжаю удерживать. Большие потери. Прошу эвакуировать раненых, поддерживать танками и огнем артиллерии!” (Из боевого донесения комбата Федосеева).

Вечером кремлевский телеграф принял сообщение: подразделения переправившейся через Волгу дивизии частично выбили противника из центра города одним из батальонов, защищавших центральный вокзал.

В посольствах, аккредитованных в Москве, продолжали слушать Берлин, откуда по-прежнему передавали марши. Но обещанного сообщения о том, что Сталинград пал, так и не прозвучало.

“17 сентября продолжались ожесточенные схватки в центре города, а также за высоту 102,0 (Мамаев курган). Особенно кровопролитные бои разыгрались у вокзала Сталинград-1 и железнодорожной больницы. В течение дня вокзал пять раз переходил из рук в руки...” (Из оперативной сводки).

25 сентября, как свидетельствуют оперативные сведения, с батальоном прекратилась всякая связь. До этого дня у Федосеева действовала рация, и он передавал по ней короткие донесения, что батальон, блокированный противником, продолжает сражаться. Двадцать пятого, на одиннадцатый день обороны вокзала, рация замолчала.

Полковой радист безуспешно пытался вызвать штаб батальона. Командиру дивизии Родимцеву (радиограмма И.П. Елина): *“Связь с Федосеевым потеряна полностью. Контратакую противника в районе рынка и универсама с целью пробиться к окруженным. Противник захватил универмаг, ввел танки. Прорваться к вокзалу не удастся. Буду снова пробовать. Прошу помочь танками. Слышу стрельбу со стороны вокзала”.*

Как потом выяснилось, вместе с батальоном Федосеева в районе вокзала вели бой оказавшиеся здесь остатки отряда чекистов и сталинградских рабочих. Сражение шло на железнодорожных путях, в развалинах депо, у моста и даже в будках стрелочников. Но бойцов становилось все меньше и меньше. К концу первой недели все оставшиеся собрались в полуразрушенном здании вокзала.

А вот воспоминания о тех боях полковника Вильгельма Адама, адъютанта Паулюса: “Насколько я помню, 12 сентября командующий группой армии “Б” генерал-полковник Вейхс и генерал Паулюс были вызваны в Винницу, в ставку Гитлера. Паулюс докладывал о предстоящем захвате города. Через два дня, 14 сентября, одновременно наносились два удара – в направлении вокзала и Мамаева кургана. Захватить через вокзал центр города, выйти к Волге и с Мамаева кургана парализовать весь город.

Как рассказывал Паулюс, его доклад без колебаний был одобрен. Гитлер небрежно свернул карту Сталинграда, сказав при этом: все уже сделано, Красная Армия разбита и город защитить не сможет. Берите скорее эти пункты – вокзал, центр города – и дело кончено.

В этот же день, 14 сентября, я находился в 76 дивизии. Она выступала из Гум-

рака на вокзал. В бой было брошено около 200 танков. Но с каждым часом дивизии все труднее было продвигаться к вокзалу. А потом она совсем завязла, только 14 сентября вокзал пять раз переходил из рук в руки... Бои продолжались до 24 сентября, потом корпус генерала Зейдлица захватил вокзал, вышел к центру. Но, помню, нам докладывали, что и 25-го и 26-го в разрушенном здании вокзала еще раздавались выстрелы”.

Когда спросили Адама, видел ли он кого-нибудь из советских солдат и офицеров, взятых в плен в дни боев за вокзал? Может быть, помнит кого-нибудь или что-нибудь о тех людях? Он, не поднимая глаз, тихо сказал, медленно произнося слова: “Я не помню, чтобы были взяты там пленные... Насколько я знаю, пленных не было. Ваши солдаты в вокзале в плен не сдавались”.

В Сталинградском музее есть письмо, написанное сыном упоминавшегося солдата Никитенко, на которого была получена “похоронка”, – Ивана Владимировича Никитенко: *“Действительно, мама получала “похоронку” и письмо из части, что наш отец, Никитенко Владимир Иванович, геройски погиб в бою в Сталинграде. А в сорок четвертом году вдруг в окно раздался стук, и на пороге – сам отец, живой, но без ноги, с покалеченной рукой и с одним глазом...*

Он много потом рассказывал о своем батальоне, который сражался за сталинградский вокзал. В первые дни, пока была связь с полком, уносили в тыл тяжело раненых. Отец не знает, кто подобрал и вынес его.

Из его рассказов меня еще в детстве особенно поразили один – я запомнил его на всю жизнь... Когда рота, в которой воевал отец, отбила у немцев вокзал в третий раз, в роте уже оставалось всего двадцать два бойца. Немцы накапливались за железнодорожным полотном для новой атаки.

В это время среди бойцов появился комбат, старший лейтенант Федосеев. Взводный сказал, по словам отца, что пришел комбат и с ним девять бойцов.

– Живыми сдаваться не будем, – сказал Федосеев всем, кто был там, и приказал посчитать патроны и по одному оставить для себя...

Это отцовский рассказ!.. Отца давно уже нет в живых, а рассказ его в нашей семье помнят, он живет как легенда и передается от него к нам, сыновьям (нас трое), от нас к нашим детям...”

В конце сентября положение наших войск в Сталинграде оставалось очень тяжелым. Гитлеровцы захватили почти всю центральную часть города, рабочие поселки, на ряде участков вышли к Волге. Немецко-фашистское командование готовило штурм Сталинграда, перебрасывая все новые силы в этот район. Группа войск, наступавшая на Сталинград, постоянно увеличивалась: насчитывала в середине июля 39 дивизий, в конце августа – 69, а в конце сентября – 80. (“Великая Отечественная война Советского Союза” М, 1984, с. 154-155).

Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР внимательно следила за событиями и непрерывно усиливала войска Сталинградского направления: с 13 по 26 сентября сражающиеся армии получили из резерва 10 стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса, 8 танковых бригад (из них 5 дивизий переданы 62-й армии).

Воины 39-й гвардейской дивизии в момент вручения им Гвардейского Знамени

В начале октября борьба за Сталинград возобновилась с нарастающим ожесточением. Гитлер назначил новый и “самый последний” срок падения Сталинграда – 14 октября. Немецко-фашистское командование готовило генеральный штурм Сталинграда. Гитлеровские войска возобновили натиск в центре города. Особенно яростные атаки они предприняли в районе Орловки с целью ликвидировать выступ советских войск, который угрожал флангу фашистов. На Орловку наступали 3 дивизии противника и 100 танков. Бои шли днем и ночью.

Одновременно авиация и артиллерия врага била по переправам, уничтожая паромы и баржи, которые доставляли в город пополнение, боеприпасы и продовольствие.

В этой ситуации 64-я армия нанесла удар немецко-фашистским войскам в направлении Песчанки. Противник был выбит из первых двух оборонительных позиций и отброшен на полтора-два километра. В ходе ожесточенных оборонительных боев в Сталинграде войска 64-й армии более пятидесяти раз контратаковали фланг немецко-фашистской группировки, держали в постоянном напряжении южное крыло Сталинградской группировки врага. В первые дни октября 62-я армия занимала оборону протяженностью в 25 километров и глубиной от 2,5 километров до 200 метров. Эта узкая прибрежная полоса полностью простреливалась противником. Для усиления 62-й армии в Сталинграде переправились две стрелковые дивизии: 39-я гвардейская генерал-майора Степана Савельевича Гурьева заняла оборону в цехах завода “Красный Октябрь” и 308-я – полковника Леонтия Николаевича Гурьева.

Но уже на следующий день гитлеровские войска потеснили соединения 62-й армии. В отдельных полках армии оставалось по 100–150 воинов. Немцы вели мощное наступление на тракторный завод крупными силами. Как вспоминает Василий Иванович Чуйков: “Гитлеровцы шли в атаку в полный рост. Они атаквали наши укрепления силами двух пехотных дивизий. Атаку поддерживали свыше 50 танков”. Фашисты повторяли атаки вновь и вновь, хотя и несли огромные потери.

Армия Паулюса в связи с тяжелыми потерями в боях с 8 по 13 октября приостановила наступательные операции в Сталинграде. Наша разведка сообщала, что гитлеровское командование, готовя генеральный штурм, направляло под Сталинград крупные силы из своего резерва. В этот район поступило около 200 тысяч обученного пополнения, 90 артиллерийских дивизионов, переброшены транспортом 40 саперных батальонов, около 30 тысяч человек, специально подготовленных для штурма города (*“Сталинградская битва”, 1989, с. 223*).

В эти дни Ставка Верховного Главнокомандования приказала начать в районе Донского фронта (командующий Рокоссовский) накопление резервных войск, создавать ударные группировки к предстоящему контрнаступлению.

Командование Сталинградского фронта вручило ордена и медали речникам Сталинграда, удостоенным высоких наград за выполнение боевых заданий. За 200 дней битвы речники из зоны боевых действий переправили на своих судах 200 тысяч человек, свыше 3800 тонн нефтепродуктов, около 2 миллионов голов скота, 3500 тракторов и комбайнов, более 5 тысяч подвод.

13 октября утром части 62-й армии: 37-я гвардейская и 95-я стрелковая дивизии начали контратаки немецко-фашистских войск. Удар наносили в направлении западной окраины поселка тракторного завода с целью сорвать подготовку нового наступления гитлеровцев. После ожесточенного боя гвардейцы 37-й дивизии продвинулись на 300 метров вперед, воины 95-й – на 200 метров.

14 октября Гитлер подписал приказ о переходе вермахта к стратегической обороне на всем советско-германском фронте, за исключением Сталинграда. Это было признание провала летнего наступления на востоке. В этот день гитлеровцы приняли наиболее сильный удар. Немецко-фашистские войска начали наступление

Атакуют гвардейцы

рано утром. Основной их удар был направлен на захват тракторного завода и выход к Волге. В этот день авиация фашистов сделала около 3 тысяч самолетовылетов, гитлеровцы применили огнеметы. Казалось, все живое подавлено, уничтожено. Но как только фашисты поднимались в атаку, на них обрушивался огонь советских бойцов, навстречу танкам летели гранаты и бутылки с горючей смесью. Ожесточенные бои невиданной силы продолжались и днем и ночью. Потери с обеих сторон были огромными. Ночью переправили на левый берег Волги свыше 3500 раненых, в ряде дивизий погибло 75 процентов боевого состава.

На следующий день Паулюс ввел в бой свежую пехотную дивизию и начал развивать наступление вдоль Волги к заводу “Баррикады” и на Спаргановку с целью зайти в тыл 62-й армии, ее уничтожить и овладеть Сталинградом.

Командующий Сталинградским фронтом приказал срочно передать 62-й армии из 64-й 138-ю стрелковую дивизию полковника Ивана Ивановича Людникова.

Один ее полк переправился ночью через Волгу в Сталинград и сразу же вступил в бой севернее завода “Баррикады”.

Армия Паулюса продолжала яростные атаки в районе заводов: пехотная и танковая дивизии, усиленные моторизованным полком, атаковали северную группу полковника Горохова в районе Спаргановки, главный удар наносили части трех пехотных и двух танковых дивизий.

С легендарным мужеством сражалась 37-я гвардейская дивизия, защищая тракторный завод. Она нанесла огромный ущерб врагу, но и сама почти полностью погибла. Судьба Сталинграда висела на волоске. В 13 часов Ставка Верховного Главнокомандования приказала командующему Сталинградским фронтом немедленно усилить гарнизоны островов на Волге – Зайцевский и Спорный.

17 октября ночью в Сталинграде высадились остальные два полка 138-й стрелковой дивизии Людникова и с ходу вступили в бой у завода “Баррикады”, где враг наступал вдоль железной дороги, а противостояли ему части 308-й стрелковой дивизий.

Шли тяжелые бои. Немецкие войска прорвали боевые порядки 308-й стрелко-

вой дивизии и вышли на западную окраину завода “Баррикады”. Противник пытался полностью захватить завод и выйти к Волге. Воины 37-й гвардейской, 138-й, 193-й и 308-й стрелковых дивизий отразили атаки врага и удержали занимаемые рубежи. Воины-сибиряки 308-й стрелковой дивизии полковника Гуртьева отбили в октябре около 100 атак танков и пехоты врага. В связи с прибытием в район “Баррикады” 138-й дивизии Людникова враг усилил свою ударную группировку, на этом участке сосредоточил четыре пехотные и одну танковую дивизии.

Авиация противника снова увеличила количество самолетовылетов до 2000 в сутки. Под ее прикрытием гитлеровцы вели бои за заводы “Баррикады” и “Красный Октябрь”, усилили атаки и бомбовые удары по переправе через Волгу.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования Донской и Сталинградский фронты готовили очередные наступательные операции. На Сталинградском направлении Красная Армия постепенно наращивала силы и средства, в этот район прибывали новые соединения. В состав Сталинградского фронта: стрелковый корпус, 2 стрелковые дивизии, две кавалерийские дивизии. Донскому фронту были направлены семь стрелковых дивизий. Для укрепления островов на Волге – присланы стрелковая дивизия, полк ПВО и 20 крупнокалиберных пулеметов.

А вот свидетельство участницы Сталинградской эпопеи журналистки Натальи Юрьевны Юрьевой, прошедшей достойно через огонь войны, награжденной за мужество в боях орденами и медалями. Вся послевоенная жизнь ее связана с работой в редакции газеты “Советское Зауралье”. Сотни ее корреспонденций и очерков отобразили жизнь зауральцев в послевоенные годы. А мы публикуем сегодня одну из страничек ее фронтовой биографии, написанную ей самой:

“В жизни каждого бывали, конечно, случаи, навсегда врезавшиеся в память. Фронтовики согласятся с этим. Сколько нами пережито, сколько видано-перевидано – всего сейчас не перескажешь, но у каждого в эти 1418 фронтовых дней (или меньше: сколь выпало повоевать) было что-то, что не забудется никогда...”

Случай, о котором расскажу, произошел на Волге в октябре 1942 года. К этому времени мне не раз пришлось уже видеть, как умирают люди под пулями, под бомбами... Что такое был Сталинград лета-осени 42-го, когда, начиная с августа, планомерно и методично, каждый день город подвергался массированным налетам “юнкерсов”. В сентябре на его подступах шли уже бои, а в отдельных районах – уличные бои за каждый дом, каждую пядь – это может представить себе лишь тот, кто сражался там, в это время.

Наша летняя часть, так же, как и другие авиаподразделения 8-й воздушной армии, в начале сентября из стратегических соображений передислоци-

Юрьева
Наталья Юрьевна

ровалась на левый берег: военные аэродромы не должны были находиться в непосредственной близости к передовой. Авиаполки и эскадрильи вылетели, естественно, по курсу, а наш батальон аэродромного обслуживания: технические мастерские, обслуга, шоферы со своими машинами, – переправился через Волгу на понтонах ночью под шахматным минометным огнем немцев. Сказать, что это было страшно, значит, ничего не сказать...

И все же не этот ночной смертоносный фейерверк, когда сталкивались в воду вспыхнувшие бензовозы, тонули люди, стонали раненые, стоит сейчас у меня перед глазами. И не то, как ближе к рассвету двинулись мы на машинах своим ходом сквозь отягощенные плодами яблоневые сады Ахтубы, обгоняя бредущих по обочинам запыленных и усталых, растерянных женщин, детей, стариков, подростков, толкавших перед собой велосипеды, детские коляски, тележки с житейским скарбом. Это жители покидали находившийся на последней грани опасности город, и сердце разрывалось от горя, видя это...

Да, все это я видела, но промелькнуло тогда передо мной все это, как сейчас – кадры документальной хроники, некогда было задерживать внимание, время не ждало – надо было как можно скорее добраться до места, доставить бензин, чтобы летчики могли продолжать боевые вылеты.

В тот же день личный состав нашего полка был расселен по глинобитным домишкам небольшого поселка (километров 200 от Волги), закамуфлированная летная и наземная матчасть укрыта. И в ту же ночь начались вылеты, вылеты, вылеты в сторону Волги, над которой шли уже непрерывные воздушные бои. Далеко не все из тех, кого мы, “наземники”, снаряжали, возвращались обратно...

Здесь надо сказать, что первую половину своей фронтовой жизни – до ранения, я провела на спецмашине “бензозаправщик”: заправка самолетов горючим перед вылетом. Но поскольку нас, девушек, учили на шоферов в запасном полку скоростным методом – буквально полтора месяца, технические наши навыки были отнюдь не твердые: “Шоферы, пока колеса крутятся”, – смеялись над нами в автороте. И некоторых девчат вскоре перекинули на другие работы: в штаб, хоззвод, полевую почту. Меня же “придали” в качестве стажера к опытному и, как тогда казалось, пожилому (лет около 30-ти!) шоферу с Украины Семену Бабяку. Вот с ним-то мы ежедневно и еженощно заправляли боевые машины – то вместе, то поодиночке, то на основном летном поле, то на “пяточках” – отдаленных аэродромах на 5-6 боевых машин. Так прошли сентябрь и большая часть октября. Затем из штаба фронта был дан приказ: всем без исключения левобережным частям направить в Сталинград все автобензоемкости для эвакуации горючего. Реальная угроза захвата города врагом, чуть ли не ежечасная вероятность, что много тысячекалитровые склады горючего взлетят на воздух с устрашающей силой взрывом, продиктовали такой приказ.

И вот по всем дорогам десятки автоколонн – сотни емкостей на колесах – двинулись к Волге. В том числе и мы с Бабяком на своем “БЗ”. В пути не раз попадали под бомбежку, были обстреляны пулеметами с воздуха. Впереди и

сзади колонны выходили из строя машины – успевай только объезжать воронки, обломки... Мы – доехали. Семен был, действительно, очень опытный шофер, но на редкость молчаливый человек: казалось, ничто не выведет его из равновесия!

И вот переправа... Собственно, их было пять или шесть с разрывом в 400-500 метров между ними. А по берегу – тысячи рассредоточенных машин, кое-как замаскированных под теряющими листву деревьями! И вдвое больше людей ждут очереди, чтобы загнать машину на переправу: много-часовое ожидание на пороховой, можно сказать, бочке потому, что по берегу то и дело проносится привычная уже команда: “Воздух!”. А куда, в какое укрытие побежишь, если на километр в округе одно и то же: машины, машины, машины... Так что к команде этой, в конце концов, стали относиться только как к констатирующей, тем более что было ясно: основной объект внимания бомбардировщиков – переправа, въезжать на нее рано или поздно подойдет наша очередь, и тогда уж... будь что будет!

А над городом – на том берегу – сплошное марево пожара, розовато-черные тучи пыли, непрерывный грохот... Над каждой из переправ (наше внимание приковано, понятно, к той, на которой предстоит...), буквально над каждой роятся самолеты. Если б не знать, что это сошлись в бою две смертельно враждующие стороны, не видеть алеющих звезд на крыльях наших истребителей, закрепленных свастикой “юнкерсов”, если бы не фонтаны воды от сброшенных в воду бомб, не прямые попадания то вправо, то влево от нас... Если б не это, можно подумать, что летчики ведут в воздухе какую-то захватывающе азартную игру, взмывая машины ввысь, падая коршуном, заходя друг другу в хвост, догоняя, кружась... Глаз не оторвать, а душа мрет от страха за наших! Молча смотрим и час, и два...

И до этого часа (я уже говорила) не все экипажи возвращались после боя на нашу базу, но этот бой происходил где-то там, а вот когда на твоих глазах стремительной траекторией падает в воду самолет: глухой взрыв со дна и сноп воды вверх!.. Я и сейчас иногда думаю, каков он был, тот парень, сбитый при нас над Волгой?

Когда это произошло, наша очередь заезжать на переправу приблизилась. И тут мой Семен Бабяк молча вынул из кармана гимнастерки фотографию женщины с двумя девчушками, как сейчас вижу – карточка в коричневых тонах, резким движением поднес к губам, затем неуклюже как-то провел рукавом по глазам, сказав: “Пора!” И нажал на стартер.

Опять повезло: мы переправились на правый берег. По городу, если это еще можно было считать городом – ни одного целого дома, лишь закопченные полуразрушенные коробки и груды кирпичей, – по заваленным руинами улицам мчались с распахнутыми настежь обеими дверками кабины. Семен правой рукой рулил, а левой ногой стоял на подножке во весь рост, глядя в небо. То же приказал и мне: на случай, чтобы успеть выскочить, когда сверху засветит бомба.

С риском простояли еще четыре часа в хвосте машин у огромных бензо-емкостей на складе. Но наши славные “ястребки” не пропустили ни одного

“юнкерса” в этот район! К ночи мы вернулись в часть”.

В рассказе Натальи Юрьевны затронута, на мой взгляд, самая важная сторона, я бы сказал струна, одухотворяющая стойкость наших отцов на фронте. Защитить Родину – для каждого из них значило в первую очередь защитить свою семью – мать, жену, детей, родных и близких. Они, как в данном рассказе Юрьевой, уместились на маленькой фотографии, которую солдат, отец и муж Семен Бабяк хранил у самого сердца и сердцем своим, делами своими и мужеством их защищал. Как дорог был солдатам треугольник.

В этой связи я приведу еще несколько солдатских писем, присланных с фронта Ане Соколовой. Она трудилась нормировщицей участка военно-строительных работ (УВСП) – 299 в Кургане, и была секретарем комсомольской организации.

На чем хотелось остановиться особо: Аня в те годы нашла и открыла себя на комсомольской работе. Она была душой коллектива, всегда была с людьми. Днями находилась среди рабочих на строительных объектах, вечерами с комсомольцами и молодыми рабочими, а в оставшееся время она вместе с ними готовила теплые вещи и отправляла их на фронт. Работать приходилось, не считаясь со временем, разгружали строительные материалы из вагонов, очищали от заносов снегом железнодорожные пути, подъезды на объекты, организовывали и участвовали в художественной самодеятельности. Помогали в работе комсомольской организации руководители участка, в том числе начальник УВСП Денис Варламович Богданов, самолично участвовавший в самодеятельности.

О работе комсомольской организации военных лет она написала в своих воспоминаниях так: *“Комсомольским секретарем меня избрали, когда парни, в том числе и секретарь комитета, ушли на фронт в 1941 году, кто добровольцем, кто по призыву военкомата. Комсомольская организация состояла в основном из девушек: Шура Демидова, Нина Порохина, Ася Сневак, Люба Котова, были и ребята допризывного возраста Аркадий Кузнецов, Ваня Колышкин, Ваня Диковин, Саша Соколов, Сережа Туягин. Потом и эти ребята ушли на фронт и писали нам письма с фронта, мы отвечали им”.*

Весточки с фронта. Фронтные треугольники, писанные в блиндажах и окопах, на привалах, в перерывах между атаками, наполнены любовью к близким, ненавистью к врагу и верой, незыблемой верой в нашу победу. Держишь в руках эту реликвию – полинявшие, стертые на сгибах листки, и чувствуешь дыхание тех дней и лет. Как с нетерпением ждали их в каждом доме – маленькую весточку о родном человеке. Письма, которые вы будете сейчас читать, были адресованы Ане Соколовой. Писали ей, как вы уже знаете из воспоминаний Анны Григорьевны, комсомольцы, ушедшие на фронт с участка, Иван Федоров и Иван Колышкин, а также “заочник” – секретарь комсомольской организации одного из воинских подразделений Петр Шинкаренко. Вы знаете, что девушки им отправляли теплые вещи, письма, а они писали в ответ. Невозможно без волнения читать эти строки, написанные в перерывах между боями, но прочтите подборку этих писем Ивана Колышкина, объединенных под одним заголовком: **“Много писать мне мешают бои...”**:

ВМЕСТО ПИСЬМА

*Ты просишь писать тебе часто и много,
Но редки и коротки письма мои.
К тебе от меня непростая дорога,
И много писать мне мешают бои.
Враги недалеко. И в сумке походной
Я начатых писем десятки ношу.
Не хмурься, я выберу часик свободный,
Настроюсь, и сразу их все допишу.
Пусть эта песенка вместо письма,
Что в ней не сказал я – придумай сама.
И утром, ее напевая без слов,
Ты знай, что я твой, что я жив и здоров.
Поверь мне, родная, тебе аккуратно
Длиннющие письма пишу я... во сне.
И кажется мне, что сейчас же обратно
Ответы, как птица, несутся ко мне.
Но враг недалек, и спим мы немного.
Нас будит работа родных батарей.
И писем моих непростая дорога,
И ты не проси их ходить побыстрей.
Пусть эта песенка вместо письма,
Что в ней не сказал я – придумай сама.
И утром, ее напевая без слов,
Ты знай, что я жив и здоров.*

6.05.42 год.

2.08.42 год. Здравствуй, Нюся! Шлю тебе свой пламенный гвардейский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Эх, девушки, девушки! Вы даже не знаете, как читаются ваши письма на фронте. Тут пьют каждую букву, а не то, что слово, пьют, как человек, которого измучила жажда, и он припал ртом к источнику. И как это хорошо бывает, если источник светел и чист, с каждой каплей в тебя вливаются свежие силы жизни. Когда отогревается сердце, то и одежда мокрая кажется сухой, когда освежаются чувства, то и палящая жара переносится легче, а усталость смывается, как вешним ливнем. А если нет долго письма или оно неласково, небрежно, с холодком, который сквозит между строк, тогда за пазуху заползает злая обида и точит сердце, как червь яблоко. И какие только мысли не придут в голову. То вдруг покажется: “с глаз долой – из сердца вон”, забыла девушка, как бродили рука об руку, делаясь всем. Значит, не любила, смеялась, врала? Значит, ошибся? Вот какие обидные и часто несправедливые мысли лезут в голову и никак от них не отмахнешься. Они омрачают даже радость подвига.

Нюся, вчера получил от тебя письмо, за которое сердечно благодарю. Писать некогда, до свидания. Пришли мне фотокарточку. Передай привет всем, кто знает меня.

31.12.42 год. Привет Нюся!!! Ночь. Сейчас начинается 1943 год. Передо мной стоит сверкающая с водкой бутылка, лежит наша фронтовая закуска.

Нюся! Разрешите выпить первый тост за наступающий Новый, 1943 год, год нашей победы над общим врагом, и, быть может, нашей радостной встречи после тяжелых и героических дней. Стрелка часов остановилась на 12. Отдавая честь Новому году, салютуют наши тяжелые орудия, посылая новогодние “подарки” фрицам. Заиграла наша “катюша”, и где-то в глубине позиции врага загрохотали сплошные разрывы новогодних “подарков”. Так начался, наш боевой 1943 год. Еще в ушах звенит ровный и уверенный голос Москвы. Какую радость несет он миллионам советских людей. Конец 1942 года принес много блистательных побед, а в 43-м году мы окончательно разобьем врага.

Нюся, вообрази, какая будет радостная встреча матери с сыном, брата с братом и сестрой, и любимого с любимой!

Нюся, вспомни радость природы после страшной грозы, когда все улыбается яркому солнцу счастья и мира. Так будет. Сейчас смелый и сильный ветер народного гнева разгоняет черные тучи, нависшие над нашей родной землей. Мы найдем месть пришельцам, они превратятся в удобрение наших необъятных полей, на которых опять выйдет работать бессмертный русский народ.

Нюся, сейчас абсолютно невозможно писать письмо. Шум задаваемого немцам “концерта” в честь нового 1943-го года мешает собраться с мыслями. Серую туманную ночь прорезывают яркие вспышки орудий, в небе горят разноцветные ракеты. Кругом царит сплошной гул орудий и непрерывный треск пулеметов. Нет, это невозможно описать все на бумаге, кажется, сами черти ужаснулись бы от этой картины и грома.

Так у нас на фронте наступил Новый, 43-й, год. Это очень хорошо”.

Письма Петра Шинкаренко:

Привет с фронта! Здравствуй, Нюся! Вчера, то есть 24 сентября, я услышал по радио о том, что Красная Армия освободила Полтаву, а также районный центр, в котором живут мои родители. Какая это радость для меня, хотя, правда, я и не знаю, живы они или нет, но все же для меня это большая радость. Я сразу же написал несколько писем родителям.

Несколько слов о себе: живу по-старому.

С приветом к вам Петр. 26.09.43 год.

Привет с фронта! Здравствуйте, многоуважаемая Нюся!

1 ноября я получил известие из дома. Какая это для меня радость, что все живы и здоровы! Мать с сестрой дома, отец и два брата в армии, одного брата увезли немцы в Германию. Вот такая картина.

А сегодня мне принес наш фронтовой почтальон письмо. Я разворачиваю и читаю: от сестры. Она мне пишет, что один брат мой родной награжден орденом, высокой правительственной наградой за отличные боевые действия под Сталинградом. Вот так сейчас обстоит дело у меня.

На этом заканчиваю. Желаю наилучших успехов в вашей жизни и работе. Привет всем вашим подругам. Жму крепко руку.

С приветом Петр. 6.11.43 год.

Шла регулярная переписка девушек с фронтовиками. Это была большая поддержка на фронте, и она давала свои плоды.

Анна Григорьевна хранила эти письма 40 лет и в 1985 году передала их в музей строителей. Сегодня эти письма находятся в музее АО «Промстрой».

В 2002 году Шадринец Юрий Георгиевич Воронин принес в Государственный архив 130 писем с войны своего отца Георгия Максимовича Воронина, рядового 645-го отдельного саперного батальона, погибшего в бою 19 октября 1943 года при выносе из-под огня раненого однополчанина. Товарища Георгий Максимович спас, а сам погиб. Получилось, как учил великий Воин России Александр Васильевич Суворов. Эти письма просты по содержанию: про солдатский быт, про заботы и тревоги о семье и о доме, о родных и близких, о великой силе, зовущей домой к родному очагу, к жене и сыну, к повседневным делам... И в том их святая правда и сила...

Леонид Осинцев, опытнейший историк и краевед, порекомендовал Юрию Воронину издать письма отдельной книжицей, пусть современники знают, о чем же думал простой солдат на Великой Войне. А сам хранитель этих солдатских откровений и чувств говорит, что они для него в жизни были и остаются отцовским напутствием, помогли не сбиться с пути – дороги, за что воевал и пожертвовал жизнью отец. Они – живая связь поколений и времени. И не случайно доставка писем на фронт и с фронта шла все годы войны по тем же законам и правилам, как танки и боеприпасы – без промедления. И что характерно, за образцовое выполнение этого святого дела Президиум Верховного Совета СССР своим постановлением за образцовое выполнение заданий правительства в деле обеспечения обороны страны всеми видами связи наградил орденом «Знак Почета» начальника Мишкинской конторы связи Вениамина Михайловича Филиппова и старшего надсмотрщика линии связи Павла Ивановича Борчатова. С первых дней войны образцово работали и почтальоны Веденского почтового отделения под руководством Ульяны Федоровны Зайцевой. Им в апреле 1942 года было присвоено звание «Лучшее почтовое отделение Челябинской области». А летом 1942 года Переходящего Красного Знамени был удостоен коллектив Мишкинского районного отделения связи, которое впоследствии было передано на вечное хранение и находится сейчас в районном краеведческом музее. Вот что такое связь в единстве фронта и тыла.

ОБОРОНЯЛИ «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»

Приведу далее воспоминания еще одного мишкинца Александра Антоновича Биндюка, касающегося этого же периода:

«В июле сорок первого я был уже в действующей армии. Прошел, вернее, прополз от Брянска до Подмосковья. На нас наступала танковая группа Гудериана, нацеленная на Москву. Постоянные окружения, ближний и рукопашный бои были обычным явлением. Наша 287-я стрелковая дивизия под ударами мощных танковых сил, проявляя невиданный героизм, обескровленной и измотанной пришла в Подмосковье. И не только пришла. Объединившись с такими же измотанными частями стала основой новых соединений, которые оснащались новым вооружени-

ем, теплым обмундированием Мы стали бойцами тех частей, которые 5 декабря 1941 года начали массовое изгнание фашистов от Москвы.

Мы действовали в районе города Елец, шоссе-ной дороги Ефремов-Тула. Здесь я, с огромной радостью и гордостью, увидел удирающих гитлеровцев, но был ранен в правое предплечье и попал в госпиталь.

После излечения был назначен в 45-ю стрелковую дивизию в должности помкомвзвода 69-го отдельного противотанкового дивизиона. Наша дивизия пополнилась курсантами Ульяновского пехотного училища. Нам предстояло стать защитниками Сталинграда. Напутствовали нас жена и дочь Николая Щорса, героя гражданской войны, первого командира 45-й дивизии. В ответном слове от личного состава, которое было поручено произнести мне, бойцы заверили наших дорогих гостей, что сделают все для достижения победы над врагом.

Ехали и шли мы вдоль левого берега Волги многие сотни километров. То и дело раздавались команды “Воздух! Ложись! “. Нас часто бомбили с воздуха немецкие летчики.

Наконец, мы у заветной цели. Погрузились на паром, отчалили и попали под мощный обстрел. Чудом добрались до правого берега и оказались в самом пекле войны. Здесь решалась судьба нашей Родины. Это был октябрь-ноябрь сорок второго. Нашим плацдармом была узкая полоска земли вдоль Волги. 45-я стрелковая дивизия защищала завод “Красный Октябрь”. Борьба шла за каждый метр завод-

*Биндюк
Александр Антонович*

Контратакуют гвардейцы

ской территории. Нередко бывало, что в одном конце цеха мы, в другом – немцы. Глаза в глаза, стрельба в упор.

В книге “Сражение века” командующий 62-й армией, в состав которой входила наша 45-я стрелковая дивизия, Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков пишет: “Представьте себе 62-ю армию в Сталинграде, занимающую около трех месяцев оборону на узкой полосе земли вдоль берега Волги. Если она не воспользуется случаем ударить измотанного боями противника, чтобы отеснить его хотя бы на 200-300 метров от берега, то сама может оказаться в реке. Разве можно было тогда сидеть на самом берегу Волги и ждать.

Наша контратака состоялась 31 октября и, на мой взгляд, принесла нам большие успехи. Мы кое-где продвинулись метров на сто вперед, заняли западную часть Новосельской улицы, западную опушку садов, на заводе “Красный Октябрь” вернули мартовский, калибровый, сортовой цехи и склад готовой продукции. Получилось так, что последний удар в конце схватки, продолжавшейся с 14 по 31 октября, нанесли мы, а не противник. Это была наша моральная победа, которую принесла нам 45-я дивизия... Дивизия носила имя ее первого командира Николая Щорса”

Я счастлив, что в годы суровых для нашей Родины испытаний служил в этой легендарной дивизии и вместе со своим командиром дивизиона, старшиной Иваном Семеновичем Фофановым, вложил свой скромный вклад в защиту истерзанной сталинградской земли. Как святую реликвию храню я присланные из Москвы в 70-е годы советом ветеранов 62-й, а потом 8-й гвардейской армии памятный знак и удостоверение ветерана армии за подписью почетного председателя совета Василия Ивановича Чуйкова”.

Действительно, воины 39-й и 45-й дивизии 62-й армии при поддержке авиации и артиллерии фронта решительно контратаковали врага и выбили фашистов из крупнейших цехов завода “Красный Октябрь”. Ожесточенные бои продолжались днем и ночью, но немецко-фашистские войска не сумели овладеть территорией всего завода и выйти к Волге. Из 7-и районов города им удалось захватить 5 частично и 1 полностью. И только Кировский район, окруженный врагом с трех сторон, в течение всей битвы оставался единственным, куда гитлеровцы так и не смогли прорваться.

В сражающемся Сталинграде работники военных комиссариатов не только поставляли пополнение в войска, как это было в конце сентября, когда по просьбе Военного совета фронта Сталинградский комитет обороны провел дополнительную мобилизацию в армию. В войсковые части было передано 11 тысяч сталинградцев. Большая часть работников Судовой вступила в ряды защитников города. Но кроме этого военные комиссариаты Сталинграда принимали участие в формировании отрядов народного ополчения, которые сыграли исключительную роль в обороне крупных предприятий и заводов, в охране переправ, в проведении разведки на территории, занятой гитлеровцами.

20 сентября 1942 года газета “Правда” писала в передовой статье “ В борьбе за Сталинград наш народ работает и будет работать с возрастающей энергией, чтобы помочь славным защитникам Сталинграда”. Сталинградский комитет обо-

роны обратился к населению города с призывом “Все на строительство баррикад! Все на разгром и изгнание извергов человечества – фашистской нечисти из нашего города!”. В те дни около 7 тысяч комсомольцев и молодежи добровольно вступили в ряды защитников Сталинграда.

В тылу врага активные боевые действия начала подпольная партизанская группа комсомольцев Сталинграда под командованием М. И. Красноюрченко.

И. Я. Бабичев, оставшийся в тылу врага, организовал крушение фашистского поезда на 143-м километре, который шел на Сталинградский фронт с боеприпасами и горючим. Весь эшелон взорвался и сгорел.

Надо сказать, что многие сталинградцы не пожелали покидать свой город ни при каких обстоятельствах. Известно, что в Ворошиловском районе Сталинграда особенно активно боролись с захватчиками рабочие семьи Балагушкиных и Ивановых. Осенью 1942 года они подорвали два склада боеприпасов врага, захватили важные штабные документы, доставляли “языков”, засекали огневые точки противника, а при возможности и сами уничтожали гитлеровцев.

В октябре гитлеровцы начали заметно выдыхаться. Еще бы, в боях под Сталинградом ими было уже потеряно около 700 тысяч солдат, свыше тысячи танков, около полутора тысяч самолетов, более двух тысяч орудий. На глазах падал моральный дух немцев. Гитлер негодовал. Сместил с поста начальника Генштаба сухопутных войск генерал-полковника Франса Гальдера, требовал нового напора войск в Сталинграде. И генералы гнали солдат на верную смерть, трупами мости-

Яков Федотович Павлов и дом, который он защищал

ли дорогу к Волге.

Подобной войны и боев еще никто и никогда не видел. Что значит ежесекундный риск жизнью, продолжающийся неделями, если развалины домов и цехов по несколько раз в день переходили из рук в руки. Если наши на первом и втором этажах, а в подвале и наверху гитлеровцы? Если за победу над врагом приходится драться не только оружием, но и кулаками, вгрызаться зубами в горло? В этих боях успех решался каждым конкретным бойцом, его стойкостью, выносливостью, ненавистью к врагу. Ну кто, скажем, мог заставить рядового Михаила Паникахи выскочить из своего окопа и броситься на немецкий танк после того, как пуля разбила в его руках бутылку с зажигательной смесью и пламя охватило бойца? Упав, катайся, сбивай огонь – и ты спасен. А фашистский танк?! Он пройдет вперед. А за спиной солдата – Волга. И выскочивший боец вскакивает на танк, обнимает броню у баков машины. Огненный факел полыхнул вместо обоих. Человека и машины!

А 27 сентября, почти в центре города, по улице 9 января (ныне имени Ленина) группа бойцов под командованием сержанта Якова Федотовича Павлова заняла 4-х этажный дом. Ни жесточайшие обстрелы, ни бомбежки немцев не вынудили гвардейцев покинуть его. В одном из боев Павлов был ранен и отправлен за Волгу, вместо него отважный “гарнизон” дома возглавил лейтенант Афанасьев. 58 дней и ночей продолжались бои за дом. Гвардейцы выстояли. Что еще важно: в этой горстке храбрецов были русские и украинцы, грузины и евреи, татары, казахи и таджики. И все они бились за этот дом, как за родной кров. Этот дом и сегодня носит имя Павлова, к сожалению, о втором командире гвардейцев, лейтенанте Афанасьеве, история умалчивает. А он обеспечивал оборону дома более длительное время, и выдержал самые тяжелые бои. Так продолжаться не должно. И истину необходимо восстановить. (П. Селезнев, “Дубовка”, Волгоград, 1999, с. 79)

В эти же дни Ставка Верховного Главнокомандования передала 62-й армии Чуйкова 284-ю стрелковую дивизию, героическими действиями прославившуюся в Сталинграде, а ее снайпер Василий Зайцев стал известен всей стране, уничтожив только в Сталинграде 242 фашиста.

Примечательно, что одним из продолжателей сталинградского подвига снайпера Зайцева Василия стал и наш земляк Иван Петрович Гореликов. Допризывную подготовку он прошел по снайперскому делу в школе Всевобуча Глядянского района, был красноармейцем, сержантом, старшим сержантом, а к концу войны был уже лейтенантом. Он подготовил 87 отличных снайперов. А о самом Гореликове фронтовая газета писала, что его товарищи сложили частушку и расппевают в часы свободные от выхода на боевое дежурство:

*У Гореликова счет
Изумительно растет.
Этот снайпер в ад отправил
Фрицев более двух рот...*

За свое умение уничтожать фашистских захватчиков Гореликов был награжден медалью “За отвагу”, орденом Красной Звезды, двумя орденами Славы.

В первые дни ноября представители Ставки Верховного Главнокомандования Георгий Константинович Жуков и Александр Михайлович Василевский совместно с командованием Юго-Западного и Донского фронтов рассмотрели и откорректировали план предстоящего контрнаступления советских войск под Сталинградом.

Ставка в этих районах наращивала силы, в тылу страны формировались танковые и механизированные корпуса, артиллерийские и авиационные соединения и скрытно сосредоточивались в тылах фронтов.

В это же время командование Сталинградского фронта получило информацию органов разведки: Паулюс пополняет свои войска в Сталинграде людьми и техникой, готовит новый штурм города. Немцы решили использовать то, что установились крепкие морозы, на Волге начался ледоход, берега покрылись ледяной коркой, что усложнило связь между ними. Доставка боеприпасов и продовольствия советским войскам и вывоз раненых производились бронекатерами. Это усложнило и до того труднейшую обстановку в осажденном городе.

А Гитлер в это время, 9 ноября 1942 года, в Мюнхене восклицал: “Сталинград наш! Там лишь в нескольких домах еще сидят русские. Ну и пусть сидят. Это их личное дело. А наше дело сделано. Город, носящий имя Сталина, в наших руках. И нет такой силы в мире, которая может нас сдвинуть с этого места... вы можете быть уверены, я повторяю со всей ответственностью перед Богом и историей: из Сталинграда мы никогда не уйдем. Никогда!”

Последнее наступление немцев началось 11 ноября. Были дни, когда на отдельных участках ими предпринималось до 12 атак. Они вышли к Волге в третьей точке, но и тогда не достигли желаемых результатов. У немцев возник моральный износ войск. Они растеряли последние остатки боевого духа.

НА ВОЛЖСКИХ ПЕРЕПРАВАХ

А вот как вспоминает об этих днях Сталинградской эпопеи наш земляк Григорий Арсентьевич Гулько: *“Днем и ночью под непрекращающимся огнем врага совершались “смертные рейсы” с одного берега Волги на другой. Под бомбежками, обстрелом артиллерии и минометов везли оружие, снаряды, патроны, медикаменты, продовольствие, фураж, пополнение. “Буду жив или нет?” – на этот вопрос, садясь в лодку или катер, не мог ответить себе никто. Никогда не забуду последний рейс через Волгу по воде. Стоял конец ноября. По реке плыли массивные льдины, а вдоль берегов, будто охраняя их, тянулось густое “сало” шуги. По всему было видно: еще день-два и связь с противоположным берегом, пока не устано-*

Гулько
Григорий Арсентьевич

Слева направо: командир 1326 стрелковой дивизии герой Советского Союза гвардии генерал-майор Родимцев Александр Ильич, начальник штаба дивизии гвардии подполковник Беляев Тихон Владимирович. Фото из архива ветерана дивизии Григория Арсентьевича Гулько.

вится санный путь, прекратится. Положение осложнилось чрезвычайно. Ценой больших потерь немцы вновь яростно наступали. Их атаки следовали одна за другой, а боеприпасы у защитников Сталинграда были на исходе.

Комдивом Родимцевым Александром Ильичем был вызван в штаб дивизии командир нашего саперного батальона майор Владимир Петрович Горлов.

Перед ним поставили задачу – до утра переправить за Волгу группу раненых бойцов, а обратно доставить боеприпасы и продовольствие. Возглавить экспедицию поручили мне. Стояла густая тьма. Мы на двух саперных лодках переправили раненых и подгребли к барже. А там уже полным ходом шла погрузка. Бойцы грузили на баржу ящики со снарядами, патронами и минами, мешки с крупой и сахаром, ящики с медикаментами. Вражеская артиллерия то и дело обстреливала место погрузки. Один снаряд угодил на берегу в машину с боеприпасами. Начали рваться снаряды. Решив, что они нацупали цель, немцы усилили огонь. Но баржа к этому времени была уже загружена, заканчивалась посадка пополнения – пятисот воинов-сибиряков.

Мои саперы заняли свои места, подготовили багры и трос-буксир. Подошел бронекатер. “Полный вперед!” – скомандовал капитан. Трос натянулся как струна, но баржа не двигалась. Груз припаял ее днище к отмели.

Тогда, не ожидая команды, красноармейцы стали выпрыгивать за борт, чтобы помочь буксиру. Люди по пояс в ледяной воде уперлись, помогая дать ход барже.

Она дрогнула, медленно, как черепаха, поползла за буксиром. Кругом грохотались льдины. Опытному капитану приходилось буквально “прогрызать” путь среди льда.

Некоторое время шли незамеченными, но вскоре баржу обнаружили гитлеровцы. Их батареи обрушили на нас шквал огня. Чем ближе к берегу, тем медленнее двигалась баржа. Шуга становилась все гуще. Горячие осколки разорвавшейся мины резанули по бутылкам со спиртом. Всего в нескольких шагах от ящиков со снарядами и патронами взметнулось пламя. Смерть “дыхнула” людям в лицо. Обжигая лица и руки, моряки и солдаты сбивали пламя шинелями, швыряли за борт ящики, которые уже нельзя было погасить...

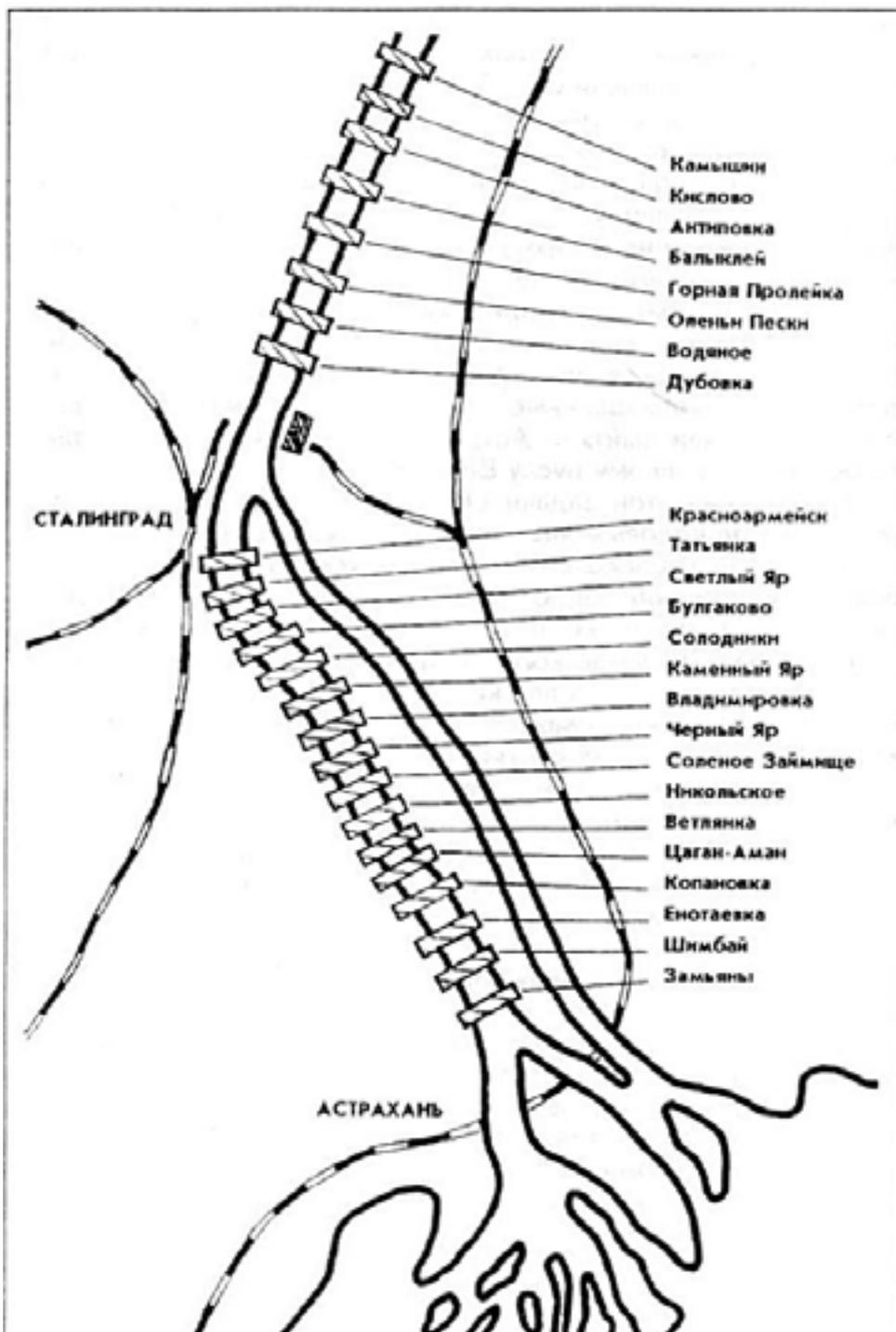
Баржа подошла к берегу и стала в восьми – десяти метрах от суши. Прямо по воде бойцы выносили с нее грузы.

Это был последний водный переход через Волгу. К рассвету реку сковал лед”.

О сталинградских переправах времен великой битвы на Волге надо сказать особо. Во всей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов не было переправ, подобных сталинградским. Они отличались от всех других большой продолжительностью, огромным количеством переброшенных через Волгу войск, боевой техники, различных воинских грузов, раненых и гражданского населения, большим числом уничтоженных переправочных средств и великими жертвами, принесенными воинами и населением.

На сталинградских переправах использовались все известные в военной практике элементы переправ, но, главным образом, это были переправы паромные, так как переброска огромных масс людей, тяжелой техники и многотонных грузов через такой широкий и глубокий водоем при отсутствии мостов была возможна лишь паромными и судами большой грузоподъемности.

Кроме паромов и крупных судов, перевозку людей и нетяжеловесных гру-

Карта сталинградских переправ на Нижней Волге. Август – ноябрь 1942

зов осуществляли и небольшие одиночные речные суда, бронекатера, тральщики и вспомогательные суда Волжской военной флотилии, табельные и нетабельные переправочные средства инженерных войск сражавшихся в районе Сталинграда армий. Наряду с этим существовали свайные, понтонные и свайно-понтонные мосты как через реку Волгу, так и через реки Куропатку и Ахтубу. Мостовые переправы, как показала практика, могли функционировать лишь в местах, где они не могли быть подвергнуты минометному и артиллерийскому обстрелу противника.

Для воинских перевозок широко использовались железнодорожная паромная переправа через Волгу от Лотошники до Паромной, а также паромные переправы местного флота в районах Сталинградского тракторного, заводов “Красный Октябрь” и “Баррикады”, Сталинград, Бекетовка, Красноармейск и другие.

Кроме того, весь период обороны города, в том числе и во время ледохода, были организованы и действовали армейская, дивизионные и бригадные лодочные переправы через Волгу и Денежную воложку. Наконец, с конца сентября и до начала ледохода действовали штурмовые пешеходные мостики через Денежную воложку в районах тракторного завода и “Баррикады”. В некоторых случаях переправы войск на правый берег Волги носили характер десантных. Так, передовые отряды, переправляемые 13-й гвардейской 138-й и 284-й стрелковыми дивизиями, вынуждены были предварительно выбивать просочившиеся к берегу Волги вражеские группы автоматчиков, а затем уже переправлять свои основные силы. Еще до начала Сталинградской битвы значительная часть флота Нижне-Волжского речного пароходства и

“Волготанкера”, кроме государственных перевозок, была занята перевозками в интересах действующих фронтов. Кроме того, значительное число паромных переправ через Волгу на участке от Замьяны до Камышина перевозили на левый берег скот, сельскохозяйственную технику, народнохозяйственные грузы и население, а на правый берег воинские грузы.

С началом Сталинградской битвы и приближением фронта к Сталинграду роль перевозок на Волге и переправ через нее, в том числе и сталинградских переправ, неизмеримо возросла. В соответствии с этим многие из переправ полностью перешли под контроль военного командования, при этом их число возрастало. Вместе в тем возрастала и их пропускная способность как за счет

увеличения числа судов, работавших на них, так и за счет перехода их на круглосуточную работу. Без этого сталинградцам было бы не сдержать напора гитлеровцев.

Начиная с 23 июля 1942 года, когда фашистская авиация начала минировать волжские фарватеры и наносить бомбовые удары по судам, все переправы Нижней Волги продолжали работать в условиях минной опасности, бомбежки и обстрелов с воздуха. С выходом фашистских войск к берегу Волги сначала в районе Акатовки (23 августа 1942 года), затем в районе Купоросного (13 сентября 1942 года), а также с занятием противником господствующих высот над городом – Мамаева кургана и Дар-горы, – сталинград-

ские переправы, особенно те, которые были в центральной части города, стали работать в условиях непрерывного обстрела с берега артиллерией, минометами и даже ружейно-пулеметным огнем противника, из-за чего они вынуждены были перейти на работу только в темное время суток.

Сталинградские переправы постоянно несли значительные потери в людях и судах. Несмотря на это, они не прекращали своей работы, так как армия остро нуждалась в боеприпасах и продовольствии, пополнении людьми и военной техникой. Кроме того, надо было вывозить раненых и гражданское население на левый берег Волги.

Волжская военная флотилия, принимавшая непосредственное участие в защите волжской коммуникации и в битве за Сталинград, была сформирована на основании приказа народного комиссара Военно-Морского Флота Союза ССР адмирала Николая Герасимовича Кузнецова в конце 1941 года. В 1942 году командующим флотилией был назначен контр-адмирал Д. Д. Рогачев, руководивший в 1941 году боевыми действиями Пинской военной флотилии. С приближением фронта к Сталинграду 24 июля 1942 года Волжская военная флотилия была подчинена в оперативном отношении Сталинградскому, а с 6 августа 1942 года – Юго-Восточному фронту.

Тральные силы, Волжский военный флот, начиная с 24 июля 1942 года и до самого начала ледохода, производили очищение Волги от вражеских мин, обеспечивая судоходство. Канонерские лодки, плавбатареи, одна железнодорожная батарея и бронекатера поддерживали артиллерийским и минометным огнем наши сухопутные войска, а с 25 июля по 23 августа бронекатера, часть канонерских лодок и тральщиков флотилии конвоировали речные суда, прикрывая их от нападения вражеской авиации. С 23 августа 1942 года до 10 тральщиков и несколько вспомогательных судов Волжской военной флотилии уже использовались на сталинградских переправах эпизодически, а со второй половины сентября до 20 тральщиков, 12 бронекатеров и несколько вспомогательных судов курсировали на этих переправах постоянно. С 27 сентября 1942 года начала действовать “Переправа-62” – легендарная переправа 62-й армии, организованная ее командующим генерал-лейтенантом Василием Ивановичем Чуйковым.

В самые тяжелые дни обороны Сталинграда “Переправа-62” под жестоким артиллерийским и минометным огнем и бомбежкой вражеской авиацией обеспечивала армию людским пополнением, продовольствием, боеприпасами и военной техникой, а на левый берег вывозила раненых. Эта переправа была главным нервом, связывавшим ее с тылами.

Если бы противнику удалось порвать этот нерв, армия бы погибла.

Начавшийся с 10 ноября 1942 года сильный ледоход на Волге до предела затруднил работу всех сталинградских переправ, в том числе и переправ южнее Сталинграда, где в то время шла интенсивная переброска войск, военной техники, продовольствия и горючего для подготовки контрнаступления.

В этих тяжелейших условиях от личного состава, работавшего на сталинградских переправах, требовалось проявление особенно высоких мораль-

но-боевых качеств, готовности выполнить поставленную задачу во что бы то ни стало, даже ценой жизни. Именно такими были славные речники Волги, моряки Волжской военной флотилии, бойцы и командиры понтонно-мостовых, инженерных, строительных и других батальонов инженерных войск. До самого ледостава, до 16 декабря 1942 года они под огнем врага совершали героические рейсы к правому берегу Волги, где оборонялась 62-я армия, на огненный остров Ивана Ильича Людникова, а до 23 ноября и в группу войск полковника Горохова.

Работники переправ показали себя подлинными героями Сталинградской битвы, достойными своих товарищей, сражавшихся в окопах Сталинграда. Высокую оценку деятельности сталинградских переправ, героизму и мужеству личного состава, обслуживавшего их, дали в то время выдающиеся полководцы Сталинградской битвы Советской Армии генерал армии Георгий Константинович Жуков, генерал-полковник Андрей Иванович Еременко, генералы Василий Иванович Чуйков, Александр Ильич Родимцев, Иван Ильич Людников и многие другие.

Героический подвиг речников и бойцов Сталинградских переправ никогда не померкнет.

ВСЕМ МИРОМ

Советское командование в ходе сталинградских боев к осени 1942 года уже почувствовало, что гитлеровцам не взять города: ненависть к захватчикам у солдат была сильнее всяких приказов не пропустить врага. Уже в октябре Генштаб начал разработку плана контрнаступления наших войск под Сталинградом. 13 ноября он был утвержден Ставкой под кодовым названием “Уран”. Началась его проработка командованием фронтов, накапливание резервов воинских частей и техники, продовольствия и зимнего обмундирования. И как тут не сказать нам о славных делах наших земляков, внесших весомый вклад в успех сталинградского сражения.

Осенью 1942 года с инициативой по сбору теплых вещей для фронта выступили труженики Далматовского района. Они решили собрать и передать Красной Армии 200 полушубков, 450 пар валенок, 1250 пар шерстяных варежек, другие теплые вещи, необходимые на фронте. Это обязательство было ими перевыполнено.

Елена Константиновна Кулакова, учительница математики, “Отличник просвещения”, “Заслуженный учитель школы РСФСР”, кавалер ордена Ле-

Кулакова
Елена Константиновна

нина в своих воспоминаниях пишет: “ Когда начинают говорить о войне, то я вспоминаю 1942 год. Неожиданно в октябре выпал глубокий снег и ощутимо морозило. Многие неубранные поля покрылись снегом. Нас, пятиклассников, построили на линейку, и директор школы призвала помочь фронту – убрать с полей картофель. Наши детские сердца были полны ненависти к фашистам. Коварный враг напал на любимую Родину. Он топчет нашу землю. Уже целый год шел смертельный бой не на жизнь – на смерть. И мы искренне хоть как-то хотели помочь Красной Армии бить фашистских извергов.

У меня не было теплой обуви. Мама сшила из старого пальто стеганки, а вместо галош приспособила спортивные тапочки. Одевшись потеплее, мы, маленькие полуголодные девочки построились парами и пошагали в деревню Глинки. Расселили нас по избам, а с утра – на работу. Поле громадное, просто бесконечное – и все под снегом.

Каждый день мы “оживляли” его. Урчал трактор, вспарывая плугом еще не промерзшую землю, выворачивая наверх картошку. Рассыпавшись по полю, присев на корточки, мы застывшими руками собирали клубни. А вечером возвращались на квартиру. Хозяйка кормила нас вареной картошкой, утирая тайком слезу, потом подсаживала на печь и мы, уставшие и промерзшие, засыпали мертвым сном. А утром снова в поле, под холодный ветерок. Задание выполнили по-боевому, за неделю. Возвратились в Курган измученные, но довольные – ведь помогли фронту. Большое внимание уделялось патриотическому воспитанию. Возник и тимуровский отряд. Сколько добрых дел делали мы, пионеры, как горды были своей помощью семьям фронтовиков! Однажды наш отряд собрали вечером. В Курган прибыл эшелон с ранеными красноармейцами. На вокзале, в слабоосвещенном зале на полу вплотную лежали раненые. Серые шинели, потемневшие от крови повязки на руках, ногах, горящие, воспаленные глаза, пересохшие губы, улыбки страдальческие, сквозь слезы. Как помочь им, облегчить страдания? И мы стали читать стихи, петь песни, выполнять гимнастические упражнения. Я пою тонким голоском: “На позицию девушка провожала бойца”... Раненый боец обнимает меня здоровой рукой и дает кусочек сахара. А душа моя рвалась на части: Будьте прокляты фашисты, принесшие горе моей стране. Где же брат мой, Иван, ведь он тоже на фронте, жив ли?”

С большой активностью проходил сбор теплых вещей для фронтовиков в Кургане. Вот строки из отчета военного отдела Курганского горкома ВКП(б) от 14 января 1943 года: “...По сбору теплых вещей для Красной Армии горком ВКП(б) утвердил городскую комиссию под председательством второго секретаря горкома партии. Аналогичные комиссии первичные парторганизации создали на предприятиях. Комиссии получили квитанционные книжки с тем, чтобы на каждую принятую вещь выписывалась квитанция.

Члены городской комиссии раскрепились в городе по секторам. Порядок сбора теплых вещей вначале проходил таким образом: городская комиссия давала примерную ориентировку для секретарей парторганизаций, а потом по примеру колхозников Далматовского района на каждом предприятии брали конкретные обяза-

Этот снимок сделан зимой 1942 года. На нем запечатлены: секретарь парткома завода Андрей Григорьевич Стряпихин с домохозяйками Л. Синченко, Е. Божко, А. Божко, В. Белюченко, Т. Большун, В. Ермаковой, В. Воробьевой, М. Проскуриной и другими, кто активно работал на подготовке и сборе вещей для Красной Армии.

тельства, сколько бойцов одеть, и боролись за их выполнение.

Всего собрано и сдано теплых вещей для Красной Армии с начала сбора и до 1 января 1943 года: валенок— 841 пара, 152 полушубка, 35 тулупов, 839 пар теплого белья, 3846 пар шерстяных варежек и носков, 362 ватных телогрейки, 18 брюк ватных, 1220 шапок-ушанок, 83 жилета, 248 пар меховых и 79 пар стеганых рукавиц, 678 пар белья нательного, 210 одеял байковых и другие вещи. Сбор теплых вещей продолжается. Активное участие в сборе теплых вещей принимали уличные комитеты и артели.

Трудящиеся Кургана собрали и отгрузили на фронт 32975 индивидуальных посылок с подарками, общим весом 82 тонны и 120 килограммов. В подарки входили: пряники, колбаса, водка, табак, кисеты, спички, воротнички, платочки, конфеты, трубки, портсигары, мундштуки, папиросы, мыло, бритвы и тому подобное”. (ГАОПДКО, ф. 10, оп. 14, д. 21, л. 19)

Патриотическое движение помощи Красной Армии широко развернулось и среди рабочих и служащих Петуховского стрелочного завода. За короткий срок было собрано 64467 рублей. В адрес коллектива поступила благодарственная телеграмма правительства. В ответ на благодарность из личных сбережений заводчане внесли дополнительно на изготовление боевой техники 50 тысяч наличными и обли-

гациями госзаймов – 190 тысяч рублей. Вечерами жены фронтовиков стрелочного завода собирались, чтобы прясть шерсть, вязать варежки и носки для отправки на фронт.

Колхозники, рабочие, служащие МТС, интеллигенция Петуховского района сдали для армии 400 пар валенок, 36 полушубков, более 800 пар носков, перчаток, варежек, 70 штук ватных брюк, множество кисетов.

Кустпромартель имени Карла Маркса шила полушубки, катала валенки, выделяла овчины. Пимокаты муж и жена Серовы скатали для Красной Армии 45 пар валенок, работник промкомбината Дроздецкий выделал безвозмездно для полушубков 200 овчин. Люди считали, что каждый должен внести свою лепту в великое дело победы над врагом. В народе появилась тогда поговорка: “С миру по нитке – Гитлеру веревка”.

Стрелочный завод выпускал снаряды, мины, гранаты. Фронт требовал: “Больше, лучше, быстрее!” И люди здесь трудились, не покладая рук. Хорошо поставленная работа позволила увеличить план выпуска боеприпасов. Заводчане неоднократно получали благодарности и денежные премии, а также правительственные телеграммы – благодарности за подписью Народного Комиссара Боеприпасов Бориса Львовича Ванникова и Председателя Государственного Комитета Обороны Иосифа Виссарионовича Сталина. К концу 1942 года коллектив завода добился значительного увеличения производства военной продукции: особо-фугасных снарядов 76-го калибра и ручных противопехотных гранат Ф-1 на 180-182 процента ежемесячно, против июня 1942 года. Высокие выработки норм были у Шлыкова – 889 процентов, Осокина – 666, Яровой – 500, Полукеева – 500 процентов. В механическом цехе 35 человек выполняли дневные нормы до 500 процентов, в литейном цехе таких же показателей добились 45 человек. Были на заводе и “тысячники” – рабочие, перевыполняющие норму в десять и более раз. Это Чуванов, Капитонов, Сенченко, Прудко, Юдина, Никоненко, Биличенко, Дмитриенко, Гайгеров, Покатилов, Могутнов и другие. В коллективе завода рабочие с подъемом говорили: “Чем больше дадим снарядов, тем быстрее побьем фашистских гадов!”. И такой настрой ширился и рос по всей стране.

СТАЛИНГРАДСКИЙ “КОТЕЛ”

Представители Ставки Верховного Главнокомандования Александр Михайлович Василевский и Николай Николаевич Воронов 17 ноября доложили Сталину о готовности фронтов Сталинградского направления к контрнаступлению в междуречье Дона и Волги. В тот же день военный комиссар Сталинградской области доложил Сталинградскому комитету обороны о вступлении в ряды Красной Армии 2200 добровольцев– комсомольцев и о том, что разбронированы и зачислены в войска дополнительно 1047 человек. Соотношение сил на Сталинградском направлении к началу контрнаступления было следующим:

	<i>Советские войска</i>	<i>Немецкие войска</i>	<i>Соотношение сил</i>
Личный состав	1103000	1011500	1,1:1
Орудия и минометы	15501	10290	1,5:1
Танки и штурмовые орудия	1463	675	2,2:1
Боевые самолеты	1350	1216	1,1:1

Войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление севернее Сталинграда. Главный удар наносил Юго-Западный фронт. Его ударная группировка 21-я армия и 5-я танковая армия при поддержке 2-й и 17-й воздушных армий нанесли удар с плацдармов у Клетской и Серафимовича.

Наступление войск Юго-Западного и Донского фронтов началось после мощного артобстрела утром 19 ноября. Войска 5-й танковой и 21-й армии прорвали оборону стоявшей здесь 3-й румынской армии. Немецкие части, находящиеся за румынами, мощным контрударом хотели задержать наши войска, но были разгромлены. В прорыв были введены 1-й и 26-й танковые корпуса, которые и продвинулись в район Калача. 65-я армия Донского фронта начала атаки на юго-восток в направлении хутора Вертячий и отрезала отход гитлеровцам на запад.

Командующий немецко-фашистской группой армии "Б" генерал Вейхс направил Паулюсу приказ, в котором требовал: немедленно прекратить все наступательные действия в Сталинграде, выделить 4 соединения для нанесения удара в северо-западном направлении против наступающих войск Красной Армии.

20 ноября войска Сталинградского фронта пошли в наступление южнее Сталинграда. 64-я, 57-я и 51-я армии атаковали противника в районе Сарпинских озер, во второй половине дня прорвали оборону противника на всех участках наступления. Подвижные войска фронта устремились в глубь обороны врага в северо-западном и юго-западном направлениях, к исходу дня продвинулись на 10-15 километров.

Юго-Западный фронт успешно развивал наступление. Танковые соединения вышли в район Манойлина и резко повернули на восток, по кратчайшему пути устремились к Дону, в район Калача. Передовые части достигли Голубинского, в котором размещался штаб 6-й армии. Паулюс спешно передислоцировал его в Нижне-чирскую, затем в Гумрак.

Навстречу Юго-Западному фронту с юга с боями продвигались армии Сталинградского фронта, расстояние между фронтами сократилось до 80 километров.

Передовой отряд 26-го танкового корпуса Юго-Западного фронта, действуя стремительно и дерзко, захватил исправный мост через Дон у хутора Березовский. Танкисты бригады полковника Филиппенко, сломив яростное сопротивление врага, переправились через Дон и сосредоточились в лесу северо-восточнее Калача. 21-я и 5-я танковая армии завершили окружение 5 румынских дивизий в районе Расопинской.

Петр Игнатьевич Ситников, тракторист из села Пьянково Белозерского района, вернувшийся с полей Отечественной войны полным кавалером ордена Славы, вспоминал, как 63-я стрелковая дивизия, в которой он служил, отличилась при разгроме группировки противника в районе Распопинской.

“Наше орудие – рассказывал Петр Ситников, – поддерживало пехоту. Мы, артиллеристы, на руках тащили пушку по глубокому снегу, старались не отстать от наступающих. Путь пехоте преградил сильный пулеметный огонь, который гитлеровцы вели из трехамбразурного дота. Бойцы залегли. Мы с товарищами установили орудие на прямую наводку и с трех выстрелов заставили замолчать вражеский дот. Наступление продолжалось. Весь наш расчет за отличие в этом бою был награжден медалями “За отвагу”.

20 ноября атаковали противника и части Сталинградского фронта. После прорыва обороны немцев сюда были направлены 4-й механизированный и 13-й танковый корпуса, также 4-й кавалерийский корпус. Контратаки немцев не имели успеха. 23 ноября наступающие войска наших фронтов встретились в районе хутора Советский, замкнув кольцо окружения сталинградской группировки гитлеровских войск. В окружении оказались основные силы армии Паулюса и часть войск 4-й немецкой танковой армии. Всего 22 дивизии и 160 различных воинских частей общей численностью 330 тысяч человек. За неделю боев площадь, занимаемая окруженными немецкими войсками, уменьшилась вдвое и составляла расстояние около 80 километров с запада на восток и около 40 – с севера на юг. Нашими войсками был создан и внешний фронт кольца, который отстоял от внутренней линии фронта на 40-100 километров.

23 ноября Паулюс, понимая всю сложность обстановки, радиовал Гитлеру: “Армия окажется в ближайшее время на краю гибели, если не удастся сосредоточить все силы и нанести поражение войскам противника, наступающим с юга и запада. Для этого необходимо снять все дивизии из Сталинграда и значительные силы с северного участка фронта. Неизбежным следствием этого должен быть прорыв в юго-западном направлении, поскольку такими незначительными силами невозможно организовать оборону восточного и северного участков фронта”.

Гитлер ответил отказом на предложение Паулюса: “Войска шестой армии временно окружены русскими... Личный состав армии может быть уверен, что я предприму все для того, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить ее из окружения. Я знаю храбрый личный состав шестой армии, ее командующего и уверен, что вы все выполните свой долг”

Гитлер приказал удерживать Сталинград во что бы то ни стало. Против нашего внешнего фронта оперативно была создана группа армии “Дон” под командовани-

*Ситников
Петр Игнатьевич*

Горячей была встреча воинов Юго-Западного и Сталинградского фронтов

ем фельдмаршала Эриха фон Манштейна. В нее вошли свежие дивизии из Франции и Германии, остатки 4-й танковой армии Гота, части, переброшенные с других фронтов. Эти силы группировались в районах Котельниково и Тармосина.

Группировка Гота 12 декабря начала мощное наступление из района Котельниково вдоль железной дороги на Сталинград. Используя огромное превосходство в силах, гитлеровцы потеснили части 51-й армии за реку Аксай, но здесь были остановлены. После подкрепления резервами и танками немцы возобновили напор и продвинулись вперед, понеся большие потери, но снова были задержаны 2-й гвардейской армией Родиона Яковлевича Малиновского, срочно переброшенной сюда начальником Генштаба Василевским, и силами 51-й армии.

В это время начали наступление войска Юго-Западного фронта и 6-й армии Воронежского фронта. Они создали угрозу захода в тыл Тармосинской группировки немцев. В ходе 3-х дневных боев фронт немцев был здесь прорван в пяти направлениях. Гитлеровцы бросили сюда силы из Тармосино, которые планировалось использовать для пробивки коридора к армии Паулюса. К началу 1943 года внешний фронт оттеснил германские войска на 200-250 километров от окруженной в Сталинграде группировки.

Интересны, на мой взгляд, дневниковые записи летчика, Героя Советского Союза, нашего земляка Ивана Степановича Волкова, характеризующие обстановку тех дней:

10 ноября. Выполняли всевозможную работу: прикрывали пароходы Волжской флотилии, сбрасывали своим войскам грузы, бомбометание переднего края. Напряжение увеличилось до 8-9 самолетовылетов в ночь. Положение наших войск в Сталинграде исключительно трудное. Наши прижаты к

реке и занимают небольшой кусочек в районе заводов “Баррикады” и Тракторного. Немцы простреливают их из всех видов оружия. Переправы держат под непрерывным огнем. Видимость ограничена. Для сбрасывания снижаемся до 100-150 метров. Немцы обстреливают даже из автоматов. Часть грузов упала в Волгу.

19 ноября. Никто не ожидал таких событий! Наши перешли в наступление и энергично окружают немецкую армию.

10 декабря. Работаем по уничтожению окруженной 6-й немецкой армии. Больше всего делаем вылетов по блокировке аэродрома “Питомник”, где садятся “Юнкерсы-52”, подбрасывающие своим войскам грузы. Аэродром нашли мы с Осиповым. Приходилось летать при высоте облачности 300 метров. Линию фронта проходили в облаках. На аэродроме много подбитых “Юнкерсов”. Несколько раз бомбили по самолетам во время посадки на пробеге. Наши части наступают на юг.

20 декабря. Немцы со стороны Котельниково армией Маништейна пытались прорваться к окруженной группировке Паулюса, но были остановлены. Наши части стали отбрасывать немцев на юг. Мы поддерживаем это наступление с аэродрома подскока. Иногда летали и на Сталинград. Пришлось однажды за один вылет выбросить до 100 тысяч листовок. Летали на Сталинград днем.

Волков Иван Степанович

Защитники Сталинграда

На 1 января 1943 года у меня боевых вылетов на У-2 – 537. Боевой налет 650 часов.

Наступил 1943 год. 15 января. Работаем по целям: аэродром Сальск, переправы через Манич. Вчера полетели на переправу с Осиповым. Только легли на обратный курс, вышли из строя два цилиндра. Идем со снижением. Удастся ли дотянуть до расположения своих войск? Дотянули”.

В январе 1943 года положение немцев в Сталинграде было катастрофическим. Их территория простреливалась со всех сторон советской артиллерией, на исходе были боезапасы, солдатам и самому Паулюсу выдавали по 150 граммов хлеба в день. Немцы доедали армейских лошадей. Вот выдержки из дневника немецкого солдата Вильгельма Гофмана:

“29 июня 1942 года. Командир роты говорит, что русские войска совсем разбиты, держаться долго не смогут. Выйти на Волгу и взять Сталинград для наших армий не такое уж сложное дело. Фюрер знает, где слабое место у русских, победа близка”.

“27 сентября 1942 года. Сталинград – это ад! Счастливы те, которые получают только ранения, они, безусловно, будут дома и вместе с родными отпразднуют победу...”.

“28 декабря 1942 года. Лошадей уже всех съели. Я готов съесть кошку, говорят у нее мясо очень вкусное. Солдаты стали похожи на мертвецов или на обезумевших людей, ищущих чего-нибудь сунуть в рот. Они уже не прячутся от снарядов русских, нет сил ходить, сгибаться и прятаться. Будь проклята эта война!”

Восьмого января советское командование предъявило ультиматум руководству шестой армии немцев. Но оно, по приказу Гитлера, отклонило его.

Десятого января советские войска перешли в наступление по уничтожению противника. Но бои были очень тяжелыми и кровопролитными. Только 26 января удалось рассечь немецкую группировку. А за неделю перед этим Паулюс вновь просил Гитлера на свободу действий, но в ответе Гитлер телеграфировал: “Армия должна выполнить свою историческую миссию: выстояв до конца, она сделает возможным образование нового фронта севернее Ростова и отвод группы армий с Кавказа”.

Паулюс понял смысл принесения в жертву солдат 6-й армии и производство его в генерал-фельдмаршалы. С таким званием в плен не сдаются.

КАК БЫЛ ПЛЕНЕН ФЕЛЬДМАРШАЛ ПАУЛЮС

Войска 64-й армии под командованием нашего земляка генерала Шумилова активно действовали в южной части города – Красноармейском и Кировском районах: выбивали гитлеровцев из развалин. В одном из домов сдался солдат. Его допросили. Пленный рассказал, что эти здания являются опорным пунктом на подступах к центральному универмагу, где в подвале, вероятно, размеща-

ется штаб шестой армии во главе с фон Паулюсом.

Об этих показаниях немца командир 38-й мотострелковой бригады полковник Бурмаков немедленно доложил командарму. По указанию Шумилова ночью подтянули артиллерию, крупнокалиберными снарядами разбили опорные пункты, здание универмага блокировали, телефонные провода перерезали.

31 января 1943 года командующий фашистской группировкой войск, прежде чем сдаться в плен, передал Гитлеру радиограмму: **“У дверей русский...”** Что побудило генерал-фельдмаршала Паулюса составить именно такой текст? “Русский” – олицетворение всех советских войск, окруживших штаб 6-й немецкой армии, или конкретная личность? Если личность, то кто он, наш солдат, заставивший фельдмаршала вписать его имя в историю? Эти вопросы возникли у историка и журналиста Александра Кочукова, когда он изучал документы Сталинградской битвы.

Поиск легче вести по горячим следам события. А тут несколько десятилетий отделяли от победного сталинградского финала. Многих из тех, кто участвовал в операции по пленению Паулюса, уже не было в живых. Правда, здравствовали еще в ту пору генерал Иван Дмитриевич Бурмаков и полковник Леонид Абович Винокур. Первый был командиром, а второй – заместителем командира по политической части 38-й (7-й гвардейской) отдельной мотострелковой бригады, воины которой брали в плен Паулюса. Вот что они поведали Кочукову:

“...В последних числах января 1943 года из опроса пленных командарм 64-й армии генерал-лейтенант Михаил Степанович Шумилов узнал, что где-то в центре Сталинграда расположен штаб армии Паулюса. Он взял из своего резерва 38-ю мотострелковую бригаду и поставил перед ней задачу разыскать пристанище вражеского командования.

Полковник Бурмаков вызвал к себе заместителя начальника штаба бригады старшего лейтенанта Ильченко.

– Паулюс где-то здесь. Отправляйся к ребятам, которые штурмуют здание городского театра и центрального универмага. Чаще опрашивай пленных.

Несколько часов под неистовым огнем врага старший лейтенант Ильченко, где короткими перебежками, где по-пластунски, метался от одной штурмовой группы к другой. В полночь напал на след. На допросе один из пленных фашистских офицеров высказал предположение, что штаб армии и ее командующий находятся в подвале универмага.

С группой разведчиков Федор Ильченко отправился к универмагу, где повстречал командира роты лейтенанта Николая Кокарева:

– Сволочи! Полчаса назад выбросили белую тряпку, а попытались приблизиться к ним – ударили из пулемета. Смотрите, опять что-то...

Старший лейтенант Ильченко, распорядившись прекратить огонь, вместе со старшим лейтенантом Владимиром Костюшко короткими перебежками попытались приблизиться к воротам универмага. Едва офицеры преодолели несколько метров, как над головами засвистели пули. Ильченко вернулся, приказал минометчикам “подсыпать в штаны фашистам жару”. Подсыпали. Да так, что из окон разбитого универмага показалось сразу несколько бело-серых тряпок – знаков капитуляции.

На этот раз парламентаров не обстреливали. Старших лейтенантов Ильченко,

Костюшко, капитана Гриценко, лейтенанта Межирко и сопровождавших их автоматчиков встретил немецкий офицер, назвавшийся адъютантом генерала Роске. Он сообщил, что в подвале находится штаб 6-й армии.

Федор Ильченко связался по радио с комбригом.

– Немцы согласны начать переговоры, но требуют представителя высшего командования.

– Чего требовать, когда сидят в мышеловке, – заметил полковник Бурмаков, а потом добавил:

– Хорошо, Федор, потолкуй с ними пока сам, а мы тут что-нибудь придумаем.

Комбриг послал солдата за подполковником Винокуром, приказал радисту связаться с Шумиловым.

– Паулюс там? – спросил командарм.

– Пока неизвестно. Отправлю к ним своего заместителя. Смелый, решительный человек.

– Добро. Посылаю на помощь твоим парламентарам полковника Лукина, подполковника Мутовина и майора Рыжова. Они будут иметь полномочия вести переговоры от имени командования армии.

Подполковник Винокур и прибывшая затем группа офицеров провели предварительные переговоры о капитуляции. Паулюс участия в диалоге не принимал, заявив, что будет сдаваться в плен только представителю высшего командования и чтобы тот был в чине генерала.

Когда доложили генерал-лейтенанту Шумилову, он вызвал начальника штаба армии генерал-майора Ивана Андреевича Ласкина.

– Иван Андреевич, вам поручается особое задание – принять официальную капитуляцию 6-й немецкой армии. Только что звонил командующий фронтом Константин Константинович Рокоссовский. Просил соблюдать особую осторожность и бдительность...

В стан врага генерал-майор Ласкин и полковник Бурмаков добрались без особых происшествий. Заметив в проеме двери советского генерала, гитлеровцы повыскакивали. Начальник штаба 6-й армии генерал-лейтенант Шмидт доложил: “Генерал-фельдмаршал Паулюс поручил вести переговоры о капитуляции мне и генерал-майору Роске”.

– Немедленно отдайте приказ о прекращении огня, – потребовал генерал Ласкин.

– Гут. Айн момент, – услужливо засуетился Роске.

Застрекотали полевые телефоны, через радиостанции в эфир понеслись слова, означающие начало капитуляции. Наши парламентары изложили Ивану Андреевичу выдвинутые гитлеровцами вопросы.

– Вы дали ответы? – спросил Ласкин.

– Сначала я им все растолковал, – сказал подполковник Винокур, затем повторил условия капитуляции полковник Лукин, а они хотят, чтобы то же самое подтвердили еще вы.

Иван Андреевич обратился к переводчику:

– Жизнь фельдмаршалу гарантируем. На нашей машине и под усиленной охраной он будет доставлен в штаб фронта. Офицеры и солдаты могут взять личные

Долгожданный миг Сталинградский Победы

вещи. Денщики и ординарцы могут сопровождать свое начальство. Возражений против издания прощального приказа по армии нет. Немецкие врачи до особого указания нашего командования могут обслуживать раненых и больных...

Изложив условия капитуляции, генерал Ласкин спросил:

– А где же сам Паулюс?

– В соседней комнате, я сейчас обо всем доложу ему, – засуетился Шмидт. – Еще раз просил бы вас, господин генерал, обезопасить жизнь нашего фельдмаршала.

Ласкин распорядился:

– Поставьте у кабинета Паулюса нашего часового.

Через минуту рядом с немецким часовым стоял советский автоматчик.

...После долгих поисков удалось установить его имя, а затем состоялась встреча со старшим сержантом запаса Петром Васильевичем Алхутовым.

– Вошли мы во вражеское логово, – вспоминал Петр Васильевич. – Каждый смотрит на нас волком, но оружие в ход не пускает. Подполковник Винокур завязал разговор с гитлеровскими генералами, а наше дело солдатское – не спускать глаз с гадов, держать палец на спусковом крючке автомата... Потом в подвал универсама прибыл генерал Ласкин и приказал выставить часового. Выбор пал на меня.

Пока подходил к порогу кабинета Паулюса, незаметно снял автомат с предохранителя. Сознал возложенную на меня ответственность и был готов ко всему. А у стоявшего напротив меня немецкого часового исказилось от страха лицо, и задрожал подбородок...

Шмидт, болтавшийся маятником между советскими парламентарями и Паулюсом, конечно же, поставил шефа в известность о нашем часовом. Не этот ли

факт лег в основу содержания последней депеши фельдмаршала?

Паулюс попросил 20 минут на приведение себя в порядок. Время истекло, а его нет. Ласкин послал Шмидта. Вернулся он от шефа, как побитый пес, и заискивающе проговорил: “Фельдмаршалу сейчас плохо, он просит еще 20 минут”. Парламентеры не согласились с этим. Вошли к Паулюсу.

Вид у фашистского командующего был далеко не фельдмаршальский. Пепельно-желтое лицо обросло щетиной. Красные воспаленные глаза, Левая щека и глаз дергались от нервного шока.

– Господин Паулюс, вы пленены войсками 64-й армии... – с металлом в голосе объявил генерал Ласкин.

Фашистский командарм подошел к советскому генералу, негромко произнес:

– Фельдмаршал германской армии Паулюс сдается Красной Армии в плен...

Наши офицеры внимательно рассматривали высокого, худощавого человека, облаченного в помятую шинель с погонями генерал-полковника немецкой армии. Видно, Паулюс заметил. Мельком взглянув на свои погоны, сказал:

– Я только вчера произведен в генерал-фельдмаршалы. Новой формы одежды у меня нет...

Когда вывели из подвала пленного генерал-фельдмаршала Паулюса, двор универмага полностью был захвачен советскими воинами. Вверх полетели шапки, грянуло мощное “Ура!”

В ходе ликвидации окруженной вражеской группировки советские войска наголову разбили 22 фашистские дивизии и взяли в плен свыше 91 тысячи гитлеровцев, в том числе более 2500 офицеров, 24 генерала. Впервые за всю историю войн на Руси был пленен вражеский фельдмаршал.

Паулюсу разрешили забрать с собой начальника штаба и всю свиту – адъютанта, двух офицеров-ординарцев, личного врача, денщиков, а также личные вещи. Затем его доставили в штаб армии к Шумилову.

Пленные гитлеровские генералы

Допрос Паулюса в штабе Донского фронта. Константин Константинович Рокоссовский (на снимке слева), плененный генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс (на снимке справа)

Михаил Степанович первым допрашивал Паулюса. В семь часов вечера 31 января вместе с пленными генералами Паулюс был направлен в штаб Донского фронта к Рокоссовскому. Оттуда его направили в Ставку Верховного Главнокомандующего.

Город на Волге выдержал двухсотдневную осаду и победил. В Германии был объявлен трехдневный траур. Гитлер был в панике. Он кричал, что его предают, ставят личные интересы выше государственных: “Так легко пустить себе пулю в лоб. И каким надо было быть трусом, чтобы испугаться!”. Смерть Паулюса была бы стимулом выстоять для тех, кто окажется в другом “котле”.

Немецкие офицеры о Сталинградской битве

В печальных событиях на Волге я узрел поворотный пункт войны не только в военном отношении. Во всем пережитом я теперь видел и ощущал еще и нечто другое – предвосхищение конечной катастрофы, навстречу которой шла Германия.

Смертельная схватка под Сталинградом не только завершилась тотальной победой достойного противника, преподнесшего немецким захватчикам современные “Канны”, но и нанесла уничтожающий удар по бредовым замыслам и захватническим устремлениям нацизма. Битва под Сталинградом пробудила в советском народе небывалую энергию и мобилизовала его могучие силы. Во всяком случае, сокрушительный разгром немецкой армии на Волге был не только следствием численного перевеса и превосходства человеческих и материальных ресурсов противника, как это еще сегодня хотел бы представить кое-кто из тех, кто ничему не научился. Борьба советского народа, защищавшего и освобождавшего свою подвергшуюся иноземному нашествию Родину, окончательно привела в дни Ста-

линграда к динамическому слиянию большевистского государственного строя и советского патриотизма, превратившемуся в решающий фактор мировой политики.

Иоахим ВИДЕР

(Офицер разведчик 6-й армии Паулюса)

Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой в 1709 году Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав.

Ганс ДЁРР

(Офицер штаба 6-й армии Паулюса)

(“Сталинград”, М., 2002 г. с. 112, 120, 235)

В штаб 64-й армии из Москвы пришла радостная телеграмма: Ставка Верховного Главнокомандования поздравляла весь личный состав с присвоением гвардейского звания. Армия получила наименование седьмой гвардейской. В этом немалая заслуга командарма Михаила Степановича Шумилова. Под его энергичным руководством армия была сплочена в единый боевой коллектив.

За время Сталинградской битвы соединения генерала Шумилова уничтожили 127390 солдат и офицеров противника, 475 танков, 798 орудий и много другой военной техники врага, взяли в плен десятки тысяч немецких солдат и офицеров.

...Солнечным выдался день 4 февраля 1943 года. Над площадью Павших борцов теплый ветерок колыхал красные стяги.

Здесь вливались все новые и новые колонны защитников города. Они образовали прямые ряды. Открылся митинг, посвященный исторической победе. Один за другим поднимались на трибуну прославленные воины. В своей речи на митинге командарм Шумилов сказал:

– Второго февраля мы услышали последний выстрел в Сталинграде. С капитуляцией северной группировки врага завершилась невиданная в истории операция, осуществленная по плану Верховного Главнокомандования. Наши бойцы остановили врага, не пустили его к Волге, и Сталинград стал могилой для фашистских захватчиков...

2 февраля 1943 года в 16 часов историческая Сталинградская битва закончилась. Это была выдающаяся победа советского народа. Воины Красной Армии проявили массовый героизм, мужество и высокое воинское мастерство. Звания Героя Советского Союза удостоены 127 человек. Медалью “За оборону Сталинграда” награждено свыше 760 тысяч воинов и тружеников тыла. Ордена и медали получили

Фотохроника ТАСС

Разбитая фашистская техника

17550 воинов и 373 ополченца.

В решающих боях за Сталинград сыграли важную роль прославленные уральские соединения: 3-я гвардейская стрелковая дивизия, 2-й гвардейский механизированный корпус, 121-я танковая бригада имени Челябинских колхозников. Ее танкам «КВ», построенным на средства наших славных сельских тружеников, было суждено своей броней сделать несокрушимым кольцо окружения фашистской группировки в окрестностях Сталинграда. Помните, 31 декабря 1942 года секретарь Челябинского обкома партии Николай Семенович Патоличев докладывал Государственному Комитету Оборона, что в канун нового года уполномоченные колхозники области приняли от завода и передали частям Красной Армии первые 150 тяжелых танков. Сбор средств и выпуск танков продолжают.

Эти боевые машины сыграли важнейшую роль в боях за город – твердыню на Волге, и башни танков «Челябинские колхозники» навечно взметнулись на поста-ментах у Мамаева кургана.

Недаром министр пропаганды гитлеровской Германии доктор Геббельс негодовал, оправдывая неудачи на фронте в январе 1943 года: «Кажется каким-то чудом, что из обширных степей России появляются все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепит из уральской глины большевистских людей и технику в любом количестве». Нет, волшебников не было. Были люди-патриоты, жертвующие всем ради спасения и свободы Родины.

В наступлении на Среднем Дону героически действовали уральская 159-я стрелковая дивизия, 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола.

В ходе Сталинградской битвы были разгромлены 5 вражеских армий, в том числе 2 немецкие и одна итальянская. Общие потери немецко-фашистских войск убитыми, ранеными и пленными составили более 1,5 миллиона человек, 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, более 4 тысяч самолетов, 75 тысяч автомашин и большое количество другой техники.

Грамота Сталинграду президента США Франклина Д. Рузвельта и почетный меч — дар короля Великобритании Георга VI — Сталинградцам в ознаменование разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Цвет гитлеровского вермахта нашел здесь могилу. Идея удара по гитлеровцам с юга, где в основном были сосредоточены войска сателлитов Германии, и окружение всей Сталинградской группировки немцев возникла у Жукова и Василевского еще в сентябре 1942 года. Сталин ее одобрил, Генштаб проработал в деталях. До поры этот план держался в строжайшем секрете и был полной неожиданностью для командования вермахта.

Именно за этот план Жуков был удостоен только что учрежденного тогда ордена Суворова 1-й степени за № 1, а Василевский получил орден Суворова за № 2. 18 января 1943 года Георгия Константиновича произвели в Маршалы Советского Союза, а 16 февраля стал Маршалом и Василевский, которому лишь месяц назад было присвоено звание генерала армии.

“Никогда в истории ни одна армия не сражалась с таким хладнокровием и стойкостью, с таким непревзойденным героизмом и мастерством, как Красная Армия.

Давайте искренне признаем, что не будь великих подвигов Красной Армии, судьба народов Мира была бы поистине мрачной”, писала английская газета “Ивнинг Ньюс”.

В ноябре 1943 года, через год после начала операции! “Уран”, низко над Сталинградом пролетел транспортный самолет “Дуглас”. На его борту находились советские дипломаты, направлявшиеся из Москвы в Тегеран для встречи с руководителями США и Великобритании. В их числе был и Валентин Деканозов. Позже он записал в своем дневнике: “В молчании мы прильнули к иллюминаторам. Показались первые дома, а потом начался какой-то невообразимый хаос: коробки полуразрушенных зданий, груды щебня, торчащие в небо трубы... Тут и там копошились крохотные фигурки людей. Некоторые дома уже полностью восстановлены. В степи за городом видны подбитые танки”.

На конференции в Тегеране Черчилль преподнес советской делегации Меч Ста-

Вручение почетного меча – дара короля Великобритании Георга VI – гражданам Сталинграда в Тегеране 29 ноября 1943 года в ознаменование разгрома гитлеровских захватчиков

линграда. На лезвии была выгравирована надпись: “Дар короля Георга VI стойким защитникам Сталинграда в знак уважения от британского народа”. Вручая подарок, Черчилль произнес прочувствованную речь. Сталин принял меч двумя руками, поднес его к губам и поцеловал ножны. Когда советский лидер передавал реликвию маршалу Ворошилову, меч выпал из ножен и с грохотом упал на пол. Это досадное происшествие несколько омрачило торжество момента.

В тот же вечер за обедом Сталин произнес тост. Он сказал: “Я предлагаю выпить за то, чтобы все военные преступники как можно скорее предстали перед лицом правосудия. Я пью за наше единство в борьбе с ними и за то, чтобы все виновные понесли наказание”. (Э. Бивор, “Сталинград”, Смоленск, 1999 г., с. 426-427).

Победа под Сталинградом вызвала огромный подъем творческих сил всего мира. Скульпторы, писатели и поэты посвящали ей свои произведения. Пабло Неруда написал поэму “Песни любви Сталинграду”. Народный художник СССР Евгений Викторович Вучетич хотел, чтобы на Мамаевом кургане были высечены имена всех солдат и офицеров, погибших в Сталинградской битве. Он думал, что это возможно сделать. Когда обратились за списками в Подольский архив и бюро потерь при Генштабе Министерства Обороны, то там ответили, что такое задание уже поступало от секретаря ЦК КПСС Фрола Романовича Козлова. Когда ему после года работы сказали, что насчитали уже два миллиона, а работы хватит еще на несколько месяцев, он с горечью сказал: “Хватит!” И работу прекратили.

Мы навсегда запомним, что победа в Сталинградской Битве стала самым крупным военно-политическим событием второй мировой войны. Поражение в ней вермахта отрезвило головы руководства Японии и Турции, заставило их изменить намерение о вступлении в войну против СССР на стороне Германии. Эта победа создала благоприятные условия для наших союзников. Весной 1943 года итало-германские войска в Северной Африке полностью капитулировали. В июне 1943 года был образован Французский Комитет национального освобождения под руководством генерала Шарля де Голля. Движение Сопротивления фашизму стало носить массовый интернациональный характер.

ЧТОБЫ КРЕПЛА МОЩЬ ОТЕЧЕСТВА

В приказе № 227 Верховного Главнокомандующего СССР Иосифа Виссарионовича Сталина, изданном через год войны с фашистской Германией, приведены ужасающие цифры наших потерь. Под пятой гитлеровцев оказались Украина, Белоруссия, Прибалтийские республики, Молдавия, ряд важных областей Российской Федерации с их промышленными, сельскохозяйственными, другими важнейшими экономическим ресурсами, с населением свыше 70 миллионов человек.

На оккупированной врагом территории перед войной производилось 75 процентов всей выплавки в стране чугуна, около 60 процентов стали, более 55 процентов проката черных металлов, добывалось более 60 процентов угля...

И чтобы нашей стране в этих условиях выстоять против отомобилизованных

полчищ вермахта и армий государств-сателлитов гитлеровской Германии, против экономической мощи почти всей Европы, потребовались не только крутые меры на линии фронта с приказом – “Ни шагу назад!”, но и такая же решимость в усилении управления народным хозяйством, подчинении интересам обороны страны и разгрому врага всех и вся, начиная от оборонных заводов-гигантов, типа Челябинского тракторного, до самой малехонькой промартели, до лучшего использования каждого гектара общественной пашни, возможностей наращивания производства продукции каждой колхозной и совхозной фермой, каждой коровой на подворье сельских жителей и каждой соткой земли на личном огороде. Следовало на практике осуществить лозунги тех дней: “Что боец фронтовой, что боец трудовой – все на линии передовой”, “На фронте ли, в шахте – все мы на боевой вахте”, “Бей врага на фронте огнем, в тылу – трудом!” Только такое единство и всеобщее стремление к победе могли изменить обстановку на советско-германском фронте в нашу пользу.

Для этого стало необходимо приблизить и усилить государственное руководство к непосредственным исполнителям нужд фронта. Одной из форм этого могло бы стать разукрупнение некоторых областей, например, той же Челябинской, ставшей одной из основных по производству черного металла. Сюда из прифронтовых районов было эвакуировано более двухсот предприятий, среди которых с уже перечисленными ранее по городам Кургану, Шадринску, Катайску и Петухово, заводищи-гиганты “Азов-сталь”, “Серп и молот”, “Калибр”, “Красный пролетарий” и другие. В течение 1942 года все эти предприятия заработали в полную силу на оборону. Кроме этого были созданы заново Челябинский трубный завод, Чебаркульский металлургический, десятки других.

Огромным потоком из Челябинской области шло на фронт вооружение и снаряжение. К концу 1942 года промышленное производство здесь утроилось в сравнении с предвоенным. Кроме того, многие районы были удалены от областного центра на полтысячи и более километров. Да если еще учесть средства передвижения и связи тех лет, базирующиеся на лошадях и проводной телефонной связи до крупных селений, то можно представить, как сложно, а порой и невозможно было оперативно влиять на положение в улучшении дела в отдаленных районах, селах и деревнях.

Но решить эту проблему было невозможно росчерком пера, потребовалась кропотливая работа по изучению территорий, размещению на них предприятий и различных объектов, размежеванию границ, подбору кадров. Да и обстановка на фронтах в момент принятия Приказа № 227 была напряженнейшая, настолько острая, что пословица: “лошадей на переправе не меняют” была очень уместной, требующей семь раз отмерить – раз отрезать.

В начале 1943 года положение на фронте несколько стабилизировалось, и можно было шаг за шагом начинать реализовывать намеченное. Были уже проведены и разносторонние подготовительные работы. Указом Верховного Совета СССР от 19 января была образована Ульяновская область в составе РСФСР. А через неделю таким же Указом была образована Кемеровская область. 6 февраля 1943 года последовал Указ об образовании нашей – Курганской области.

**УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ОБ ОБРАЗОВАНИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В
СОСТАВЕ РСФСР**

Утвердить представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об образовании Курганской области с центром в городе Кургане.

В состав Курганской области включить: города Курган и Шадринск, Альменевский, Белозерский, Варгашинский, Галкинский, Глядянский, Далматовский, Звериноголовский, Каргапольский, Катайский, Кировский, Курганский, Куртамышский, Лебяжьевский, Лопатинский, Макушинский, Мехонский, Мишкинский, Мокроусовский, Мостовской, Ольховский, Петуховский, Половинский, Сафакулевский, Уксянский, Усть-Уйский, Частоозерский, Чашинский, Шадринский, Шатровский, Шумихинский, Щучанский, Юргамышский районы, выделив их из состава Челябинской области, Армизонский, Бердюжский, Исетский, Упоровский районы и Верхне-Манайский, Видоновский, Киселевский, Масальский, Нижнее-Манайский, Пантелеевский, Пятковский и Слободчиковский сельские Советы Ново-Заимского района, выделив их из состава Омской области.

*Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин,
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.
Москва, Кремль, 6 февраля 1943 года.*

А через год были дополнительно образованы Брянская, Калужская, Новгородская, Костромская, Томская, Владимирская, Тюменская, Псковская области и Тувинская Народная Республика в составе СССР. Конечно, делалось это не одним махом, а постепенно, планомерно.

*Тетюшев
Петр Алексеевич*

Что этот процесс был непростым, можно убедиться, рассмотрев документы о формировании руководства нашей Курганской области. Вслед за Указом последовало распоряжение об образовании Оргбюро по созданию областного аппарата. Возглавил его Петр Алексеевич Тетюшев, человек с опытом руководящей и организаторской работы. Родился он в 1906 году в семье рабочего города Царицына, прошел школу комсомольской работы, в 1937 году окончил институт Красной Профессуры в Москве. Работал после этого заведующим оргинструкторским отделом Саратовского обкома партии, был переведен инструктором в ЦК ВКП (б), после года работы в этой должности был избран вторым секретарем Красноярского обкома партии. В 1942 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени, до назначения руководителем Оргбюро в Курганской области и первым

секретарем обкома ВКП(б) два месяца находился на фронте.

Членом оргбюро и вторым секретарем Курганского обкома партии был назначен Степан Андреевич Дерябин. Родился он в 1906 году в селе Дерябино Пермской губернии. Окончил Академию социалистического земледелия в Москве. До партийной деятельности работал директором Белозерского совхоза, главным агрономом в Шумихинском районе, с 1940 года возглавлял отдел сельского хозяйства Челябинского обкома партии. В 1942 году за работу по развитию зернового хозяйства в области награжден орденом “Знак Почета”. (ГАОПДКО, ф. 5857, оп. 3, д. 452).

Третьим секретарем обкома партии был назначен Александр Федорович Ахлюстин. До выдвижения на эту должность окончил Челябинский Комвуз, работал первым секретарем Троицкого горкома партии, с 1942 года был секретарем Челябинского обкома партии по предприятиям топливной и местной промышленности.

Секретарем по идеологической работе и пропаганде обкома партии был назначен Боян Степанович Ржанов, 1914 года рождения, горьковчанин. Перед войной он окончил Высшую Партийную школу при ЦК ВКП (б) и работал в Омском обкоме партии. Зарекомендовал себя умелым пропагандистом и организатором.

Секретарем обкома по кадрам был назначен Иван Александрович Орлов, уроженец Рязани, окончивший там же Губернскую совпартшколу, с 1937 года возглавлявший Каргапольский райком ВКП (б) Челябинской области и хорошо зарекомендовавший себя на этом посту.

Секретарем по местной промышленности был утвержден Михаил Павлович

Кобелев, выпускник Ленинградского политехнического института, инструктор ЦК ВКП (б).

Секретарем обкома партии по животноводству утвержден Иван Васильевич Москвичев, выпускник Смоленского Комвуза, поработавший в Челябинской области директором совхоза, вторым и первым секретарем Звериноголовского райкома.

Секретарем по лесной промышленности утвержден Сергей Александрович Карандашов.

Видно, что даже подбор на должности секретарей обкома партии потребовал изучения кадров в разных регионах страны. И все это были люди с достаточным опытом и организаторскими способностями, как показало время и дела.

На первом же заседании бюро Курганского обкома партии были утверждены заведующие ведущих отделов обкома.

Заведующей оргинструкторским отделом стала Зоя Иокимовна Сочнева, активистка из местных кадров, окончившая Высшую школу парторганизаторов в Москве.

Промышленный отдел возглавил Дмитрий Сергеевич Бондаренко, инженер-экономист, эвакуированный с Украины вместе с заводом № 308, работавший в то время в Кургане главным диспетчером завода № 603 и хорошо знавший обстановку на промышленных предприятиях города.

Военный отдел обкома партии возглавил Проконий Кондратьевич Косарев, опытный журналист, партийный работник, комиссар на фронте в 1941-1942 годах.

Его заместителем был утвержден Иван Алексеевич Багрецов.

Заведующим сектором оборонных кадров обкома партии утвердили Лазаря Максимовича Соколова, работавшего ранее в органах Государственной безопасности.

Инструктором военного отдела обкома партии утвердили Филарета Евтеевича Белослудцева, выпускника Хабаровского военного училища, бывшего фронтовика-командира взвода, заместителя политука батареи, начальника штаба минометного дивизиона, участника многих боев, раненного и награжденного в 1942 году медалью “За отвагу”.

*Косарев
Проконий Кондратьевич*

Председателем Курганского областного исполнительного комитета депутатов трудящихся был назначен Сергей Иванович Моликов, родившийся в 1905 году в крестьянской семье на орловщине. Он прошел хорошую школу советской и партийной работы, колхозного строительства, два года был инструктором ЦК ВКП (б), а с 1941 года работал заместителем председателя Челябинского облисполкома. На этом посту проявил себя умелым организатором сельскохозяйственного производства, за что в 1942 году награжден орденом “Знак Почета”.

Заместителем заведующего отделом по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при Курганском облисполкоме был утвержден Петр Павлович Кузьмин.

Курганская областная комсомольская организация была образована в феврале 1943 года. В ее состав вошли две городские и 36 районных организаций.

Областной комитет ВЛКСМ возглавил первый секретарь Анатолий Ефимович Баденков, прибывший из города Калинина, где возглавлял Калининский обком комсомола.

*Баденков
Анатолий Ефимович*

Секретарем по кадрам была утверждена Федорова Антонина Петровна, по профессии учительница, работавшая ранее инструктором Курганского городского комитета ВКП (б). Секретарем по пропаганде – Поляков Григорий Федотович, преподаватель. Прибыл из Челябинской области.

Секретарем по военной работе – Базилевич Анатолий Захарович, офицер запаса, участник финской и Великой Отечественной войн, получивший тяжелое ранение под Одессой и направлен в 1942 году в Челябинский обком комсомола. (ГАОПДКО, ф. 166, личные дела).

*Моликов
Сергей Иванович*

Одновременно с образованием Курганской области, на основании приказа Народного Комиссариата Оборона СССР, подписанного Иосифом Виссарионовичем Сталиным, решения Военного Совета Урал-ВО и предписания начальника штаба округа от 23 февраля 1943 года за № 044/2302, началось формирование Курганского областного военного комиссариата.

Первый военный комиссар Курганской области подполковник интендантской службы Филимон Андреевич Мащенко был хорошо подготовленным, знающим порученное ему дело человеком, прошедшим нелегкий военный путь.

Призванный в октябре 1913 года Таращанским уездным по воинской повинности присутствием на действительную военную службу, уроженец села Ставищевка Филимон Андреевич Мащенко был направлен в 3-ю Финляндскую артиллерийскую бригаду. Пройдя курс подготовки в учебной команде, проявив усердие в службе, он как один из лучших канониров был произведен

в “фейерверкеры” – младшие унтерофицеры. В этой должности прошел 1-ю Мировую войну, участвовал в Восточно-Прусской операции 1914 года, в боевых действиях на Юго-Западном фронте в 1915-1917 годах.

После Октябрьской социалистической революции Мащенко Филимон Андреевич в марте 1918 года добровольно вступил в ряды Красной Армии и как военный специалист возглавил артиллерийскую батарею Особой армии Муравьева на Украине. В боях проявил профессионализм, мужество и отвагу. После тяжелого ранения и излечения в госпитале в октябре 1918 года был назначен на должность помощника начальника отдела в управление комплектования штаба 5-ой армии Восточного фронта, действовавшей против мятежного чехословацкого корпуса и армии Колчака. Принимал участие в освобождении от них Среднего Поволжья, Урала и Сибири.

Мащенко
Филимон Андреевич

После освобождения города Омска от колчаковцев и восстановления советских учреждений, Мащенко как человек, имевший большой боевой опыт, показавший себя отличным специалистом и штабным работником Красной Армии, в конце 1919 года был назначен помощником Омского уездного военного комиссара, а в мае 1920 года – возглавил Уездный военный комиссариат. В этом же году Филимон Андреевич за боевые заслуги в гражданской войне был награжден орденом Красного Знамени. Так началась его служба в местных органах военного управления.

В течение последующих 22 лет, вплоть до назначения в Курганскую область, он возглавлял Омский губернский, Кемеровский уездный, Барабинский, Бийский, Новосибирский, Омский окружные, Нижне-Тагильский городской военные комиссариаты, был начальником отдела штаба Новосибирского Сибирского военного округа. И, как свидетельствуют послужной список и личное дело, везде проявлял себя с самой лучшей стороны.

В 1941 году Мащенко был военным комиссаром города Нижнего Тагила. В первые дни войны сюда пришло немало участников гражданской войны, боев в Монголии и на Карельском перешейке. Среди них был и наш земляк Герой Советского Союза Петр Дмитриевич Залесов, получивший это высокое звание во время боев с белофиннами. На митинге трудящихся города он заявил:

“Прошу немедленно направить меня на фронт... Тех, кто останется на заводах, я призываю... давать больше металла на нашу боевую технику”.

К 1 июля, за первые восемь дней войны, в стране было призвано в армию 5,3 миллиона человек, часть из них пришла в армию с Урала.

Особенно самоотверженно, слаженно трудился коллектив Нижне-Тагильского горвоенкомата. Он значительно лучше и организованнее других провел мобилизацию. Работал в тесном контакте с местными партийными, советскими и хозяй-

ственными органами, ощущал с их стороны постоянную помощь. С призываемыми в армию проводились беседы и собрания, для них читались лекции и доклады о международном положении, о событиях на фронте, о присяге и уставах. За умелую работу горвоенком Филимон Андреевич Мащенко был награжден орденом Красной Звезды. (ЦАМО, ф. 150, оп. 96991, д. 6, л. 97, 98; "Краснознаменный Уральский", М., 1983, с. 106).

Приказ № 1 По Курганскому Областному Военному Комиссариату

1 марта 1943 года

город Курган

§1

Сего числа вступил в исполнение обязанностей Курганского Облвоенкома и приступил к формированию Областного военного комиссариата по штату № 3/802

*Областной Военный Комиссар
Подполковник интендантской службы Мащенко*

Его главным помощником и надежной опорой в службе и работе стал начальник 1-ой части интендант 1-го ранга Сопельников Дмитрий Сергеевич, зачисленный в состав облвоенкомата 2 марта 1943 года.

Военная биография этого человека началась 1 октября 1915 года, когда Аткарским уездным по воинской повинности присутствием уроженец села Баланда Саратовской губернии был досрочно призван в армию и направлен в 159 запасной стрелковый батальон. Пройдя курс обучения, он в составе 2-го полка 1-й Особой пехотной дивизии экспедиционного корпуса убыл во Францию, где принимал участие в боях 1-й Мировой войны до апреля 1917 года.

*Сопельников
Дмитрий Сергеевич*

В августе 1919 года Сопельников Дмитрий Сергеевич вернулся в Советскую Россию, а в октябре уже был призван в ряды Красной Армии и направлен на Южный фронт командиром взвода Отдельной кавалерийской бригады. Затем проходил службу в составе бронечастей Орловского и Московского военных округов, стрелкового корпуса Белорусского военного округа, Западного фронта.

В 1926 году связал свою военную и служебную деятельность с местными органами военного управления и в течение 17 лет занимал должности начальников различных частей военных комиссариатов, возглавлял отделение оргуправления инспекции кавалерии штаба Волховского фронта и всегда добросовестно, с полной отдачей сил выполнял свои обязанности, решал оперативно поставленные задачи.

К началу формирования областного военного комиссариата его штат включал в себя 3 отдела, 7 частей, 2 отделения и 38 офицерских должностей. Среди них были: политический отдел – 3 человека, 1-я часть – 3 человека, 2-я часть – 3 человека, 3-я часть – 5 человек, 4-я часть – 1 человек, 5-я часть – 2 человека, 6-я часть – 1 человек, общая часть – 3 человека, отдел Всевобуча – 5 человек, отдел инспектирования военной подготовки учащихся – 4 человека, финансовое отделение – 2 человека, оперативно-плановое отделение – 2 человека, начальника военно-пересыльного пункта, военного фельдшера и техника-оружейника.

Офицерский состав для формирования областного военного комиссариата начал прибывать с 15 февраля 1943 года. Им практически сразу же был укомплектован отдел Всевобуча, который возглавил старший лейтенант Барабкин Петр Федорович, до этого служивший в Челябинском областном военном комиссариате. Ему подчинялись – старший инструктор капитан Белозеров Сергей Федорович и инструкторы – старшие лейтенанты Леденев Дмитрий Яковлевич, Маштаков Александр Васильевич, Савченко Захар Акимович.

Начальником отдела инспектирования военной подготовки учащихся был назначен майор Майборода Александр Иванович. В штат его подразделения вошли инструкторы – старшие лейтенанты Лепилов Александр Михайлович, Карпутин Василий Федорович и лейтенант Шилов Петр Семенович.

Оперативно шло укомплектование и других структурных подразделений. Третью часть возглавил старший лейтенант Медведев Александр Павлович, помощниками которого стали: техник-интендант 2-го ранга Ткачев Павел Васильевич и лейтенант Пабалкин Тимофей Степанович. В штат финансового отделения вошли:

Здание военного комиссариата Курганской области. 1943 год.

начальник – интендант 3-го ранга Маклаков Дмитрий Сергеевич и его старший помощник техник-интендант 1-го ранга Сенкевич Владимир Юльевич. Общую часть возглавил техник-интендант 1-го ранга Мальчик Степан Петрович. Старшим инструктором политического отдела был назначен капитан Карлов Александр Филиппович, а помощником начальника 1-й части – старший лейтенант Огородников Иван Васильевич.

Эти офицеры вместе с военным комиссаром подполковником Машенко Филимоном Андреевичем и начальником 1-й части интендантом 1-го ранга Сопельниковым Дмитрием Сергеевичем, были первыми военнослужащими, стоявшими у истоков формирования областного военного комиссариата.

В период с 3 по 13 марта специально созданные комиссии Курганского областного военного комиссариата осуществили прием людских и материальных ресурсов из местных органов военного управления Челябинской, Омской областей и города Тюмени.

Акт

приема – передачи от Челябинского областного военного комиссариата Курганскому областному военному комиссариату людских и материальных ресурсов

6-11 марта 1943 года

город Челябинск

Комиссия под председательством начальника 1-ой части Курганского облвоенкомата – интенданта 1-го ранга Сопельникова Дмитрия Сергеевича на основании распоряжения начальника штаба УрВО за № ОРГ/77 и предписания Курганского областного военного комиссара от 3 марта 1943 года за № 1/303 – произвела прием личного состава, документов и имущества от Челябинского облвоенкомата за горрайвоенкоматы, отошедшие в Курганскую область.

Райвоенкоматы подчинить Курганскому облвоенкомату с 13 марта 1943 года.

Список военкоматов: Альменевский, Белозерский, Варгашинский, Галкинский, Глядянский, Далматовский, Звериноголовский, Каргапольский, Катайский, Кировский, Курганский городской военный комиссариат, Курганский районный военный комиссариат, Куртамышский, Лебяжьевский, Макушинский, Мокроусовский, Мостовской, Мехонский, Ольховский, Петуховский, Половинский, Сафакулевский, Уксянский, Усть-Уйский, Чашинский, Шадринский объединенный городской военный комиссариат, Шатровский, Шумихинский, Щучанский, Юргамышский.

Акт
приема-передачи от Омского областного военного комиссариата Курганскому областному военному комиссариату
людских и материальных ресурсов

6 марта 1943 года

город Омск

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 года Омский областной военный комиссар подполковник Старушкин, с одной стороны, и ответственный представитель Курганского областного военного комиссариата начальник отдела Всеобуча старший лейтенант Барабкин Петр Федорович, действующий на основании распоряжения Курганского областного военного комиссариата от 27 февраля 1943 года № 013/72-2 – с другой стороны, составили настоящий акт о передаче людских и материальных ресурсов Армизонского, Бердюжского, Упоровского районов и Верхне-Манайского, Видоновского, Киселевского, Масальского, Нижне-Манайского, Пантелеевского, Пятковского, Слободчиковского сельсоветов Ново-Заимского района из Омской области в Курганскую область.

С момента подписания акта Упоровский, Бердюжский, Армизонский районные военные комиссариаты переходят в подчинение Курганского областного военного комиссариата.

Акт
приема-передачи от Тюменского городского военного комиссариата
Курганскому областному военному комиссариату
людских и материальных ресурсов

13 марта 1943 года

город Тюмень

С одной стороны – начальник отдела Всеобуча Курганского областного военного комиссариата старший лейтенант товарищ Барабкин Петр Федорович, действующий на основании предписания Курганского областного военного комиссариата от 10 марта 1943 года за № 1/1003, с другой стороны – Тюменский городской военный комиссар майор Баев К.С. сего числа произвели прием-передачу документов, касающихся состояния ресурсов Исетского районного военного комиссариата, переходящего на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 года в подчинение Курганского областного военного комиссариата из подчинения Тюменского городского военного комиссариата.

С момента подписания акта Исетский районный военный комиссариат переходит в подчинение Курганского областного военного комиссариата.

Итог проведенной организационной работы подводит Приказ №3 “По Курганскому областному военному комиссариату” от 13 марта 1943 года:

§1 Считать формирование Курганского областного военного комиссариата законченным 13-го марта 1943 года.

§2 С сего числа Городские и Районные военные комиссариаты: Курганский городской военный комиссариат, Шадринский объединенный городской военный комиссариат; районные: Альменевский, Армизонский, Белозерский, Бердюжский, Варгашинский, Галкинский, Глядянский, Далматовский, Звериноголовский, Исетский, Каргапольский, Катайский, Кировский, Курганский, Куртамышский, Лебяжьеваский объединенный районный военный комиссариат, Макушинский, Мехонский, Мишкинский, Мокроусовский, Мостовской, Ольховский, Петуховский объединенный районный военный комиссариат, Половинский, Сафакулевский, Уксянский, Упоровский, Усть-Уйский, Чашинский, Шатровский, Шумихинский, Щучанский, Юргамышский, вошедшие в Курганскую область, подчинены мне.

§3 Всем горрайвоенкоматам Курганской области выполнение распоряжений Челябинского и Омского облвоенкоматов и Тюменского горвоенкомата с 13 марта 1943 года прекратить.

§4 Горрайвоенкоматам наряды, полученные до 13 марта 1943 года от указанных выше облвоенкоматов и Тюменского горвоенкомата, выполнить.

Впредь наряды по людским ресурсам, по поставке лошадей, гужевому и автотранспорту выполнять, даваемые Курганским облвоенкоматом.

§5 Для выполнения задач, поставленных Народным Комиссаром Обороны СССР перед военными комиссариатами – Приказываю:

1) Всем горрайвоенкоматам точно знать свои ресурсы, все наряды по людским и экономическим ресурсам выполнять безукоснительно в установленные сроки.

2) Неустанно готовить боевые ресурсы для фронта, безусловно, охватить весь контингент, подлежащий обучению в 4-й очереди Всевобуча, и обеспечить в установленный Народным Комиссаром Обороны срок высокое качество их подготовки.

3) Забота о семьях фронтовиков должна стоять в центре внимания работы горрайвоенкоматов как важнейшая государственная задача.

4) Требую от всего личного состава облвоенкомата, городских и районных военных комиссариатов установления железной воинской дисциплины, неустанного совершенствования военных знаний и повышения своей деловой квалификации по роду выполняемой работы.

**Областной военный комиссар
подполковник интендантской службы Мащенко**

Карта-схема расположения военных комиссариатов Курганской области в 1943 – 1944 годах.

В результате проведенных мероприятий в области была создана следующая структура местных органов военного управления: 1 областной, 1 городской, 1 объединенный городской, 2 объединенных районных и 31 районный военный комиссариат.

Местом дислокации областного военного комиссариата временно стали помещения городского военного комиссариата по улице Советской, 151.

Во второй половине марта продолжалось укомплектование областного военного комиссариата кадрами – прибыло еще 11 человек командно-начальствующего состава. В их числе: майор Банник Александр Прокопьевич – начальник политического отдела, техник-интендант Метелев Михаил Алексеевич – начальник 6-й части, капитан Пискунов Дмитрий Михайлович – начальник 2-й части.

В этом же месяце облвоенкомат начал укомплектовываться вольнонаемными служащими. Первыми были зачислены в штат: Ленская Эмма Николаевна – заведующей делопроизводством, Щербакова Екатерина Андриановна – счетоводом финансового отделения, Золотаревская Зинаида Романовна – заведующей делопроизводством общей части, Сперанская Ольга Иосифовна – машинисткой общей части, Новгородова Анна Васильевна и Черепанова Тамара Кондратьевна – бухгалтерами финансового отделения, Дехтярь Вера Алексеевна – заведующей делопроизводством 5-й части.

Решив основные организационные вопросы, областной военный комиссариат включился в напряженную работу органов местного военного управления страны и сосредоточил свои усилия на решении следующих задач: наведение должного порядка в состоянии воинского учета; изыскание мобилизационных резервов и выполнение нарядов по их поставке фронту; проведение военной подготовки учащихся и всеобщего военного обучения; комплектование военных училищ курсантами; розыск и задержание дезертиров; работа с семьями военнослужащих и инвалидами; выплата пенсий и выдача денег по аттестатам; изучение и проверка работы подчиненных военкоматов. Деятельность аппарата областного военного комиссариата регламентировалась приказом № 4 по Курганскому Областному Военному Комиссариату от 15 марта 1943 года: а) Начало работ – 9 часов; б) Рабочее время – 9-13 часов; в) Перерыв на обед – 13-14 часов; г) Рабочее время – 14-17 часов; д) Вечерние занятия – 20-23 часов. *(Архив облвоенкомата, приказы 1943 г.)*

На этом организационная часть формирования Курганского областного военного комиссариата завершилась. Он стал одной из важнейших составных частей областного, государственного аппарата, работающего на обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне.

Важное значение по подготовке молодежи и населения к воинской службе придавалось работе организаций ОСОАВИАХИМ. Председателем областного Совета был утвержден Александр Михайлович Кожевников. Его заместителем Александр Григорьевич Величко. Начальником отдела военного обучения – Иван Николаевич Сотников. В состав оргбюро вошли: Иван Алексеевич Багрецов, Анатолий Захарович Базилевич, Илья Львович Переплетчиков, Григорий Анатолиевич Синичкин.

Курганская областная партийная организация объединяла 12149 коммунистов. В ее состав входили 2 городские и 36 сельских районных партийных организаций. К моменту создания области в ней было 1100 партийных организаций, а областная комсомольская организация насчитывала в своих рядах более 30 тысяч человек.

На территории области находилось 478 различных промышленных предприятий, 1973 колхоза, 101 МТС и 37 совхозов. Все эти предприятия нуждались в более конкретном и оперативном руководстве и постоянном внимании к их деятельности. *(“Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”, 1975, с. 67-68).*

Центральный Комитет партии и Советское правительство поставили перед Курганским обкомом партии и облисполкомом задачу: обеспечить более быстрое развитие экономики и культуры в новой области, создать условия для превращения ее в одну из передовых в Российской Федерации.